

МОЛОДОЙ
Учёный

II Международная научная конференция

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чита

УДК 93
ББК 63
И90

Редакционная коллегия сборника:

*М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, В. В. Ахметова,
В. С. Брезгин, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, Е. В. Лескова, М. О. Насимов, А. С. Яхина*

Ответственный редактор: *Г. А. Кайнова*

Международный редакционный совет:

*Айрян З. Г. (Армения), Арошидзе П. Л. (Грузия), Атаев З. В. (Россия),
Велковска Г. Ц. (Болгария), Гайич Т. (Сербия), Данатаров А. (Туркменистан),
Ешиев А. М. (Кыргызстан), Игисинов Н. С. (Казахстан), Лю Цзюань (Китай),
Нагервадзе М. А. (Грузия), Прокопьев Н. Я. (Россия), Прокофьева М. А. (Казахстан),
Ребезов М. Б. (Россия), Хоналиев Н. Х. (Таджикистан), Хоссейни А. (Иран)*

Исторические исследования: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, декабрь
И90 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013. — iv, 76 с.

ISBN 978-5-905483-14-1

В сборнике представлены материалы II Международной научной конференции «Исторические исследования».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Елкей Н.Н.

О состоянии коневодства в годы независимости. 1

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Войнаровская Ю.В., Алексеенко Е.В.**

Демографическая ситуация в 1920–1930-е годы (на примере малых городов Поволжья) 3

Войнаровский О.В., Трифонова К.В.

Повседневность 1920–1950-х годов (на примере малого города Сызрани) 5

Гребенкин А.Н.

Совершенствование правового и организационного аспектов обеспечения царской
и императорской охраны в России в XVII–XVIII вв. 6

Давыдов А.Ю.

Искусство слова Василия Великого. Влияние на духовную культуру Средневековой Руси. 9

Закиров А.Ф.

Издания Казанского филиала Академия наук в годы Великой Отечественной войны 16

Крючкова В.Н.

Участие партизанского движения Ульяновского района Калужской области в боевых действиях
Великой Отечественной войны 19

Мороз И.А.

Развитие торговли в Брянской области в 50–60е годы XX века. 21

Поляков С.А.

1-й Гвардейский корпус в межреволюционный период 1917 года 26

Степанчук О.А., Стафоркин А.Е.

Архитектурные ценности как память вечности. 27

Шарафутдинов Д.Р.

Формирование взглядов российских дипломатов о Балканах в первой четверти XIX века 29

5. АРХЕОЛОГИЯ

Копылович М.В.

Неизвестные дороги Великой Отечественной войны 1941–1945 32

Пигин А.П., Рак И.Е.

Компьютерные технологии в анализе исторических данных (некоторые результаты уточнения положения
позиций правого фланга Эльтигенского десанта с использованием программных систем CREDO). 41

Степанчук О.А., Шумков С.В. Неизвестные страницы истории города Волгограда	45
Стрелковский А.А. Ранненеолитические керамические комплексы цедмарской и нарвской культур (к проблеме происхождения цедмарской культуры)	48

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Дубровский А.Д. Славяно-молдавские политические и этноязыковые контакты в раннем средневековье.	52
Евдокимова О.В. Слово как ритмообразующий фактор в промысле коми-пермяцкого охотника	58
Поповичева И.В. Традиционная культура Тамбовского края: обряды и обычаи, связанные с крещением ребенка	61

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Григорьева С.Е. Научно-исследовательская, музеографическая и культурно-образовательная деятельность Томского областного краеведческого музея (1990–2010 гг.)	65
Изотов И.В. Воспитание донских казаков на рубеже конца XIX – начала XX веков	70
Яковлева В.Л. «Житие протопопа Аввакума...» – реконструкция личной жизни, как предпосылка познания исторического социума	72

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

О состоянии коневодства в годы независимости

Елкей Нурлыбек Нурланулы, магистр истории
Костанайский государственный педагогический институт (Казахстан)

Мы, казахский народ, который жил по принципу: «По роду своему мы тюрки, лошади сопровождали нас испокон веков». Всем известно, что лошади у казахов издревле ценились высоко и являлись эталоном красоты. Великие вехи в истории, жизни народа связаны с тулпарами. Невозможно познать историю народа, глубже понять обычаи и традиции без этих грациозных животных.

Вопросу состояния коневодства в нашей стране посвящена данная статья.

Как известно, у казахов четыре вида домашнего скота: лошади, верблюды, коровы и мелкий рогатый скот (овцы, козы). Наличие скота являлось показателем благосостояния. Лошади отводилось особое место. С лошастью неразрывными нитями связаны национальное самосознание, нравственные ценности, обычаи и традиции, культура и искусство нашего народа. Это священное животное ставилось на второе место после любимой женщины. Любому казах любил и ценил своего быстрого друга так высоко, что характер понравившего ему человека сравнивался с повадками коня. И вообще, такое неповторимое животное являлось мерилем всей его жизни, характера, поведенческих особенностей, отражением внутреннего состояния. Конь был и есть эталон породистости. Только казах в своем происхождении вот таким образом искал сходство с благородным животным, что является доказательством его огромного уважения к нему. Любому казах откажется от пищи ради коня, пойдет на любые жертвы ради него. У казахов даже ребенок прислушивается к топоту копыт — певучему звуку скакуна. Если есть на земле благородный народ, у которого ребенок с колыбели на коне, то это, наверняка, казахский народ. У самого бедного казаха и то была «куцехвостая кобыла». Пастух, который пас отару овец, имел гнедую. Благодаря лошади как средству передвижения казахский народ, народ Алаша, дошел до Алтая и Атырау, соединил пути между Аркой и Алатау — стал владеть огромной территорией [1].

Для казахского народа, дошедшего до независимости «по следам тулпара», большое значение имеет развитие коневодства сегодня. Конечно, в дореволюционное время в бескрайних степях казахов несметные табуны лошадей паслись свободно. Это и было истинным богатством казахского народа.

Стоит напомнить, что предки саков и гуннов великой степи были известны не только своей численностью, но

и неисчислимыми табунами лошадей. Специалисты, любящие свое дело — коневодство, указывали на то, что поголовье лошадей непосредственно связано с демографическим состоянием населения. В годы великого джута, когда резко сокращалась численность казахов, поголовье породистых лошадей тоже значительно уменьшалось. Например, если **во времена хана Тохтамыса** поголовье доходило до **10 миллионов** лошадей, то, по результатам переписи **1916 года**, проведенного представителями царского правительства, поголовье снизилось до **4,6 миллионов**.

В 30-ые годы XX века, когда республику возглавлял Ф. Голощекин и по решению руководства был организован «Малый Октябрь», поголовье сократилось до 150 тысяч лошадей. Таким образом, геноцид, проведенный по инициативе кремлевских палачей, уничтожил не только родовых представителей нации, но и повлиял на численность особо породистых скакунов.

Спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны **коневодство** стало развиваться благодаря Д. А. Кунаеву и другим руководителям республики.

В Казахстане в начале 1980-ых годов было **1 млн. 777 тысяч** голов лошадей. С приобретением суверенитета в республике изменилось отношение к развитию коневодства в государственном масштабе. Об этом говорит тот факт, что Президент РК Н. А. Назарбаев обращает особое внимание этой отрасли [2, С. 9–10]. Поэтому проблема возрождения коневодства волнует каждого второго жителя нашей страны. Если рассматривать с этой точки зрения, то казахская порода лошадей должна стать **национальным брендом** Казахстана.

Коневодство, коневодческое хозяйство — основная отрасль животноводства. Задачи развития отрасли — рост поголовья, увеличение качества продукции, использование в различных целях (производство мяса и кумыса, в качестве силового вида транспорта, участие в спортивных соревнованиях, продажа за рубеж и т. д.).

На сегодняшний день в мире насчитывается более 250 пород лошадей. В нашей стране имеется всего около 20 видов. Из истории известно, что, хотя наши предки и владели огромными табунами лошадей, до приобретения независимости поголовье намного уменьшилось. Например, если в 1916 году на земле казахов поголовье составляло более 4 миллионов лошадей, то на

сегодняшний день оно составляет не более 1 миллиона голов. Самое обидное, что этому важному виду домашнего скота, который дошел до нас от предков, до сих пор не уделяется должного внимания. В коневодческом хозяйстве и на сегодняшний день существуют белые пятна. С целью избавления от этих белых пятен, чтобы не терять поголовье породистых лошадей, в **1992 году была создана Федерация Национального конного спорта Республики Казахстан**. С момента создания Федерации вся работа проводится систематически. **Основная цель Федерации** — через коневодческое хозяйство, через развитие конного спорта стремиться к формированию казахского духа, казахского характера, казахского менталитета [3, С. 2–3].

Казахи в связи с жизненными потребностями могли использовать лошадей и как транспортное средство, и как мясо на зиму. Лошадей, которых использовали на тяжелых работах, лошадей мясного направления, предназначенных для верховой езды и участия в байге, выращивали в особом режиме. В советские времена такая работа тоже проводилась. С 1920 годов в **Петропавловске, Костанае, Акмоле**, чуть позже в **Кокшетау** начали открывать **коневодческие заводы**. В восьмидесятые годы XX века стране существовало 19 конезаводов. В основном они были мясного направления [4]. На сегодняшний день по Казахстану насчитывается **3052 различного масштаба хозяйства**, занимающиеся коневодством, из них **9 — коневодческих заводов** [5, С. 26].

По сведениям информационного агентства «Қазақастық», по состоянию на **1 декабря 2010 года** в республике насчитывалось более **1 млн. 563 тыс. голов** [6].

Наша страна вошла в число 50-ти развитых стран мира, готовится вступить во Всемирную торговую организацию, стремится оказаться в составе и других значимых международных организаций мира. Это обязывает нашу экономику искать эффективные пути развития, соответствующие законам рынка. То есть мы должны достичь такого

качества производимой у нас продукции, что оно должно конкурировать с товаром, производимым не только высокотехнологичными странами Азии, но самыми развитыми странами Америки и Европы. При этом надо учитывать нереализованную импортную продукцию, которая может завалить наш рынок. Вот поэтому не стоит забывать промысел, доставшийся нам от прадедов, который нам известен испокон веков. То есть надо всесторонне развивать коневодческое хозяйство, которое является и транспортным средством и дает целебный напиток — кумыс, и драгоценное мясо. Тем более что ученые и экономисты давно рассчитали и доказали эффективность как внутреннего использования всех вышеназванных продуктов, так и экспортирования. Тем не менее, истина в том, что мы до сих пор не можем сполна использовать все возможности этого древнего вида хозяйства, который мог бы поднять на несколько ступеней выше экономику Казахстана.

Итак, подводя итоги, хочу выразить пожелание: необходима более реальная поддержка со стороны государства как мелким коневодческим хозяйствам, так и крупным конезаводам. В Центральной Азии проводятся традиционные для всех тюркоязычных народов, для которых лошадь является неотделимой частицей души, праздника, посвященные лошади. Например, в Туркменистане ежегодно проводится традиционный конный праздник. Много делается для сохранения ахалтекинской породы, берущей свое начало в Туркменистане. У них даже существует министерство коневодства. А в нашем государстве нет не только министерства, но даже **ни одного института по исследованию коневодческого хозяйства**. Мы надеемся, что в будущем, опираясь на богатый опыт развитых стран, и у нас в стране можно будет добиться больших успехов в этом деле. Если мы хотим передать нашим детям и внукам такое бесценное достояние народа, как коневодство, необходимо в государственном масштабе выделять финансирование, внедрять национальные проекты по сохранению ценных пород лошадей и скакунов.

Литература:

1. Бәмішұлы Б. Жылқы және қазақ рухы. <http://www.minber.kz/?p=524>
2. Қазақстандағы жылқы шаруашылығы және ат спортындағы даму // Қазанат журналы. — 2007. — № 1 (шілде-қыркүйек).
3. Қазақпыз қымыз ішіп, ат баптаған. Қазақстан Ұлттық ат спорты федерациясының президенті Қ. Сатыбалдыұлының Н. Кикебаевқа берген сұхбатынан // Маңаңкер журналы. — 2000. — № 1–2.
4. Қопаева К. Атбері. <http://www.aktobegazeti.kz/?p=12421>
5. Нечаев И., Тореханов А., Жумагул А., Сизонов Г., Жайтапов Т., Кикебаев Н., Нурушев М. Казахская лошадь. Прошлое, настоящее, будущее. — Алматы, 2005. — 208 с.
6. Қарабала Е. Жылқының өскені-елдің еңбері <http://masa.kz/article/view/id/575>

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Демографическая ситуация в 1920–1930-е годы (на примере малых городов Поволжья)

Войнаровская Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, доцент
Самарский государственный экономический университет, филиал в г. Сызрань

Алексеевко Елена Вячеславовна, учащийся
ГБОУ СОШ № 19 (г. Сызрань)

Социально-экономические и политические процессы начала XX века оказали неблагоприятное влияние на демографическую ситуацию. 17 декабря 1926 года была проведена первая Всесоюзная перепись населения. В ней учитывались такие характеристики населения как пол, возраст, народность, родной язык, место рождения. Затрагивались вопросы безработицы и прежней деятельности. Выяснялось, на какие средства живут неработающие лица. По данным переписи 1926 г. численность населения СССР составила 147,0 млн. человек, из них 18 % городские жители и 82 % сельские [1]. Страна в то время была слабо урбанизирована, индустриализация еще только началась. Общая динамика численности населения СССР представлена в таблице.

По статистическим данным таблицы прослеживается положительная динамика увеличения городского населения (число горожан в СССР выросло примерно в 3 раза). Это вызвано тенденцией повышения рождаемости, перемещением сельских жителей в города и уездные

центры. Причины этого процесса следующие: раскрестьянивание деревни, материальные тяготы, выпавшие на долю основной массы населения, социальные проблемы.

С 1925 года рождаемость увеличивается. Самый высокий коэффициент рождаемости приходился на 1925 г. — 45,0 %. Однако, хотя естественный прирост населения в те годы в большинстве губерний был положительным, уровень детской, особенно младенческой, смертности продолжал оставаться высоким. В 1924 г. на каждую 1000 родившихся умирал 191 младенец, т. е. 19 %, в 1925 г. — 20 %, в 1926 г. — 17 %, в 1927 г. — 19 % [2].

Для Поволжского региона было характерно воспроизводство населения за счет ранних браков, увеличения рождаемости и сокращения смертности. Однако в Поволжье рост показателей рождаемости был краткосрочным, при этом коэффициенты смертности, особенно младенческой, хотя и понижались, но оставались для мирного времени высокими. Это подтверждается показателями естественного прироста в таблице на примере г. Сызрани.

Динамика численности населения СССР в 1922–1940-е гг.

Годы	Численность населения (млн. чел.)	В том числе городского	В том числе сельского	Распределение численности населения	
				Городское (в %)	Сельское (в %)
1922	136,1	22,0	114,1	16	84
1940	194,1	63,1	131,0	33	67
Рост за 1922–1940	58 (на 43 %)	41,1 (на 287 %)	16,9 (на 15 %)	17 (рост)	– 17 (убыль)

Динамика численности населения в малом городе Сызрани в 1922–1925 гг.

годы	родилось	умирало	прирост
1922	28 тыс.	41 тыс.	-13 тыс.
1923	48 тыс.	29 тыс.	19 тыс.
1924	41 тыс.	23 тыс.	17 тыс.
1925	30 тыс.	18 тыс.	12 тыс.

Анализ таблицы показывает, что в 1922 г. смертность в Сызрани достигла наивысших показателей. Это вызвано голодом в 1921–1922 гг. и снижением темпов деторождения. В последующие годы динамика прироста горожан стала положительной. В 1926 г. в городе Сызрани проживало 48667 человек, в уезде — 277905 чел. [3]. По сравнению с 1923 г. население города увеличилось на 12 % (в

1923 г. — 43359 чел.). Из этого можно предположить, что процесс урбанизации и модернизации жизнедеятельности советского общества в малых городах Поволжского региона протекал медленнее и специфичней, чем по стране в целом.

Средняя продолжительность жизни в 1920–1930-е гг. была низкой, как у женщин, так и у мужчин. Это тенденция прослеживается в представленной таблице.

Годы	Все население	Мужчины	Женщины
1926–1927	44,4	41,9	46,8
1938	46,9	44,0	49,7

Причиной такой ситуации были массовые инфекционные заболевания, высокий уровень смертности, недостаточное медицинское обслуживание, которым большая часть населения еще не была охвачена. Это неблагоприятное положение в области здравоохранения постоянно фиксировалось демографической литературой разных лет [4].

Изменился возрастно-половой состав населения страны, на структуре которого сказались военные потери

в революциях, Первой мировой и Гражданской войнах, падение рождаемости в военные годы и положительная её динамика в 1924–1926 гг. В течение 1920–1930-х гг. существовало численное превосходство женщин над мужчинами. Этот процесс проявлялся как по стране в целом, так и в малых городах Поволжья. Это можно проследить на примере отдельного города [5].

Численность населения по г. Сызрани в возрасте от 16–59 лет:

Годы	Мужчины	Женщины	Всего
1927	14630	15641	30271
1928	14998	16034	31032
1929	15365	16426	31791
1930	15733	16820	32553
1931	16100	17213	33313
1932	16211	17331	33542
1933	16385	17518	33903

Преобладание женщин в половой структуре населения было присуще многим городам Среднего Поволжья. В малом провинциальном городе Елабуге по подсчетам городской переписи населения в ТАССР (1923 г.) проживало 7264 человек [6]. Причем, на 1000 женщин приходилось 820 мужчин. Город Сызрань по данным переписи 1926 г. также отличался преобладанием женщин. На 1000 мужчин приходилось 1130 женщин. Интересно, что, по переписи 1897 года, в городе мужчин и женщин было примерно одинаково. Но надо отметить, что в мирное время в малых городах Поволжья демографический прирост мужского населения, также как и по стране в целом, превышал женское. По сравнению с 1923 годом, число мужчин возросло на 14 %, а женщин на 10 %.

Национальный состав малых городов Поволжья в 1921–1936 гг. был полигамный. В Сызрани проживали русские, татары, чувашы, марийцы, мордва. В Мелекесе большую долю жителей города составляли татары [7]. В 1935 г. национальный состав населения Елабужского района составил: татары — 29,8 %, русские — 68 %,

национальные меньшинства — 2,7 %. За три года здесь сильно изменился состав горожан: если в 1932 г. татар в городе было 15 %, то в 1935 г. — 41 %. [8]

Таким образом, преодоление последствий войн и голода явилось важнейшей предпосылкой для решения всего комплекса социально-демографических проблем общества в 1920–1930-е гг. Этот период характеризуется ростом городского населения как по стране в целом, так и в малых городах Поволжья. Анализ динамики демографической структуры населения свидетельствует, что с середины 1920-х гг. можно говорить о начальных стадиях демографического перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному типу. Однако в некоторые годы — 1921–1924, 1933 происходило сокращение численности городского населения. В некоторых малых городах Поволжья проявлялась неблагоприятная тенденция, выражавшаяся в медленном выравнивании возрастно-полового состава, в частности в уменьшении удельного веса мужчин и увеличении доли пожилых возрастных групп.

Литература:

1. Народное хозяйство СССР 1922–1972 гг. [Текст]: юбилейный стат. ежегодник. — М.: Статистика, 1972; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Основные итоги [Текст]. — Т. 17. — М., 1928. — С. 2–3.
2. Жиromская, В. Б. После революционных бурь [Текст]: население России в перв. половине 20-х годов / В. Б. Жиromская. — М., 1996.
3. Государственный архив г. Сызрани (ГА Сызрани). Ф. 32. Оп. 1. Д. 16. Л. 1
4. Кваша А. Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР [Текст] / А. Я. Кваша. — М., 1974. — с. 180; Шелестов, Д. К. Демография [Текст]: история и современность / Д. К. Шелестов. — М., 1983; Население России в XX в. [Текст]: Т.1. 1900–1939 гг. — М., 2000.
5. ГА г. Сызрани. Ф.32. Оп. 1. Д. 364. Л. 59.
6. Национальный архив республики Татарстан (НА РТ). Ф. 6066. Оп.1. Д. 74. Л. 89.
7. Государственный архив РФ. Ф. 374. Оп. 23. Д. 18. Л. 18.
8. За пятилетку. — 1935. — 25 июня

Повседневность 1920–1950-х годов (на примере малого города Сызрани)

Войнаровский Олег Викторович, кандидат исторических наук, преподаватель

Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия», филиал в г. Сызрань (Самарская обл.)

Трифонова Кристина Викторовна, учащийся

Средняя общеобразовательная школа № 19 (г. Сызрань, Самарская обл.)

1920-е годы — сложный противоречивый период в истории нашей страны. Преодоление последствий Первой мировой и Гражданской войн, голод 1921–1922 г. г., строительство социализма, — главные экономические вехи в городах Советской России. Затронули эти процессы и Сызрань. Материальное положение населения Сызрани в конце 1920 — начале 1930-х напрямую зависело от размера заработной платы. Рост номинальной заработной платы на предприятиях г. Сызрани в 1930-е гг. был следующим [1]:

Зарплата	1929	1932
Квалифицированный рабочий	200–250 руб.	600–650 руб.
Низкоквалифицированный рабочий	35–40 руб.	110–120 руб.

Но эти зарплаты были достаточно низкими. Положение населения Сызрани было значительно хуже, чем в деревне. Характерной особенностью городского быта в первые годы становления советской власти была жилищная теснота (на одного человека приходилось 9 кв.м [2]). Массовое распространение получила так называемая коммунальная квартира, т. е. квартира заселённая несколькими семьями. Тяготы быта сказывались на моральной атмосфере общества. Квартирные склоки, магазинная и транспортная грубость становились обыкновённым явлением. Так в 1922 году в Красном Октябре было опубликовано письмо, в котором руководители страны назывались «паразитами хуже царских чиновников» [3]. Но наряду с негативными тенденциями был ряд положительных

явлений: происходила ликвидация неграмотности населения, в Сызрани открывались новые техникумы и профучилища, решалась проблема безработицы, реформировалась система здравоохранения [4]. Такие качества, как коллективизм, военное и трудовое мужество, героическая самоотверженность, были присущи поколению 1920–1930 гг. в большей мере, нежели многим другим поколениям. Противоречивость и многогранность социальной жизни проявлялась во многих явлениях общественной жизни. Сызрань относился к числу малых провинциальных городов с населением 47 тыс. человек (1926 год [5]). Город Сызрань не остался в стороне от социальных процессов, происходивших в обществе в целом. Все изменения в стране коснулись жизни каждого человека. Перевернула жизнь людей Великая Отечественная война, которая коснулась каждой семьи. 39 тысяч сызранцев воевали на полях сражений. С окончанием Великой Отечественной войны город Сызрань получил возможность приступить к мирному созидательному труду. Предстояло возродить многое, восстановить железные дороги и промышленные предприятия, поднять материальный уровень жизни людей. В декабре 1947 г. была отменена карточная система и проведена денежная реформа. Но одновременно с отменой карточек цены на продукты были повышены. Если учесть повышения цен, осуществлённые в годы войны, то общий их уровень в 1948 г. оказался в 3 раза выше, чем в последнем предвоенном 1940 г. Очереди в магазинах за большинством товаров не было. Это объясняется двумя причинами: во-первых, высокими ценами по сравнению с низким уровнем заработной платы, во-вторых, образом жизни, не стимулировавшим рост потребностей [6].

В 1950 г. в каждом пятом колхозе Сызранского района крестьяне не получили ни копейки в оплату за отработанные трудодни. В среднем же колхозник к началу 50-х гг. получал 16,4 рубля в месяц, что было почти в 4 раза меньше, чем оплата рабочих и служащих в самом городе.

В марте 1946 года Верховный Совет СССР утвердил Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 годы. За короткое время были восстановлены промышленность и сельское хозяйство. При этом восстановление происходило не на старой, а на современной технической базе. Это позволило пострадавшим за годы пятилетки не только достигнуть, но и превзойти довоенный уровень производства. В 1950 году в Сызрани было произведено промышленной продукции на 53 % больше, чем в 1940 году. Особенно быстрыми темпами развивалась ведущая отрасль промышленности — машиностроение. Продукция машиностроения в 1950 году по стране была в 2,3 раза больше, чем в 1940 году. В Сызрани действовал машиностроительный завод, который имел важнейшее значение.

Имеется период в советской экономике, когда она переживала подлинный расцвет — это 50 годы. На основе высоких темпов экономического развития, и усиливавшегося с 1953 года внимания к повышению уровня жизни населения, в 50-е годы произошло качественное улучшение уровня жизни населения. Если для начала 50-х годов уровень потребления основных продуктов питания было характерным скорее средним, то в результате подъема

душевого потребления таких высококачественных продуктов питания как мясо, молоко, сахар, овощи и бахчевые в 1,5–2 и более раза, он достиг высокого уровня. В два и более раза в этот период выросло душевое потребление наиболее дорогих видов тканей (шерстяных и шелковых), верхнего и бельевого трикотажа, чулочно-носочных изделий, кожаной обуви. В несколько раз выросла продажа товаров культурно-бытового назначения, достигнув по некоторым из них довольно высокого уровня (часы, радиоприемники и радиолы, велосипеды и мотовелосипеды, швейные машины). Впервые в обиход общественной жизни стали такие относительно сложные изделия бытового назначения, как телевизоры, холодильники и стиральные машины, хотя объем их потребления оставался еще небольшим [7].

Неотъемлемой частью образа жизни советского горожанина являлись его повседневные жилищно-бытовые условия. Массовое жилищное строительство, начавшееся в середине 1950-х гг. в советских городах, было единственным на тот момент способом решения жилищной проблемы. Новое жилое пространство требовало и нового наполнения. Популярностью стала пользоваться трансформирующаяся мебель: шкафы-секретеры с откидной доской и диваны-кровати [8]. Подводя итог вышесказанному, в 1950-е годы в повседневной жизни советских горожан произошли значительные изменения, связанные с прежде всего развернувшимся широкомасштабным жилищным строительством и улучшением качества жизни.

Литература:

1. Государственный архив РФ. Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 9, 30.
2. Государственный архив г. Сызрани (ГА г. Сызрани) Ф. 32. Сызранское уездное статистическое бюро. Оп. 1. Д. 16. Л. 19.
3. Красный Октябрь. — 1923. — 18 февраля.
4. ГА г. Сызрани. Ф.32. Оп. 1. Д. 226. Л. 3.
5. ГА г. Сызрани. Ф. 187. Оп.1. Д. 16. Л. 24.
6. Калягин, А. В. Советское общество в 20–30-е гг. [Текст]: уч. пособ. / А. В. Калягин. — Самара, 1996.
7. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города [Текст]: 1920–1930-е гг. Нормы и аномалии / Н. Б. Лебина. — СПб.: Нева, 1999.
8. Доценко А. М. Повседневная жизнь советского города начала 1950 — первой половины 1980-х годов [Текст]: автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. М. Доценко. — Самара, 2007.

Совершенствование правового и организационного аспектов обеспечения царской и императорской охраны в России в XVII–XVIII вв.

Гребенкин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент

Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Годы Смуты на время лишили царскую персону ореола сакральности. Избранный на Земском соборе 1598 г. на престол бывший опричник Борис Годунов, вступивший в Москву в 1605 г. «царь Димитрий» — беглый монах

Гришка Отрепьев, зверски убитый 11 месяцев спустя, «выкликнутый царь» Василий Шуйский, окончивший свои дни в польском плену, «тушинский вор» Лжедмитрий II, убитый своим приближенным, и его «коллега» Илейка

Муромец, повешенный в Москве, — весь этот сонм авантюристов, самозванцев и просто бесчестных людей, занимавших престол или претендовавших на него, был весьма далек от традиционных представлений о священности и неприкосновенности царской особы. Неудивительно, что представители династии Романовых столкнулись с тем, что жизнь их в глазах подданных стоила очень мало. Михаил Федорович, ставший царем не в последнюю очередь благодаря присутствию казаков на Земском соборе 1613 г., чуть было не пал жертвой перемены их настроений: в 1622 г. один казак пригрозил перерезать царю горло.

Начавшийся Смутой XVII век вошел в историю России как век «бунташный». События Соляного бунта 1648 г., когда распившие простолудины осыпали царскую свиту камнями и палками, хватили коня, на котором ехал Алексей Михайлович, под уздцы, а затем растерзали на глазах у царя нескольких высокопоставленных приказных, не могли не быть учтены составителями нового свода законов. Вторая глава Соборного уложения 1649 г. посвящена охране чести и здоровья царя, третья — поддержанию правопорядка на территории царской резиденции.

Любое покушение на честь, здоровье и власть монарха относилось к разряду тяжких преступлений. Согласно второй главе Соборного уложения, смертью карались: умысел совершить покушение на царя (ст. 1), подготовка государственного переворота (ст. 2), государственная измена (ст. 3). Поместья и вотчины виновных в этих преступлениях отписывались в казну; жены и дети, если они знали про измену мужей и отцов, также подвергались смертной казни. За убийство или поимку государственных преступников полагалась награда, за ложный донос били кнутом.

Третья глава Соборного уложения закрепляла правила поведения на государевом дворе. За словесное оскорбление виновного сажали в тюрьму на две недели, за оскорбление действием — на месяц; если же удар был «до крови» — на шесть недель. Во всех трех случаях потерпевший получал денежную компенсацию за «бесчестье», причем в последнем случае — в двойном размере. Убийство кого-либо в присутствии царя каралось смертью; тому, кто осмеливался обнажить оружие при государе, отсекали руку. Обнаживший оружие на государевом дворе в отсутствие царя сажался в тюрьму на три месяца. Если он при этом ранил кого-либо, виновному отсекали руку, если убивал — его казнили.

Нормы этих двух глав применялись неоднократно. Например, в 1660 г. холоп Сумароков, стрелявший из пищали по птицам и нечаянно попавший пулей в царские хоромы, был приговорен к отсечению левой руки и правой ноги. Во время Медного бунта 1662 г. восставшие, пришедшие в подмосковное Коломенское, держали Алексея Михайловича за пуговицы, хватили за платье, а один из

мятежников даже бил с царем по рукам, договариваясь о выдаче бояр-изменников. Подоспевшие стрельцы зарубили около 2 тысяч человек; взятые в плен были повешены вдоль дороги из Коломенского в Москву.

В 1671 г. донской казак Степан Разин был четвертован за то, что он, «забыв страх Божий и присягу на верность его величеству великому государю Алексею Михайловичу... произвел против него мятеж и, возмутив других казаков, пошел с ними на реку Волгу».

В 1775 г. статьи Соборного уложения послужили основой для приговора, вынесенного Емельяну Пугачеву — он был четвертован за то, что «принял публично имя покойного императора Петра Третьего, собрал шайку подобных злодеев и с оною осаждал Оренбург, выжег Казань и делал разные государству разорения, сражался с верными ея императорскому величеству войсками...»

В последний раз нормы Соборного уложения, посвященные охране царской особы, применялись во время суда над декабристами.

После завершения смуты и воцарения династии Романовых охрана царского двора и Кремля была вверена стрельцам; на торжественных приемах присутствовали рынды в белых кафтанах и шапках из рысьего меха; на плечах они держали серебряные топорики.

При Алексее Михайловиче из стрелецкого войска были выделены особые московские стрельцы, которым были поручены охрана Московского Кремля и сопровождение царя во время его выездов. Московские стрельцы постоянно жили в городе. Они получали жалованье (3–5 рублей в год), снабжались зерном и сукном на кафтаны. Стрелецкие командиры были дворянами, они получали доход от поместий и денежное жалованье (10–16 рублей в год). Несмотря на то, что жалованье московских стрельцов было гораздо выше, чем у обычных стрельцов, им в свободное от службы время разрешалось заниматься ремеслом и торговлей [5, с. 31].

Каждый стрелецкий «разряд» (полк) имел свой цвет форменных кафтанов. Выглядели стрельцы нарядно: их кафтаны украшались галунами, сапоги полагалось носить красные или ярко-желтые, бархатная шапка была оторочена мехом. Рядовые стрельцы были вооружены пищальями, командиры — саблями и пистолетами. Стрельцы, сопровождавшие царя во время его выездов, имели секиры и палки, которыми они отгоняли зевак от царской кареты.

Кроме стрельцов, царя во время выездов сопровождали стряпчие, которые носили перед ним знаки царской власти, а при необходимости (например, в военном походе) — и оружие [4, с. 28].

Численность московских стрельцов быстро росла; к 1681 г. их насчитывалось 22 тысячи. Стрелецкий караул, охранявший Государев двор¹ в Кремле, заступал на сутки в количестве 500 человек. У Красного крыльца Грановитой

¹ Государев Двор занимал часть территории Кремля между Троицкой, Тайницкой и Боровицкой башнями и имел собственные стены.

палаты в караульном помещении размещались 200—300 человек; 200 человек стояли у Красных ворот Государева двора (рядом с Боровицкой башней), небольшие группы стрельцов по 5—12 человек располагались на Казенном и Денежном дворах, дворцовых лестницах и у колодца. Это была первая линия охраны государева двора. Вторую линию составляли стрелецкие караулы у всех проездных башен Кремля. Так, проезд в Спасской башне охраняли 30 стрельцов, в Боровицкой — 10, в Кутафьей — 5. Стрелецкие караулы возглавлялись головами (полковниками), общее руководство караульной службой осуществлял глава Стрелецкого приказа.

Правовая база охраны российского монарха в начале XVIII в. получила дальнейшее развитие. Продолжавшие действовать нормы Соборного Уложения были конкретизированы в 1715 г. в военно-уголовном кодексе — Артикуле Воинском. В толковании к Артикулу 20 было сказано, что царь — это «самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Столь же высокий правовой статус имела царская семья — жена и дети. Согласно тому же Артикулу 20, непристойные и хулильные речи в отношении царя карались отсечением головы; Артикул 19 гласил, что бунт против царя, насилие в его отношении, а также замысел «помянутое величество полонить или убить» влекли за собой четвертование не только самих преступников, но и их сообщников и советчиков; их имущество конфисковывалось [1, с. 165].

В том же Артикуле Воинском был закреплен правовой статус часового. Всякий, кого окликал часовой, должен был его «пристойным образом почитать и ... учтиво отвечать». После двукратного окрика с предупреждением часовой, не получивший ответа, имел право стрелять. Офицер, оскорбивший часового, должен был быть разжалован в рядовые; рядовой подвергался наказанию шпицрутенами. Напавший на часового или обнаживший шпагу в его присутствии подлежал аркебузированию (т. е. расстрелу). Большие требования предъявлялись и к самому часовому. За вызывающее поведение он наказывался «гонянием шпицрутенов», а если забывал данный ему пароль, «тогда по обстоятельству и состоянию дела на теле наказан, или чести и живота лишен будет».

30 марта 1716 г. Петром I был утвержден Воинский устав. Этот нормативный акт определял порядок военной службы, систему чинов и правила взаимоотношений военнослужащих. Глава 58 Воинского устава — «О кордегардиях и караульных домах, како оные в бережении и чистоте содержать» — касалась правил содержания и отопления караульных помещений. После издания Воинского устава Артикул Воинский стал одним из его приложений.

Начиная с Петра I, полностью отстранившего стрельцов от охраны царской особы, караульную службу в резиденциях стали нести гвардейские полки.

Слово «гвардия» итальянского происхождения; его можно перевести на русский язык как «охрана», «за-

щита». Первые гвардейские части появились еще в древневосточных государствах: так, персидского царя Дария I охранял корпус «бессмертных», насчитывавший 10 тысяч человек. Личными телохранителями римских императоров были преторианцы, некогда охранявшие преторий — палатку полководца. Начало русской гвардии было положено в 1686 г., когда в «потешные» отряды Петра I стали зачисляться взрослые люди и были образованы Преображенский и Семеновский потешные батальоны, в 1687 г. преобразованные в полки. Гвардейский статус эти два полка приобрели в 1700 г., после сражения под Нарвой. В первой половине XVIII в. русская гвардия пополнялась в основном дворянами и играла значительную роль в политической жизни страны, являясь движущей силой всех дворцовых переворотов. Гвардейские полки, расквартированные в Петербурге, Царском Селе, Петергофе и Гатчине, располагались неподалеку от царских дворцов. После смерти Петра I, в эпоху «дворцовых переворотов», гвардейцы стали играть большую роль на политической арене — без них не обходился ни один заговор, ни один переворот. В этот период они не только охраняли императоров и императриц, но и возводили их на престол, и свержали с него, лишая подчас не только короны, но и жизни.

В 1724 г. при дворе появляются кавалергарды (в буквальном переводе с французского «всадники охраны»). Поначалу это был почетный эскорт Екатерины I, сформированный ко дню ее коронации. Капитаном кавалергардов был сам Петр I, все офицеры имели генеральские и полковничьи чины, а рядовые солдаты были набраны из обер-офицеров [2, с. 2]. После окончания торжеств рота кавалергардов была расформирована. В 1726 г. Екатерина I восстановила роту под названием «кавалергардии» и стала ее капитаном, однако в 1731 г. «кавалергардия» была опять расформирована. При Елизавете Петровне нарядную форму кавалергардов в торжественных случаях носили лейб-камpanцы. Они же в 1762 г. составили ядро восстановленной «кавалергардии», причем рядовые имели чины секунд-майоров, капитанов и поручиков, а после создания в 1764 г. «кавалергардского корпуса» — поручиков, подпоручиков и прапорщиков.

При Павле I кавалергардский корпус был расформирован, затем восстановлен, в 1797 г. расформирован опять и вновь восстановлен в 1799 г. как личная гвардия императора, причем, поскольку Павел к тому времени стал великим магистром Мальтийского ордена, в корпус были зачислены 189 дворян, награжденных орденом Св. Иоанна Иерусалимского.

В 1741 г. появилось одно из самых необычных подразделений императорской охраны — Лейб-компания. Гренадерская рота Преображенского полка, которой Елизавета Петровна была обязана своим вступлением на престол, «за ревностную свою верность» была наименована Лейб-компанией, а ее чины получили богатые подарки и фантастические привилегии: императрица провозгласила себя капитаном роты, капитан-поручик стал

полным генералом, два поручика — генерал-лейтенантами, два подпоручика — генерал-майорами, адъютант — бригадиром и т. п. Рядовые гренадеры стали поручиками. Все нижние чины были пожалованы потомственным дворянством и получили унифицированные «лейб-кампанские» гербы с девизом «за верность и ревность». В обязанность лейб-кампанцам была вменена охрана императрицы и лиц императорской фамилии; во время поездок Елизаветы Петровны они были ее непременными спутниками. Лейб-кампанцам была присвоена особая форма — зеленая с золотым галуном, однако во время коронаций и прочих торжеств они облачались в кавалергардские мундиры [6, с. 392–393]. Испытание «медными трубами» выдержали далеко не все: бывшая гренадерская рота Преображенского полка славилась своей недисциплинированностью и распушенностью [3, с. 562]. В марте 1762 г., вскоре после вступления на престол Петра III, Лейб-кампания была расформирована, однако через несколько месяцев Екатерина II зачислила лейб-кампанцев в состав Кавалергардского корпуса.

Большую роль в обеспечении безопасности Екатерины II играл Собственный конвой, сформированный в 1775 г. по предложению Г. А. Потемкина. В него вошли созданные в ноябре 1774 г. Донская и Чугуевская казачьи команды (в составе каждой было 65 казаков из знатнейших фамилий), а также «выборный» гусарский лейб-эскадрон.

Собственный Ее Величества конвой был первоначально размещен в Москве, где в июне 1775 г. участвовал в торжествах, устроенных в честь заключения Кучук-Кайнарджийского мира, а затем был переведен в Санкт-Петербург.

В составе «Гатчинского гарнизона», подчиненного цесаревичу Павлу Петровичу, начиная с 1793 г. имелись казачья команда от войска Донского, именуемая также Гатчинскими казачьими эскадронами, и гусарский полк.

В 1796 г., после вступления на престол Павла I, части, ранее входившие в Собственный конвой, вместе с Гатчинскими казачьими эскадронами, гусарским полком гатчинских войск образовали лейб-гусарский Казачий полк, по статусу приравненный к гвардии. Полк нес службу высочайшей охраны, заняв, таким образом, место Собственного конвоя. В 1798 г. полк был разделен на два полка: лейб-гвардии Казачий и лейб-гвардии Гусарский.

На рубеже XVIII-XIX вв. появляется понятие «Свиты Его Императорского Величества», в которую входили генерал-адъютанты и флигель-адъютанты (обе должности существовали начиная с 1711 г.), генерал-майоры и контр-адмиралы Свиты. Чины Свиты выполняли специальные поручения императора, а также дежурили в его резиденциях и присутствовали на официальных церемониях, являясь, таким образом, структурным компонентом императорской охраны.

Литература:

1. Артикул воинский 1715 г., апреля 26 // Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) / Сост. В. А. Томсинов. — М.: ИКД ЗЕРЦАЛО-М, 2004. — С. 162–186.
2. Краткая история Кавалергардского Ее Императорского Величества полка. — СПб.: Военная типография, 1832. — 96 с.
3. Лейб-кампания // Военная энциклопедия / Под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого и др. — Т. 14. — СПб.: Т-во И. В. Сытина, 1914. — С. 562.
4. О России в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. — СПб., 1884. — 196 с.
5. Собственная Его Императорского Величества охрана. 1881–1917. Под общ. ред. Е. А. Мурова. — М.: МедиаПресс, 2006. — 464 с.
6. Чичерин А. К. История Лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883 гг. Т. II. 1725–1801 гг. — СПб.: Тип. А. А. Краевского, 1883. — 642 с.

Искусство слова Василия Великого. Влияние на духовную культуру Средневековой Руси

Давыдов Алексей Юрьевич, аспирант
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Принятие Русью христианства в 988 году давало возможность углубить культурные контакты с другими странами, активно приобщаться к мировой культуре, лучшие достижения которой были сосредоточены в Византии. Известный историк Б. Д. Греков отмечал, что «ви-

зантийская церковь, приобщая Русь к византийской культуре, способствовала поднятию культуры в нашей стране» [2, с. 279]. Новое христианское мировоззрение стало прочной основой духовной культуры Руси, развивающейся с X века уже в качестве средневекового государства.

Влияние византийской культуры на формирование и развития культуры Древней Руси было мощным и последовательным. Византийская культура стала для Руси не только источником, но и прочным фундаментом, на котором стало воздвигаться здание русской культуры. Вслед за богослужебными книгами на Руси были переведены, а затем стали составляться многочисленные сборники, содержавшие произведения многих византийских мыслителей, в которых находились сведения по богословию, философии, этике и риторике. Но самым важным было то, что знакомство с византийской литературой давало возможность освоения христианского литературного наследства. Это позволило древним русичам открыть для себя новую сферу — христианской духовности «На образцах византийской литературы в то время воспитывались все образованные люди христианского мира. Она отвечала запросам людей, стремившихся к нравственному усовершенствованию и созерцательной жизни» [3, с.44].

Известный ученый О. В. Творогов отмечал, что на Руси большим авторитетом пользовалась патристика — сочинения римских и византийских богословов III-IX вв., почитавшихся как «отцы церкви» (по-греч. патер — отец, отсюда и название — патристика) [21]. В сочинениях «отцов церкви» обосновывались догмы христианской религии, велась полемика с еретиками, излагались основы христианской морали.

Роль патристической литературы была не только «в формировании этических идеалов новой религии и в укреплении основ христианской догматики», но и в том, что «произведения византийских богословов — в большинстве своем блестящих риториков, усвоивших лучшие традиции классического античного красноречия, способствовали совершенствованию ораторского искусства русских церковных писателей» [21].

Наряду с произведениями таких выдающимися византийских богословов и проповедников, как Иоанн Златоуст (344–407), Григорий Назианзин (Богослов) (329–390), Ефрем Сирий (ум. в 373 г.), Афанасий Александрийский (293–373), большим авторитетом на Руси пользовались сочинения Василия Великого (ок. 330–379 гг.), автора догматическо-полемических, экзегетических и аскетических произведений.

Необходимо отметить, что Святитель Василий Великий, архиепископ Кесарии Каппадокийской, возглавляет трехименный список великих отцов Каппадокийцев. Имя Василия Великого стоит первым среди трех имен вселенских великих учителей и святителей, к которым наряду с Св. Василием Великим относятся Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Проф. Н. И. Сагарда так характеризует Василия Великого: «Он велик как епископ, оратор, богослов и аскет, велик своей неустанной деятельностью на пользу православной веры, велик своей самоотверженностью и силой характера. Как муж слова и дела, он по справедливости назван был великим уже своими современниками» [9, с.71–77]. Творения Василия Великого, являются важнейшим историческим источником, который

представляет собой огромную ценность для исследования не только в области богословия, но и с точки зрения влияния на историю формирования и развития духовной культуры Руси. Изучение воззрений Василия Великого необходимо для понимания хода развития не только византийской и западной культуры, но и древнерусской культуры.

Святитель Василий Великий, как и большинство Отцов Церкви, не был «писателем по призванию», поскольку его литературная деятельность определялась преимущественно «практическими» интересами. Однако Василий Великий оставил после себя достаточно обширное литературное наследие.

Слово самого Василия Великого, по определению его друга, Григория Богослова, было «точным толкователем мысли, а сочинения улаживали слух как монашествующих, так и подвижников, живущих в миру, как воздерживающихся от внешней деятельности, так и занимающихся ею, предающихся как внешнему любомудрию, так и любомудрию христианскому» [19,41]. Доктор церковной истории, проф. А. И. Сидоров, отмечал, что «о богатой литературной одаренности святителя свидетельствует и такой тонкий ценитель изящной словесности, как св. патриарх Фотий. Он говорит, что св. Василий является замечательнейшим (наилучшим) во всех своих сочинениях; стиль его чист, ясен и силен, а по благочинию и чистоте мысли он никому не уступает первенства. Каппадокийского святителя патриарх называет «любителем» убедительности, приятности (сладости) речи и ее великолепия» [19,42]. Проф. Сидоров приводит характеристику русского ученого И. А. Чистовича письмам св. Василия: «Письма св. Василия, величайший памятник древности церковной, отличаются необыкновенной чистотой стиля, величием и красноречием и содержат бесконечное разнообразие предметов» [19]. По мнению того же ученого, послания св. Афанасия Великого и св. Иоанна Златоуста «не могут вынести сравнения с письмами Василия как со стороны легкости и необыкновенной приятности их изложения, так и по отношению к разнообразию и важности их предметов. О них можно сказать, что они изобилуют образцами всех родов стиля» [19].

Святитель Василий Великий как и большинство Отцов Церкви, не был «писателем по призванию», поскольку его литературная деятельность определялась преимущественно «практическими» интересами. Однако Василий Великий оставил после себя достаточно обширное литературное наследие.

Для того, чтобы понять отношение Василия Великого к искусству слова необходимо остановиться на некоторых моментах его жизненного пути, касающихся его образования и жизненных взглядов. Получив прекрасное образование в Кесарии — одном из главных центров образования того времени, Василий Великий, по свидетельству св. Григория Богослова, становится вскоре «ритором между риторами» [19,16]. Затем продолжает свое обучение в «обителе наук», Афинах, где продолжается

его дружба со св. Григорием Богословом. Возвращаясь на родину, они познакомились с известным ритором Ливанием и посещали его лекции. Ливаний был жителем Антиохии и являлся выдающимся греческим языческим софистом и ритором. Как отмечает доктор церковной истории А. И. Сидоров: «На сей счет имеется свидетельство Сократа Схоластика о них: «Проводя первую свою молодость в Афинах, оба они слушали процветавших тогда софистов Имерия и Прозерсия, а потом в Антиохии Сирийской посещали Ливания и глубоко изучили риторику» [19,17]. Все уважали Ливания за его одаренность и профессионализм. Сохранившиеся несколько писем св. Василия к этому известнейшему ритору — язычнику показывают, что добрые чувства к своему учителю свяtitель сохранил на всю жизнь. В одном из них он, например, говорит: «А я теперь, чудный мой, беседую с Моисеем, с Илиею и с подобными им блаженными мужами, которые пересказывают мне свои мысли на грубом языке: и что у них занял, то и говорю; все это верно по мыслям, но не обделано по слогу, как видно и из самого сего письма. Ибо если и выучился я чему у вас, то забылось это со временем» [18,934]. Но это не только не «забылось со временем», но и приобрело великолепную окраску, изысканность слога, точность и выразительность мысли. Этому свидетельствует письмо знаменитого ритора к Василию Великому (письмо 338), в котором сам Ливаний признает себя побежденным «в красоте письменного слога». Речь здесь идет о письме 337 Василия Великого к Ливанию, в котором св. Василий просит взять для учебы двух молодых людей, один из которых беден. Ливаний пишет, что когда он читал письмо, с ним в это время находились многие уважаемые люди. «Прочтя его целиком в молчании, сказал с радостной улыбкой: «Мы побеждены!» «В чем же тебя победили, — спросили они, — и почему ты не печалишься, потерпев поражение?» Я ответил: «Побежден я в красоте письменного слога, а победитель — Василий. Этот человек мне друг, и поэтому я радуюсь» [18,932–933].

Одной из ярких особенностей литературных произведений Василия Великого была их образность. Так в письме 339 Василий Великий очень тонко и остроумно сравнивает Ливания со знаменитыми древнегреческими атлетами, Полидамантом и Милоном: «И действительно, сколько необъяснимой приятности в этом слове, когда ты забавляешься надо мной, как Полидамант или Милон какой-нибудь, увертывающийся от меня при состязании в кулачном бою или в борьбе?» [18,934]. Одно из писем Ливания он сравнивает с цветком розы: «Оно было точно розовый цветок, в своем сладкоречии развернувший предо мною целую весну, но как иглами укололо меня некоторыми упреками и обвинениями. Впрочем, в удовольствии мне и шипы твоих писем: они воспаляют во мне большее желание твоей дружбы» [18,936]. В письме 359 Василий Великий пишет Ливанию: «Но как воска нельзя поверять солнцу, то вместо Икаровых крыльев посылаю к тебе слова, доказывающие мою дружбу. Свойство же

слов таково, что они выражают сердечную любовь. Такковы слова!» [18,944].

Письмо 9 «К Максиму Философу» позволяет понять, чем является слово для самого св. Василия: «Слова действительно суть изображения души. Поэтому и я узнал тебя из письма, сколько, как говорится, льва узнают по когтям; и поразился, нашедши, что неленостно стремишься к первым и важнейшим из благ — разумею любовь к Богу и любовь к ближнему. А за признак одной любви беру твое благорасположение ко мне, за признак другой — ревность к познанию. Всякому же Христову ученику известно, что в сих двух благах заключается все» [17,468]. Св. Василий приводит здесь выражение «льва узнают по когтям», имея ввиду сатирика Лукиана Самосатского, жившего во II веке. Этот сатирик в своем диалоге «Гермотим» упоминает о том, как знаменитый греческий скульптор Фидий, после того как посмотрел на коготь льва, высчитал его полный размер так, чтобы он в пропорции соответствовал размеру когтя. Как коготь дал скульптору возможность узнать настоящий размер льва, так и слова помогли раскрыть истинные стремления человека. Слова для Василия Великого — это суть изображения души.

В беседе 3 «На слова: «Внемли себе»» Василий Великий говорит о цели употребления слова: «Создавший нас Бог дал нам употребление слова, чтобы открывали мы друг другу сердечные совещания, и чтобы каждый из нас, по общительности природы, передавал ближнему свои мысли, как бы из некоторых сокровищниц износя их из тайниц сердца» [11,882]. Далее св. Василий подчеркивает важность умения слушать, воспринимать слова: «Поэтому мысль наша, как скоро получит знаменующий ее звук, перенесаясь в слове, как в ладье, и переплыв чрез воздух, от говорящего переходит к слушающему. И если найдет глубокую тишину и безмолвие, то слово укрывается в слухе поучающихся, как в спокойной и безмятежной пристани. Если же в слушателях, подобно жестокой буре, восстанет смятение, — слово, рассеявшись в воздухе, претерпит кораблекрушение» [18,882]. Св. Василий придает особое значение произнесенному и услышанному слову, поскольку необходимо понять истину: «Слово истины уловляется с трудом и легко может ускользнуть от невнимательных». То, что человек вкладывает в свои слова является его сущностью. Нужно очень серьезно и ответственно относиться к каждому сказанному слову. Василий Великий говорит о совершенстве слова: «По домостроительству Духа, оно так сжато и кратко, что немногим означает многое, и по сокращенности удобно для удержания в памяти. Ибо совершенство слова, по самой природе его, состоит в том, чтобы своею неясностью не скрывать ему обозначаемого, и чтобы не быть излишним и пустым, без нужды изобилуя речениями» [18,882].

Василий Великий, сам являясь талантливым ритором, прекрасно понимал, что красноречие может быть помощником, как истине, так и лжи. В творении «О Святом Духе», где тема единосущия трех Лиц Святой Троицы яв-

ляется центральной, он подчеркивает значимость и силу не только слов, но и слогов. Подчеркивая значимость слогов, св. Василий пишет, что они малы «по краткости произносимого», но как велики они «по силе означаемого». Слоги «наподобие горчичного семени, которое менее всякого другого семени, произрастающего кустарник, но, когда приложено о нем надлежащее попечение, с развитием сокрытой в нем силы возрастает до значительной высоты (см. Мф. 13:31; Мк. 4:31; Лк. 13:19)» [10,95].

Василий Великий не посвящал специальных трактатов искусству слова, но его наставления относительно дара слова в письме 2 «К Григорию Богослову» являются ценным материалом не только с точки зрения искусства слова, но и нравственности: «И прежде всего надобно стараться не быть невеждой в употреблении дара слова, но спрашивать без любопытности, а отвечать без надменности, не прерывая собеседующего, когда говорит что полезное, без желания бросить от себя напоказ слово, назначая меру и слово слуху; надобно учиться не стыдась, учить не скупясь, и, если что узнал от другого, не скрывать сего, уподобляясь негодным женщинам, которые подкидывают незаконнорожденных детей, но с признательностью объявлять, кто отец слова. В напряжении голоса должна быть предпочитаема середина, чтобы при малом напряжении не оставался он несмысленным и при большем усилении не делался несносным. Надобно самому с собою обдумывать, что будешь говорить, и потом уже пускать слово в народ. При встречах должно быть приветливым, в разговорах приятным, не шутовщию подслащая речь, но сообщая ей усладительность радушием совета. Во всяком случае, хотя бы надлежало сделать и выговор, надобно избегать жестокости, ибо если сам себя унизишь по смиренномудрию, то найдешь удобный доступ к имеющему нужду в уврачевании. А часто полезен нам и тот способ выговора, какой употреблен Пророком, который согрешившему Давиду не от себя произнес определение осуждения, но употребил вводное лицо, сделав самого Давида судиею собственного своего греха; так что, сам на себя произнесши осуждение, не жаловался он уже на обличителя» [16, с. 445–446].

Каково должно быть слово христианского учителя, проповедника рассматривается Василием Великим в «Нравственных правилах». Необходимым требованием по его мнению является то, что проповедник не должен использовать искусство слова ради собственной славы, для угождения слушателям, «но надобно быть такими, какими следует быть говорящим пред Богом и во славу Божию» (гл. 23). Василий Великий приводит слова Священного Писания: (1Сол.2:3–7): «Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых побуждений, ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы, вверить нам благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши. Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других: мы могли явиться с важ-

ностью, как Апостолы Христовы». Далее он пишет: «Не должно величаться, или торговать словом учения из ласкательства слушателям, в удовлетворение собственному сластолюбию или нуждам своим» (гл. 23). Никогда нельзя использовать слова ради зависти, соперничества и спора. Слово проповедника не должно быть кому-либо в угоду: «Те, которые в угождение слушателям не с дерзновением возвещают волю Божию, раболепствуя пред теми, кому хотят угодить, не подчиняются уже владычеству Господню» (гл. 30) [15,87]. Аскетизм является неотъемлемым качеством проповедника: «Кому поручена проповедь евангельская, тот не должен ничего приобретать сверх необходимого для собственной своей потребности. (Мф.10:9–10): «Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в пояса свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха, ибо трудящийся достоин пропитания» (гл.28) [15,87]. Надо обладать терпением, быть уступчивым, не навязывать слова насильно и уходить от тех, кто не приемлет слово христианского учителя (гл. 33, 34). Необходимо с уважением относиться к слушателям, уметь наладить взаимопонимание: «слушатели, наставленные в Писании, должны испытывать, что говорят учителя, и согласное с Писаниями принимать, а не согласное отменить и держащихся таковых учений еще более отвращаться» (Правило 72, гл. 1) [15,90].

Необходимо отметить, что беседы (проповеди) являются излюбленным жанром в творчестве святителя. Они примечательны и содержащимися здесь образцами «аскетической экзегезы». Можно сказать, что в беседах св. Василия нравственно-аскетическая тенденция явно преобладает, сообщая им особую «подвижническую тональность». Проф. А. И. Сидорв отмечает, что даже в такой христианско-культурологической проповеди, как Беседа 22 «К юношам о том, как пользоваться языческими сочинениями» нравственно-аскетическая тенденция определяет всю перспективу авторского видения античной культуры. Сам св. Василий выступает здесь как зрелый муж, умудренный жизнью: «И настоящий мой возраст, и упражнение во многих уже делах, и достаточное изведение всяких и всему научающих перемен сделали меня опытным в делах человеческих; почему едва вступившим в жизнь могу указать как бы самый безопасный путь». И этот путь он ясно обозначает: подготовка здесь, в этой бременной и скоропреходящей жизни, к жизни другой — вечной и нетленной. Такая подготовка связана с подвижничеством, добродетелями. Постижение внешних наук является подготовкой к постижению высшей мудрости, содержащейся в Священных Писаниях. «Нам предлежит подвиг, важнейший всех подвигов, — подвиг, для которого все должны сделать, для приготовления к которому надобно трудиться по мере сил, беседовать и со стихотворцами, и с историками, и с ораторами, и со всяким человеком, от кого только может быть какая-либо польза к попечению о душе» [14,1056]. Постижение внешних наук, согласно святителю, должно служить главной цели: стяжанию добродетелей и очищению души.

Рассматривая многогранный талант Василия Великого, необходимо сказать о Литургии св. Василия. Как отмечает исследователь П. Ю. Малков, «чин нашей современной Литургии, известной нам по сегодняшним храмовым службам, складывался постепенно». Василию Великому в этой Литургии принадлежит Евхаристический канон или молитва Анафоры. Архимандрит Киприан Керн, сопоставляя в этом плане св. Василия со св. Иоанном Златоустом, подчеркивает, что полностью Литургий они не составляли, а составили «по типу древних, новые молитвы Евхаристического Канона. Бесспорно, и в этом сходятся все ученые, что центральные части Литургий — дело их рук». Выдающийся литургист и музыковед Николай Дмитриевич Успенский отмечает, что «Василий Великий, будучи ревностным благоустроителем богослужения вообще, вносил благолепие и в совершаемую им Евхаристию». Также в Анафоре св. Василия ярко проявился его талант. Анафора «выигрывает благодаря своей слаженной литературной форме и плавному течению мыслей св. Василия. Анафора Василия Великого — это и сконцентрированная система христианского богословия, и гимн, провозглашающий бесконечное милосердие Бога к людям, и теплая молитва праведника».

Русский патролог Киприан (Керн) дает такую оценку творениям св. Василия: «В своих литературно-богословских и проповеднических творениях св. Василий выделяется ясностью своих мыслей, диалектикой, чистотой своего языка и изысканностью стиля, чем он, конечно, оправдал заслуженную славу своих афинских учителей».

Мнение самого учителя, правда не афинского, а антиохийского, знаменитого ритора Ливания, выражено очень полно и ярко в письме 355. Так он оценивает беседу Василия Великого «На упивающихся»: «Не проживаешь ли ты, Василий, в Афинах, сам не зная об этом? Ибо не могли дети кесарийцев быть слушателями такой речи. Ведь язык мой не привык к такой речи; более того, словно бы принадлежа человеку, спускающемуся с крутого утеса, пораженный новизной твоих слов, он говорил мне, своему отцу: «Отец, ты так не учил! Этот человек — Гомер, или даже Платон, и скорее даже Аристотель, или Сузарион; этот человек, знающий все!» Так говорил мой язык. О, если бы и ты, Василий, смог воздать мне похвалу такого же рода». Итак, сам Ливаний, давая оценку своему ученику, называет его учителями тех великих людей, творчество которых он видимо очень ценил и уважал. И для Василия Великого их труды играли немаловажную роль. Но все это надо рассматривать на фоне его основных взглядов, т. к. фундаментом его мировоззрения являлось христианское учение о вере. Отвечая на письмо Ливания (письмо 356), Василий Великий пишет: «Получать написанное тобою — для меня радость, но отвечать по требованию на письмо твое — трудный подвиг. Ибо что могу сказать на такую аттическую речь? Разве то, что я ученик рыбаей, в чем признаюсь и чем дорожу». Святитель считал себя учеником апостолов.

Св. Василий Великий в своих многообразных, хотя сравнительно и не очень многочисленных творениях, яв-

ляет яркий литературный талант, дарованный ему Богом. Не случайно владыка Филарет Гумилевский характеризует его так: «Великий пастырь Кесарийский является в своих сочинениях весьма многосторонним: он вития-проповедник, догматико-полемика, толкователь Писания, учитель нравственности и благочестия, наконец — устроитель церковного богослужения. Но как все действия св. Василия отличались необыкновенным величием и важностью, так и все сочинения его запечатлены тем же характером высоты и величия христианского; это их общее отличительное свойство, которое принадлежит им более, нежели сочинениям кого-либо другого, даже из близких по духу к духу Василия; имя великого есть собственное имя Василия» [19,86].

Большая часть творений Св. Василия Великого была переведена на Русь к XIV в. Однако творения Василия Великого были известны на Руси гораздо раньше. Еще в начале X века болгарским книжником Иоанном Экзархом была переведена значительная часть «Шестоднева» Василия Великого. Владимир Мономах в своем «Поучении», написанном в 1117 году, призывая выполнять христианские заповеди, ссылался не только на Священное Писание, но и на творения Василия Великого: «Ибо как Василий учил [8], собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне». Труды Василия Великого были известны по переводам, включенным в Изборник Святослава 1076 года [8], который был одним из первых, составленных на Руси сборников византийских и русских текстов. Изборник Святослава 1076 года начинался «Словом о чтении книг», в котором древнерусский автор началом всех добрых дел считал мудрость святых книги показывал читателям глубину и значение русского слова. «Письменное слово» являлось духовным центром Древней Руси [1, с. 11].

Исследователи приводят ряд фактов о довольно широком распространении греческого языка на Руси [1,29]. Летописные источники свидетельствуют о том, что большинство древнерусских книжников и проповедников достаточно хорошо знали греческий язык и самостоятельно переводили Священное Писание и творения Отцов Церкви. Известный исследователь Б. Д. Башкиров подчеркивал, что «Отцы Церкви, рассматривая сложные места из Библии, указывая на многослойные, постоянно открывающиеся, неисчерпаемые смыслы и значения, скрытые в словах и образах Священного Писания, связывали глубину проникновения в них с духовно-нравственным состоянием читателей» [1,41–42]. Очень важным было, что «их объяснения сохраняли чистоту и истинность христианского вероучения». Особое значение было в том, что традиции, заложенные Отцами Церкви, «являются одним из духовных истоков древнерусской культуры, воспринявшей христианство в той его строгой чистоте, в которой Отцы Церкви донесли евангельскую проповедь Апостолов будущим поколениям. Толкования на книги Священного Писания свт. Иоанна Златоуста, свт. Василия Великого, свт. Афанасия Александрийского, преп.

Ефрема Сирина, свт. Григория Нисского, авторов IV «золотого века» христианской письменности Византии, в той или иной форме были представлены в древнерусской книжности» [1, с. 41–42].

Творения Василия Великого были пронизаны интересом к духовной жизни человека, поиску путей преодоления страстей. Эти проблемы и характер их осмысления нашли свое отражение в произведениях древнерусских авторов.

Одним из таких примеров являются поучения преподобного Феодосия, игумена Киево-Печерского (1057–1074). Преподобный Феодосий относился к тем людям, у которых слова не расходятся с делом. В своей жизни преп. Феодосий вполне осуществил те высокие идеалы святости, которые составляли главный предмет его проповедей и наставлений. В поступках он был тверд и последователен. Определяющей чертой его характера был аскетизм. От преподобного Феодосия до нашего времени сохранились 10 поучений к инокам и два к мирянам, приходившим в Печерский монастырь для молитвы и назидания. Еще важнее для характеристики эпохи два поучения преп. Феодосия, обращенные к мирянам: «О казнях Божиих» и «О тропарях и пьянстве». В первом поучении к мирянам «О казнях Божиих» преп. Феодосий указывает на нравственные недостатки русского народа: на остатки языческого сознания, неблагоговейное стояние в церкви и особенно на пьянство. В поучении «О тропарях и пьянстве» также говорит о пьянстве, но не обыкновенном, а приуроченном к пению тропарей за трапезой. На Руси стала складываться традиция, последователи которой оправдывали свою склонность к пьянству благовидным предлогом: пели за трапезой множество тропарей, сопровождая каждый тропарь винным возлиянием. Преп. Феодосий очень резко и мрачными красками изобразил образ пьяного человека, бичуя этот страшный порок, укоренившийся на Руси [4. Если сравнить эти поучения с беседой «На упивающихся» Василия Великого, явившейся образцом ораторского искусства для великого ритора Ливания, то можно предположить, что вышеупомянутая беседа св. Василия послужила Феодосию Печерскому источником для написаний поучений.

Нравственная направленность проповедей (бесед) Василия Великого, красота стиля и образность изложения привлекала внимание многих древнерусских авторов. Беседы Василия Великого служили не только ценным источником для обучения искусству слова, но и нередко были образцом для подражания. Примером тому являются поучения митрополита Фотия (1409–1431). Беседа 8 «Произнесенная во время голода и засухи» св. Василия послужила митрополиту Фотию основой для написания поучений, «написанных по поводу народных бедствий». Необходимо отметить, что Беседа 8 была написана Василием Великим во время обрушившегося на Каппадокию голода весной и летом 369 года. В это время св. Василий служил в сане пресвитера. Как отмечает проф. А. И. Сидоров, «Это бедствие, обрушившееся на каппадокийцев, выявило лучшие черты личности св. Василия. Он прила-

гает все усилия, чтобы облегчить участь страждущих: убеждает богатых поделиться с бедными (часто бичуя обладающих большими средствами своим метким и ясным словом), собирает средства для покупки продовольствия, без всякого сожаления продавая и собственное имущество» [12, 932–943].

Митрополит Фотий родом был грек. С юности он находился в пустыне на послушании у опытного старца и привык к пустынножительству. Старец направил его к Константинопольскому патриарху, а тот поставил его в митрополиты Русской Церкви. Служение митрополита Фотия происходило в очень тяжелое для Руси время. Кроме опустошительных набегов татар и внутренних междоусобиц, она много страдала от голода, засухи, болезней. Митрополит Фотий старался примирять князей, призывал к покаянию и исправлению, утешал людей, а также писал проповеди. Оставшиеся от него 8 проповедей делятся на три группы: 1) праздничные поучения на Благовещение, Сретение, неделю Православия; 2) предпостовые (в недели о блудном сыне и Страшном суде); 3) три поучения «О казнях Божиих, написанные по поводу народных бедствий». Источником для написания поучений «О казнях Божиих» послужила беседа «Произнесенная во время голода и засухи» Василия Великого. послужила митрополиту Фотию ценным источником, из которой митрополит Фотий заимствовал не только мысли, но и порядок их изложения, способы выражения [7, 21].

Наставления Василия Великого относительно «дара слова» послужили ценным материалом для авторов «Слов», «Почуний» и проповедей. Примером тому являются «Слова» и «Почуния» монаха Киево-Печерской лавры Серапиона. Его произведения, основанные на Библии и творениях Отцов Церкви, были очень почитаемы на Руси. О Серапионе известно лишь то, что в 1274 году он был переведен во Владимир и поставлен там епископом Владимирским, Суздальским и Нижегородским. Умер 12 июля 1275 года и был похоронен в Успенском соборе Владимира. Серапион жил в страшное время татаро-монгольского нашествия. Произведения Серапиона отличаются высокой нравственностью и патриотизмом. Он говорил о нашествии как о наказании за грехи и нарушении христианских заповедей, обличал жителей Древней Руси за то, что те не вняли словам Евангелия и поучениям святителей: «Не послушали мы Евангелия, не послушали мы Апостола, не послушали сказания пророков, не послушали святителей великих, назову: Василия и Григория Богослова, Иоанна Златоуста и прочих святителей святых, которыми вера утверждена была» [20].

Творения Василия Великого, особенно «Нравственные правила» и наставления христианскому учителю служили источником для духовных пастырей, ведших аскетический образ жизни. Одним из них был Авраамий Смоленский. Преподобный Авраамий Смоленский родился в 1172 году в Смоленске. С самых ранних лет он имел склонность к посту и молитве, стремился к уединенной и благочестивой жизни. Авраамий был образован-

нейшим человеком того времени. Он изучал Священное Писание, жития и поучения св. подвижников, а также занимался переписыванием и собиранием книг, черпая из них духовное богатство не только для себя, но и для тех, кто искал у него совета. В 1198 году Авраамий был посвящен в сан пресвитера. «Когда он облачался в одежды священника, был он образ и подобие Василия Великого» [5], на которого походил не только внешне, но и по образу

жизни и мыслей. Авраамий был искусным проповедником, и многие люди приходили к нему за наставлениями.

Воззрения Василия Великого, основанные на идеях христианства, открывали русским людям всю сферу христианской духовности, служили для русских авторов ценным источником для написания своих произведений и дали импульс развитию ораторского искусства на Руси на протяжении многих веков.

Литература:

1. Башкиров Д. Л. Шпаковский И. И. Лекции по истории литературы Древней Руси. Минск: БГУ, 2008. 423 с.
2. Греков Б. Д. Киевская Русь. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944.с. 347.
3. Демина Н. «Троица» Андрея Рублева. М.: Изд-во Искусство, 1963. С. 96
4. Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. М.-Л.:ТОДРЛ, 1947,Т.5
5. Житие Авраамия Смоленского. Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина: [Электронный ресурс]//Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб: Наука, 1997. Т. 5: XIII век. 527 с. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4949>. (дата обращения 15.08.2013).
6. Изборник 1076 года под ред. С. И. Коткова. М.:Изд-во Наука, 1965. с. 1090
7. История проповедничества Русской Православной Церкви. Учебное пособие для студентов 4 курса, составленное протоиереем А. Ветелевым, дополненное и переработанное преподавателем М. Е. Козловым, Сергиев Посад: Изд-во Московской Духовной Академии,2006, с. 143
8. Поучение Владимира Мономаха. Подготовка текста О. В. Творогова. Перевод и комментарии Д. С. Лихачева: [Электронный ресурс]// Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. СПб: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 543 с. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4874> (дата обращения 02. 10..2013)
9. Сагарда Н. И. Учение о Святой Троице святителя Василия Великого // Журнал Московской Патриархии. М., 1979. № 01,с. 71–77
10. Святитель Василий Великий. О Святом Духе. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
11. Святитель Василий Великий. Беседа 3 «На слова: «Внемли себе»» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
12. Святитель Василий Великий. Беседа 8 «Произнесенная во время голода и засухи» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
13. Святитель Василий Великий. Беседа «На упивающихся» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
14. Святитель Василий Великий. Беседа 22 «К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
15. Святитель Василий Великий. Нравственные правила. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.2. 1230 с.
16. Святитель Василий Великий. Письмо 2 «К Григорию Богослову» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.2. 1230 с.
17. Святитель Василий Великий. Письмо 9 «К Максиму Философу» // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.2. 1230 с.

18. Святитель Василий Великий. Переписка Василия с Ливанием. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.2. 1230 с.
19. Сидоров А. И. Святитель Василий Великий. Жизнь, церковное служение и творения. // Полное собрание творений святых отцов церкви и церковных писателей в русском переводе в 2-х томах. Святитель Василий Великий Архиепископ Кесарии Каппадокийской. Творения в двух томах. М.: Сибирская Благовонница, 2008. т.1. 1135 с.
20. Слова и поучения Серапиона Владимирского. Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова: [Электронный ресурс] // Электронные публикации Института русской литературы РАН. Библиотека литературы Древней Руси. РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб: Наука, 1997. Т.5: XIII век. 527 с. URL: <http://pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4963> (дата обращения 15.08.2013).
21. Творогов О. В. Глава 1 Литература XI — начала XIII века: [Электронный ресурс] // История русской литературы X—XVII вв. Москва: Просвещение, 1980. Под ред. Д. С. Лихачева. Учебное пособие для студентов педагогических вузов. URL: http://www.infoliolib.info/philol/lihachev/1_2.html (дата обращения 06.10.2013)

Издания Казанского филиала Академия наук в годы Великой Отечественной войны

Закиров Альфред Фаридович, аспирант
Институт Татарской энциклопедии АН РТ (г. Казань)

Publication of the Kazan branch of the Academy of Sciences during the Great Patriotic War

Разносторонняя и напряженная работа, проводимая научными учреждениями Академии наук в дни Великой Отечественной войны, находит свое отражение в литературе, выпускаемой Академией. Наряду с капитальными изданиями, являющимися плодом многолетних трудов институтов и отдельных ученых — специалистов, выпущено и подготовлено к печати большое количество книг и брошюр, которые заняли видное место в нашей оборонной антифашистской литературе.

Исключительно важное значение имеют выпущенные издательством Академии наук СССР брошюры, являющиеся составной частью нашей оборонной литературы. В этом разделе изданий Академии наук, наряду с популярными выпусками, имеются и специальные научные исследования, как, например, книга академика Н. Д. Зеллинского и В. С. Садикова «Уголь средство борьбы с удушающими и ядовитыми газами». Имя академика Н. Д. Зеллинского широко известно в нашей стране. Среди его изысканий, обеспечивших ему видное положение в мировой химической науке, значительное место занимают его исследования в области борьбы с газами примененными немцами в Первой мировой войне.

Другой страницей истории русской науки и техники, призванным на службу родине, является книга Вейгелина «Отец русской авиации», посвященная жизни и деятельности Н. Е. Жуковского. К изданиям, имеющим оборонное

значение, следует отнести и следующие: «Инструкция по строительству ледовых дорог», «Памятка о том, что можно найти для еды в лесу и болоте», «Грипп и борьбы с ним» (автор — почетный член Академии наук СССР Н. Ф. Гамалея). Брошюры послужили незаменимым пособием не только специальным красноармейским частям, ими воспользовались и более широкий круг читателей, которые с успехом применяли содержащиеся в этих брошюрах указания в соответствующей обстановке.

Уделяя большое внимание опубликованию работ, связанных с политически актуальными темами, издательство Академии наук СССР продолжала выпускать издания, подготовленные задолго до войны. Прежде всего необходимо упомянуть о большом свободном труде академика М. М. Покровского «История римской литературы». Издательство Академии наук продолжает также печатать выпуски научно — популярной серии [5, с.4].

В первые же годы создания Института языка, литературы и истории его сотрудники с энтузиазмом приступили к решению своих насущных задач по разработке проблем филологии и истории.

Сектор русского языка активизировал работу по составлению сопоставительной грамматики татарского и русского языков, по созданию школьных учебников русского языка и литературы для татарских школ. Основной работой татарских языковедов стала реализация нового

татарского алфавита и орфографии. 5 мая 1939 года Президиум Верховного Совета Татарской АССР издал Указ о переводе татарской письменности на русскую графику. Переход на новый алфавит был намечен с 1 сентября 1939 года в 1 и 2 классах, а с 1 сентября 1940 года в остальных классах средней школы. В газетах, журналах и учреждениях новый алфавит стал применяться с 1 января 1940 года. Свое отрицательное влияние культ личности оказал и на реформу орфографии в Татарской АССР. Исходя из сталинского учения об образовании в будущем зональных языков, специалисты не видели необходимости обозначения всех национальных особенностей произношения на письме. Реализация нового алфавита проходила с большими осложнениями и постоянно порождала дискуссии.

Литературоведы и фольклористы свою деятельность начали со сбора материалов для подготовки научного издания произведений Г. Тукая и М. Гафури. Историки продолжали начатые еще «Обществом татароведения» исследования отдельных проблем истории местного края [4, с. 17–18]. Вышел из печати I том академического издания произведений Габдуллы Тукая, подготовленного Татарским научно — исследовательским институтом языка, литературы и истории (ныне Институт языка, литературы и истории АН РТ). Академическое издание произведений любимого поэта татарского народа Г. Тукая большое событие в культурной жизни нашей республики. Г. Тукай — основоположник революционной лирики в татарской литературе, слава и национальная гордость татарского народа. Произведения Тукая глубоко патриотичны, поэт страстно, горячо любит свой народ, свою родину. Его крылатые слова: «На битвенном поле мы тигров сильнее, в труде мы сильнее могучих коней» нашли свое яркое выражение в дни Великой Отечественной войны. До этого времени произведения Г. Тукая печатались в виде отдельных сборников. Выпуск академического издания сочинений Тукая, показывает наши достижения в области филологической науки. Выход в свет академического издания позволило более углубленно изучить произведения поэта, лучше поставить преподавание татарского языка и литературы в школах, техникумах и вузах [6, с. 4].

Но, расширяя возможности татарского народа в повышении общеобразовательного, культурного, профессионального уровня, государственная система заботилась лишь о формировании исполнительской культуры с целью «начинить» человека необходимыми для «строительства социализма» знаниями [7, с. 137–148]. Не останавливаясь на конкретных цифрах, а сославшись на солидную советскую историографию вопроса, можно уверенно утверждать, что неуклонно рос образовательный уровень населения, росла и развивалась материальная база культуры, расширялся социально-профессиональный состав частных к культуре групп. Что же касается этногенеза, то он, начиная с 1940-х гг., имеет четкую тенденцию к затуханию под воздействием официальной борьбы с «националистическими проискаками». Начало ей было положено принятым 9 августа 1944 г. постановлением ЦК ВКП

(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации». Это постановление на десятилетия определило для местных властей установки в области национальной политики. По нему выверялась деятельность научных и культурных учреждений столицы республики. Вслед за постановлением мощный идеологический удар обрушился на Татарский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории — центр татарской гуманитарной науки. Институт был обвинен в том, что допустил серьезные ошибки националистического характера в освещении истории, литературы и искусства татарского народа. Речь шла, прежде всего, о «приукрашивании роли Золотой Орды и популяризации ханско-феодалного эпоса об Идееге». Общая установка предписывала все прогрессивное в истории татарского народа связывать только с прогрессивной ролью русского народа и Российского государства. Те же страницы этой истории, которые относились к периоду государственного могущества татарского народа и были связаны с мусульманским Востоком, предлагалось либо замалчивать, либо трактовать негативно. В 1949 г. под идеологический пресс попал сборник статей отдела истории ИЯЛИ «Происхождение казанских татар». Его авторами были известные историки академик Б. Д. Греков, А. П. Смирнов, Н. Ф. Калинин, Е. И. Чернышев. И по отношению к ним были выдвинуты обвинения в «недостаточной приверженности марксистско-ленинской идеологии, в объективистском подходе к освещению истории, переоценке влияния мусульманского Востока и недооценке влияния Руси в этногенезе татар» [2, с. 96–98].

Идеологическим проработкам подверглись издававшиеся в республике учебники по литературе. Дважды (в сентябре 1948 г. и в январе 1952 г.) жесткой критике был предан учебник-хрестоматия по татарской литературе для восьмого класса средней школы. Авторы обвинили в том, что они «оказались в плену буржуазного объективизма», включив в хрестоматию «вредные произведения», слабо осветили влияние на татарскую литературу русской литературы, неправильно оценили джадидизм, роль ислама, идеализировали «религиозно-мистическое творчество» М. Колыя, Утыз Имяни. В число вредных попали некоторые произведения Г. Кандаляя, Ф. Халиди. В постановлении бюро обкома КПСС «Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ» джадидизм был представлен как буржуазно-националистическое течение, которое стремилось оторвать татарский народ от России. Общим результатом этой кампании стало то, что была наложена опала на имена и произведения людей, составляющих гордость татарской литературы [3, с. 88–95].

В этнографической науке развернулась идейная борьба, происходили многочисленные теоретические конференции и дискуссии. Открытие в 1939 г. при Казанском государственном университете историко-филологического факультета и создание в том же году Та-

тарского научно-исследовательского института языка, литературы и истории способствовали оживлению исследовательских работ в области изучения истории местного края. Однако следует отметить, что этнографические исследования в Татарской республике в то время еще не велись. Серьезная работа в этом направлении возобновляется лишь после Великой Отечественной войны. Татарская фольклористика имеет свою достаточно длинную историю. Известный фольклорист проф. Хамит Ярмухаметов датировал начало записей татарского фольклора XVIII в. Объяснял это тем, что еще в XVIII в. в русской научной литературе имеются сведения по этнографии казанских татар и по их фольклору. В сборнике И. М. Снегирева под названием «Русские в своих пословицах» (1834 г.) впервые были помещены татарские пословицы на русском и татарском языках. Затем фольклорные материалы — в сборниках профессора Карла Фукса (1844 г.), в хрестоматии М.Иванова (1842 г.), в «Русско-татарской азбуке» Г.Вагапова (1852 г.), в «Татарской хрестоматии» С. Кукляшева (1859 г.) и в ряде др. работ. Крупным вкладом в татарскую фольклористическую науку являются работы известного тюрколога, академика В. В. Радлова, который после длительного пребывания среди сибирских татар в 70-х гг. XIX в. опубликовал большой труд, посвященный фольклору тюменских, тобольских и тарских татар. Х.Ярмухаметов отмечает, что сбор и изучение татарского фольклора до Каюма Насыри и Габдуллы Тукая велись отрывочно и разобщенно. Деятельность ученого просветителя Каюма Насыри внесла много нового в дело изучения татарского фольклора. Народный поэт Г. Тукай не только собирал образцы народной поэзии, но и выступил с первой исследовательской работой о характере и особенностях татарского фольклора. Вопрос о социальных функциях фольклорных произведений и их клас-

совой дифференциации, проблема авторства в фольклоре, идейной направленности и структуры татарских народных песен — все эти вопросы были поставлены по существу впервые именно Г. Тукаем [8, с.173—175].

Академцентром организуется специальная комиссия по выработке научной терминологии, столь необходимой для учебных руководств и научных трудов. Эта комиссия разрабатывает и создает около 15 тысяч новых терминов по различным отраслям науки (по родному языку, математике, физике, ботанике, химии, зоологии и т. д.). Наблюдается, по оценке лингвистов, заметный рост употребления народных слов, фразеологии, речевых оборотов в произведениях татарской художественной литературы. Большой вклад в разработку грамматики современного татарского языка внесли Г. Алпаров («Татарская грамматика на формальной основе», 1926 г.), Ш.Рамазанов (с 1930 по 1947 г. он опубликовал статьи, учебники и пособия «Грамматика татарского языка» (ч.1), «Очерки по татарскому языку», «Орфография татарского литературного языка»). Одним из продолжателей работы в этой области является В. Н. Хангильдин. Его труды по татарскому языку получили большую известность и за пределами республики. В 1934—1957 гг. были опубликованы его статьи по самым актуальным вопросам грамматики современного татарского языка. Работа В. Н. Хангильдина «Грамматика татарского языка. Очерки по морфологии» в 1954 г. была удостоена премии президиума АН СССР [1, Д.12. Л.1—15].

В годы Великой Отечественной войны ученые республики, тесно взаимодействуя с Академией наук СССР, эвакуированной в Казань, внесли огромный вклад в укрепление обороноспособности страны и в дело Великой Победы. Изучение некоторых проблем временно приостановилось, но по мере возвращения научных сотрудников к мирному труду их изучение возобновилось.

Литература:

1. Архив Казанского филиала АН СССР. Ф.1. Оп.61. Д.12. Л.1—15.
2. Галлямова А. Г. Кризис национальной самоидентификации татар в 40—70-е годы XXв. // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: Труды международной конференции в 3 т. (9—13 июня 1992, Казань) — с. 99.
3. Галлямова А. Г. К проблеме изучения развития татарской культуры в 40—80-е гг. // Панорама-форум. 1997. № 11. Весна.
4. Закиев М. З. 50 лет поисков и открытий. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1989. — 240с.
5. Красная Татария, № 14, 19 января, 1944.
6. Красная Татария, № 44, 21 февраля, 1942.
7. Флиер А. Культурогенез в истории культуры // Общественные науки и современность. 1995. № 3.
8. Ярмухаметов Х. Татарская советская фольклористика за 40 лет // Известия Казанского филиала Академии наук СССР. — 1957.

Участие партизанского движения Ульяновского района Калужской области в боевых действиях Великой Отечественной войны

Крючкова Виктория Николаевна

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Калужский филиал)

В 1941–1942 гг. на территории тогда еще Орловской области действовало несколько партизанских отрядов, принимавших участие в борьбе с гитлеровцами. Целью данной работы является восстановление памяти о партизанском движении в Ульяновском районе Калужского края. Источниками стали документы, хранящиеся в архивах Калужской области, как опубликованные, так и не опубликованные. Это документы центральных и местных органов власти, воспоминания очевидцев и участников тех далеких событий. Нами были собраны воспоминания жителей села Ульяново, деревень Мелихово и Веснины.

11 сентября 1941 года директивой НКВД СССР «О мероприятиях по развертыванию партизанского движения» начальникам прифронтовых территориальных управлений НКВД предлагалось:

«1. Лично организовывать работу по развертыванию партизанских действий в тылу противника путем как укрепления существующих отрядов, так и формирования новых отрядов и групп из местного населения.

2. В качестве организаторов и руководителей партизанских отрядов выделять тщательно отобранных, хорошо подготовленных и проинструктированных оперативных работников или лиц, эвакуированных с территории, занятой противником, знакомых с местными условиями, располагающими необходимыми связями с населением.

3. В качестве командиров партизанских отрядов назначать людей преданных, волевых, настойчивых. Предупредить командиров партизанских отрядов о необходимости пополнения отрядов новыми участниками в строго индивидуальном порядке, предварительно проверяя, не находится ли данное лицо в связи с немецкими властями.

4. Продолжать отбор бойцов лучшей части истребительных батальонов для партизанских действий, формировать партизанские отряды и направлять их для подрывной работы в тылу врага.

5. Особо тщательно подбирать состав для диверсионных групп. Помимо отбора честных, проверенных и смелых людей, стремиться подбирать людей, знакомых с техникой. При их подготовке уделить внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и производству расчетов на разрушение, а также умению оценить жизненные части сооружений и агрегатов».

В двадцатых годах в СССР шла активная подготовка партизан и диверсантов, а в тридцатые появились специализированные школы. Обычно, они размещались в городах и пригородах, располагали небольшими лабораториями и полигонами, где была возможность подрывать мины и зарядные устройства до килограмма весом. В них проходили подготовку командиры, диверсионные группы,

Рис. 1.

подпольщики-одиночки и прочие асы, которые должны были уметь провести диверсию на случай вторжения противника в пограничную полосу.

У каждой из подготавливаемых групп, был свой курс подготовки, в зависимости от ее цели. Партизаны, проходили курс прыжков с парашютом, в ночное и дневное время. Это было необходимо для высадки с воздуха в тылу врага. Пожилых партизан, которых отбирали в основном из местных жителей, имеющих опыт партизанской войны в 20-е годы, обучали проведению диверсий на транспорте и на тех предприятиях, вблизи которых они жили. Теоретические занятия проводились по 6 часов, практические — по 8–10 часов в сутки.

В 1941 году подготовленные бойцы очень пригодились бы, но, увы, препятствием стали 1937–1938 годы, когда война на собственной территории считалась недопустимой. Именно тогда была разрушена создававшаяся тяжелым трудом система подготовки партизан-профессионалов, а из подготовленных кадров уцелели только те, кто прошел Испанию. К началу войны необходимый для партизанского движения опыт работы был накоплен только у чекистов. Поэтому на их плечи легла работа по выбору мест базирования партизанских отрядов, подбору кадров, доставке информации о том, что происходит на оккупированной территории в Центр, а также непосредственное участие в работе и подготовке диверсионных групп.

С июля по октябрь 1941 года укреплением уже появившихся и формированием новых партизанских отрядов на территории нынешней Калужской области занималась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения (ОМСБОН). В ее задачи входила диверсионная работа в тылу врага, чтобы защитить столицу — в сентябре 1941 года вокруг Москвы сузилось вражеское кольцо.

В большинстве случаев командиры и комиссары отбирались из числа местных жителей, которые прошли военную и диверсионную подготовку, которые обладали способностями и авторитетом у земляков. Организаторский состав включал 8–12 человек, бригада — 30–40 человек, среди которых обязательно были люди с опытом партизанской работы в годы Гражданской войны.

На территории нашего края действовали Людиновский, Жиздринский, Дятьковский, Хвастовичский и Ульяновский отряды.

Рис. 2. Отряд Игнатова

В сентябре 1941 года на территории Ульяновского района были созданы три партизанских отряда: Ульяновский, Дудоровский и Ягодненский, в число которых входило 177 человек. Эти группы действовали самостоятельно до 18 декабря, затем они объединились в один Ульяновский партизанский отряд.

Местом действия партизанского формирования был Ульяновский район Орловской области. Базировались ульяновские партизаны (257 человек) в лесах неподалеку от колхоза «Новая деревня» и Жуковского сельсовета.

Руководство партизанским отрядом взяли на себя командир — заведующий военным отделом Ульяновского РК ВКП (б) Илья Иванович Игнатов и комиссар — Иван Иванович Солдатов, секретарь Ульяновского РК ВКП (б).

Уже спустя пять дней после объединения, 23 декабря 1941 года, отрядом Игнатова был занят районный центр — Ульяново. Своими силами партизаны удерживали его до 10 января 1942 года. Чего стоит такой эпизод: из деревни Сорокино в деревню Дурнево немцы выслали 15 разведчиков. В дорогу они отправились на подводах, поэтому группа отряда Игнатова решила устроить им засаду, пропустив в село, и уже там уничтожить врага. Но, не доезжая до деревни, немецкий офицер отделился от подвод и зашел в крайний дом, где столкнулся с часовым, оставленным партизанами. Офицер выстрелил, партизаны ответили огнем. Потеряв шесть человек, беспорядочно отстреливаясь и хватая на подводы раненых, фашисты убралась в лес. На следующий день в Дурневе появилась более крупная группа противника, но и ее ждала неудача — пулеметно-минометный огонь заставил немцев отступить.

3 января отрядом были получены данные, что из Ягодного в Мелихово прибыл обоз немцев из 15–20 подвод с 70 солдатами, которые грабят население. Ночью отряд совершил налет на село, в результате которого 11 грабителей было убито, а остальные побросали ворованное имущество и сбежали в Ягодное.

Еще через два дня, 5 января, отступая под ударами частей Красной армии из села Нижние Грыны на Сметские Хутора, немцы выслали вперед разведгруппу из 40 человек. На пути отступления оказались трое партизан, которые, не обращая внимания на численное превосходство врага, решили дать бой. И дали, да так, что немецкие разведчики повернули обратно. У убитого в ходе боя офицера оказались важные штабные документы, которые тут же были переданы в части РККА. Новая попытка, предпринятая фашистами на следующий день, также потерпела неудачу, и на этом участке дороги немцы предпочли больше не появляться.

10 января Ульяново пришлось оставить — слишком неравными были силы немцев и партизан. Но в ту же ночь расположившись на одной из высот около Ульянова, отряд обстрелял город из всех имевшихся в наличии огневых средств. Фашисты в панике, не оказав какого-либо сопротивления, оставили районный центр. Они попытались занять его снова спустя 4 дня и выслали разведку. Но партизанский взвод устроил засаду в домах на окраине города, и «растрепал» врага, попутно взяв в плен ефрейтора.

Во время наступления наших частей на деревню Крапивну отряду было поручено контролировать дорогу к этому населенному пункту через другую деревушку под названием Веснины. Два партизанских взвода заняли Веснины, а 17 января немцы начали наступление. Полсотни партизан в течение трех часов удерживали врага, пока не кончились боеприпасы. И только тогда партизаны оставили деревню.

К моменту расформирования отряда, а произошло это в марте 1942 года, на вооружении у ульяновских партизан находилось шесть пулеметов и один миномет, 178 винтовок, 70 наганов, шесть пистолетов и 26 винтовок Симонова, два автомата ППШ, 600 гранат и 10 тонн взрывчатки. Но при этом они вовсе не были «вооружены до зубов». К тому же среди них почти не было людей, знакомых с военным делом, — простые рабочие, служащие, представители интеллигенции, бывшие милиционеры. Тем не менее, с 9 октября 1941 по март 1942 года в результате боевых действий объединенного Ульяновского партизанского отряда было уничтожено 157 солдат и офицеров противника, пять немецких автомашин, взорвано 19 мостов, расстреляно 5 шпионов гестапо и 22 ставленника фашистских властей. Среди населения было создано 6 подпольных групп, которые помогали отряду. Население не оставалось в стороне, ведь только через своих — сообщалась информация о планах немцев, передавались продукты и теплая одежда.

Как только обстановка под Москвой стабилизировалась, и разгромленные фашисты стали отходить назад, все партизанские отряды и группы были объединены. Для преграждения пути отступавшему врагу и нанесения мощных ударов необходима была концентрация сил. Выполнив свои задачи, партизанские отряды были рас-

формированы. Многие партизаны продолжили борьбу с врагом, влившись в ряды советских войск.

Пройдут многие годы, но из народной памяти никогда не изгладятся воспоминания о замечательных людях, пламенных патриотах Родины, об их трудной и самоотверженной борьбе с ненавистными захватчиками.

Литература:

1. Книга памяти, т.5; статья Н. Константиновой «Война в тылу врага» от 07.04.2012;
2. Константинова Н. Война в тылу// Калужская областная газета «Знамя», 07.04. 2010
3. Книга Г. Зубанова «Партизанскими тропами». — Калуга, 1962. 56 с.
4. Воспоминания жителей Ульяновского района: Урёкиной П. С., Корнюшиной М. Ф., Акимцевой А. А., Галочкина Н. В., Урёкина П. С., Трошина П. А., Исаева В. Т.

Развитие торговли в Брянской области в 50–60е годы XX века

Мороз Ирина Анатольевна, аспирант
Брянский государственный университет

При рассмотрении развития экономики страны предпочтение всегда отдавалось изучению процессов и проблем в промышленности или сельском хозяйстве. Ведь именно здесь создаются материальные результаты труда. Очень долго торговля рассматривалась как второстепенная сфера жизни человека, сфера, обслуживающая производство и реализующая готовый продукт. Однако нельзя торговлю представлять как промежуточный этап между производителем и потребителем.

Торговля представляет собой сложный механизм, состоящий из многих составных частей. Её различные формы, особенности её развития в различные исторические периоды, проблемы управления, планирования, расширения торговой сети, совершенствования торгового оборудования, подготовки торговых кадров, увеличения разнообразных форм реализации товаров стали предметом изучения отечественных ученых.

Рассматривая состояние советской торговли в 50–60е годы в СССР и Брянской области, следует отметить слабую изученность данного вопроса в связи с малым количеством обобщающих работ и закрытостью некоторых архивных фондов. Тем не менее, имеющаяся литература 50–60х годов и более позднего времени, статьи в периодической печати, статистические сборники, воспоминания людей, живших в рассматриваемое время, позволяют сделать выводы о происходящих в торговле процессах, проблемах и путях их разрешения.

В целом процессы, происходящие в стране, были характерны и для Брянской области. Главным органом, руководящим деятельностью торговых организаций в ней, было Брянское областное управление торговли. На начало 1953 года оно имело следующую структуру: директор, начальник торгового отдела — заместитель ди-

ректора, старший товаровед — заместитель начальника отдела, товароведы, главный бухгалтер, заместитель главного бухгалтера, начальник планово-финансового отдела, начальник общественного питания и подсобного хозяйства, старший кулинар [1, с. 1]. На I квартал 1953 года Брянский облторг имел следующие отделения: Жуковское, Карачевское, Клетнянское, Почепское, Севское, Сельцовское, Стародубское, Суражское, Трубчевское [2, л.2]. В ежегодно составляемых облторгом отчетах важное место занимали данные о прибылях и убытках за прошедший год. Примером могут служить статьи прибылей и убытков за 1963 год [3, л.10].

Обязательными к отчету были форма № 4 «Реализация и отпуск за год», форма № 5 «Расходы по складам и розничным предприятиям за год», форма № 6 «Отчет об административно-управленческих расходах за год», форма № 8 «Расходы предприятий общественного питания за год», форма № 9 «Отчет о движении средств финансирования за год», форма № 11 «Отчет по производственным и бытовым предприятиям», форма № 13 «Отчет об израсходовании средств на подготовку кадров», форма № 3 «Сведения о недостатках, растратах и хищениях и контрольно-ревизионной работе», что позволяет сравнивать и анализировать статистические данные о развитии торговли в Брянской области.

В объяснительной записке к годовому отчету Брянского областного управления торговли за 1954 год дана торговая сеть в разрезе торгов и трестов столовых, где видно, что торговая сеть за 1954 год увеличилась на 32 магазина, 102 палатки, 7 столовых.

Уменьшение сети общественного питания: буфетов, закусовых и чайных произошло за счет их передачи в розничную сеть [4, л.75].

Таблица 1

Торговая сеть Брянской области за 1954 год

	Наличие торговой сети на 01.01.1954 года					Наличие торговой сети на 01.01.1955 года				
	мага- зины	палатки	столовые	буф., закус.	чайные	мага- зины	палатки	столовые	буф., закус.	чайные
Облторг	145	90	16	43	8	146	123	18	29	8
Горпищеторг	59	40	-	-	-	63	48	-	-	-
Горпромторг	36	11	-	-	-	44	30	-	-	-
Бежицкий торг	54	29	-	-	-	57	52	-	-	-
Клинцовский торг	56	16	14	27	2	65	30	14	19	2
Новозыбковский торг	41	20	4	16	1	42	23	5	16	1
Дятьковский торг	46	13	8	24	5	52	15	11	20	6
Брянский трест столовых	—	—	21	50	5	—	—	20	56	3
Бежицкий трест столовых	—	—	12	43	2	—	—	14	47	—
Итого:	437	219	75	203	23	469	321	82	187	20

Таблица 2

Наличие специализированной сети на 01.01.1956 г.

№ п/п	Магазины специализированные продовольственные и непродовольственные	Количество
1.	Булочные и хлебные	33
2.	Мясные, мясо-рыбные, мясо-рыбо-овощные	10
3.	Флодоовощные	14
4.	Бакалейно-гастрономические	21
5.	Винно-водочные	4
6.	Молочные	2
7.	Вод и мороженого	6
8.	Прочие специализированные	11
9.	Тканей	9
10.	Обувные	12
11.	Швейных товаров	8
12.	Мехов и головных уборов	2
13.	Бакалейно-трикотажно-парфюмерные	10
14.	Детских товаров	3
15.	Культтоваров	1
16.	Посудо-хозяйственные и железо-скобяные	22
17.	Мебельные	7
18.	Нефтелавки	12
19.	Строительных материалов	2
20.	Итого:	195

Кроме того, анализируя выполнение плана товарооборота за 1954 год, можно выделить не только факт общего выполнения плана на 101,8 % (911933 тысячи рублей при плане 896078 тысяч рублей), но и проследить увеличение или уменьшение реализации товаров по таким показателям, как мясо и птица, хлеб и хлебобулочные изделия, картофель, овощи, а среди непродовольственных — обувь, спички, керосин, мебель, швейные товары, культтовары.

В рассматриваемый период в Брянской области, как и в целом по стране, большое внимание уделялось развитию специализированной сети магазинов. Хотя это было приемлемо не везде, но в крупных городах, районных центрах покупатели отдавали предпочтение покупкам в магазинах, где товары были представлены по определенным категориям. Удобство данного вида магазинов состояло в том, что жители городов и населенных пунктов точно знали, где можно приобрести необходимые товары. Завоз продукции

в них производился целенаправленно и, как правило, отличался разнообразием ассортимента.

В отчете за 1955 год состоянию специализированной сети уделено особое внимание [5, л.138].

Как видно из приведенной таблицы торговая сеть за 1955 год увеличилась на 7 магазинов, 7 столовых, две чайных и 23 кафе-закусочных и буфета. Увеличение торговой сети произошло за счет нового строительства, открытия торговых предприятий в первых этажах.

В соответствии с приказом Министерства торговли РСФСР от 29 июня 1955 года № 424 областное Управление торговли при разработке мероприятий по внедрению передового опыта в торговле установило задание по открытию отделов без продавцов, отделов раскройки тканей, отделов по продаже штучных товаров и других форм торговли.

По местным торгам и трестам столовых области в это время введены следующие формы торговли: Брянский

горпищеторг организовал в магазине № 6 одну секцию по продаже товаров без продавцов. Брянский горпротторг в магазине № 1 и № 42 организованы отделы по раскрою тканей, в магазине № 39 организована конференция покупателей радиотоваров и производится установка на дому. В магазине № 14 организована доставка мебели на дом.

Бежицкий торг в магазине № 51 организовал отдел по раскрою тканей по просьбе покупателей, в магазине № 19 организован отдел по продаже штучных товаров без продавцов, в магазине № 39 организован отдел по продаже головных уборов, в магазине № 48 производится выкладка тканей на прилавки. В магазине № 27 и № 58 организованы отделы подарков и секции без продавцов [6, л.139].

Увеличение розничного товарооборота прослеживается в статистическом отчете Брянского облторга за 1958 год [7, л.150].

Таблица 3

Розничный товарооборот за 1958 год по Брянской области (в тысячах рублей)

Наименование торговых организаций	Розничный товарооборот		Оборот общественного питания	
	План 1958 г.	Выполнение за 1958 г.	План 1958 г.	Выполнение за 1958 г.
Главювелирторг	5250	4594		
Главлесстройторг	11600	15754		
Местные торги	1388874	1415860	175700	175070
в том числе Брянский горпищеторг	209200	217039		
Брянский горпромторг	264429	267509		
Брянский горхлебторг	50400	50681		
Бежицкий райпищеторг	138500	144226		
Дятьковский торг	86800	88698	11600	12022
Клинцовский торг	147445	145655	19200	18707
Новозыбковский торг	78000	78309	8960	9166
Жуковская торговая контора	24300	24605	3500	3704
Карачевская торговая контора	31000	31998	7100	7753
Клетнянская торговая контора	17200	17711	3250	2930
Почепская торговая контора	29700	29460	5700	5532
Севская торговая контора	15600	15466	2770	2522
Сельцовская торговая контора	27300	28628	6010	5593
Стародубская торговая контора	31550	32830	5620	6105
Суражская торговая контора	24800	25311	4100	4244
Трубчевская торговая контора	31800	30945	5000	4883
Цементовская торговая контора	35500	36034	5260	5197
Гастроном № 1	16200	16941	-	-
Гастроном № 2	16900	19917	-	-
Гастроном № 3	12600	13782	-	-
Инвентарьторг	650	732	-	-
Брянский трест столовых	-	-	53800	52831
Бежицкий трест столовых	-	-	33830	33881
Универмаг	99000	99383	-	-
Местные торги	-	1056308	-	137397
Главдорресторан	-	-	45400	48222

Таблица 4

Реализация картофеля и овощей за 1962 год

Наименование продукции	Реализация за 1962 г.		Результат	
	План	Фактически	Больше	Меньше
Картофель	25477	21352	-	4125
Овощи свежие	12417	12844	427	-
Фрукты свежие	2425	353	-	2–72
Цитрусовые	108	123	15	-
Арбузы — дыни	2590	611	-	1979
Переработанные овощи	1535	1516	-	19
Прочие культуры	1041	1041	-	-
Итого:	45593	37840	442	8195

Большую популярность у населения страны приобрела продажа товаров в кредит. В единовременном отчете за октябрь 1959 года представлены следующие данные, позволяющие говорить об увеличении количества магазинов, торгующих в кредит и значительном повышении количества покупок и полученных сумм за товары, проданные в кредит: радиолы высшего, первого и второго классов — всего: 830, в том числе в кредит: 539; радиоприемники — всего: 102, в том числе в кредит: 37; фотоаппараты — всего: 56, в том числе в кредит: 16; мотоциклы «К-58» — всего: 29, в том числе в кредит: 23 [8, л.96].

Увеличение торговой сети прослеживается и в 1961 году. В этот год было открыто предприятий розничной торговли 32 на 196 рабочих мест, предприятий общественного питания — 23 на 1271 посадочное место. Проведена специализация магазинов. Всего по местным торгам имелось 320 специализированных магазинов на 1179 рабочих мест. 69 магазинов работали по новым формам. В предприятиях общественного питания переведено на последующую оплату 73 предприятия, что позволило увеличить пропускную способность этих предприятий на 1,5–2 раза. 45 предприятий переведены на работу с полуфабрикатами. Производился отпуск обедов на дом в среднем 1600

блюд ежедневно [9, л.59].

В 1962 году особое внимание было обращено на поставку и реализацию картофеля и овощей, так как местные торги не выполнили установленного плана их реализации. В результате была сокращена поставка этой продукции, что характеризовалось следующими данными [10, л.153].

Недостаточно удовлетворялась потребность населения области виноградом, бахчевыми и другими фруктами. В результате недопоставки недопродано значительное количество этих культур, а именно по фруктам продано 14,5 % к плану, арбузы и дыни — 23,5 %.

Для анализа того, на основании каких данных складывалась цена для реализации картофеля, овощей и фруктов за 1962 год, важную роль играют статистические данные, изложенные в годовом отчете Брянского облторга в разделе «Длительное хранение картофеля и овощей» [11, л.154].

В ежегодных отчетах присутствует справка о количестве реализуемых и отпущенных картофеля, овощей и фруктов, что помогает анализу структуры питания населения. Данные за 1963 год представлены в следующей таблице [12, л.185].

Населению области продан больше, чем в 1962 году целый ряд продовольственных товаров: в том числе мясо-

Таблица 5

Расходы по хранению и реализации картофеля, овощей и фруктов за 1962 год

Виды расходов	На 1 июня		+ перерасход — экономия	Факт за 1961 год
	По норме	Фактически		
Расходы по железнодорожным перевозкам	0,69	0,98	+29	0,89
Расходы по автогужевым перевозкам	2,03	2,01	-2	1,91
Заработная плата	4,04	4,17	+13	4,33
Аренда и содержание помещений	1,80	1,56	-24	1,78
Убыль в пределах норм	0,97	1,51	+54	1,47
Потери сверх норм	-	0,39	+34	0,29
Расходы по таре	1,27	1,93	+66	1,36
Прочие расходы	1,48	0,58	-90	0,99
Итого:	12,28	13,13	+85	13,03

Таблица 6

Продажа товаров культурно-бытового назначения в 1964 году

	в штуках	в % к 1963 году
Часов	35545	157,4
Холодильников	1730	265,8
Стиральные машины	5149	126,9
Электропылесосы	1030	109,2
Велосипедов и мотовелосипедов	8206	107,2
Телевизоров	11636	132,8

продуктов на 70 %, рыбы — 21,6 %, сельдей — 19,7 %, масла животного — 22,3 %, кондитерских изделий — 15,5 %. Всего продовольственных товаров продано больше на 11 % [13, л.232].

Однако торговля непродовольственными товарами проходила более низкими темпами. Продажа промышленных товаров составила только 98,8 % к обороту за 1962 год. При этом сократилась реализация почти всех групп товаров.

В объяснительной записке к отчету за 1964 год указано, что в непосредственное подчинение Брянского областного управления торговли входит 25 торговых организаций, наиболее крупными среди которых был Брянский горпромторг, Брянский горпищеторг, контора «Гастроном», Центральный универмаг, Клиновский торг, Дятьковский торг.

Товарооборот местных торгов за 1964 год, установленный в сумме 222800 тысяч рублей, выполнен на 209133 тысячи рублей, или на 93,9 % [14, л.358]. Значительно больше продано в 1964 году следующих товаров: рыбы — 134,5 %, сельди — 121,4 %, масло растительное — 117,3 %, маргарин — 112,7 %, молокопродукты — 104,7 %, мороженое — 120,9 %, консервы мясные — 347,0 %, яиц — 118,5 %, кондитерских изделий — 120,5 %, фруктов — 129,1 %, картофеля — 114,1 %.

Невыполнение плана товарооборота в сумме 13667 тысяч рублей объясняется рядом причин. В 1964 году были трудности с товарным обеспечением, особенно продовольственными товарами, что снизило выполнение плана товарооборота. Однако торговыми организациями не все было принято к увеличению продажи товаров населению, имели место недостатки в организации торговли, которые снизили выполнение плана товарооборота: отсутствие товаров, имеющихся в достаточном количестве на базах и складах, закрытие магазинов и столовых на ремонт без соответствующей на то подготовки, не были использованы все возможности по вовлечению в това-

рооборот наибольшего количества и более широкого ассортимента товаров.

Большую роль в разработке и обосновании цен на товары народного потребления, на промышленные и продовольственные товары, овощи и фрукты, закупочные и оптовые цены на сельскохозяйственную продукцию играл отдел цен Брянского облисполкома. Сотрудники данного отдела проверяли состояние работы по ценообразованию, проверяли правильность применения розничных цен на товары народного потребления на предприятиях торговли, общественного питания, на предприятиях бытового обслуживания и коммунального хозяйства. Имеющиеся документы представляют материалы по экономическому обоснованию цен на товары народного потребления [15, л.389], на изготовление швейных изделий по индивидуальным заказам [16, л.214], на ремонт обуви [17, л.98].

Большое значение для увеличения товарооборота имело внедрение прогрессивных форм обслуживания населения. На предприятиях общественного питания особое распространение получили магазины полуфабрикатов, самообслуживания, отпуск обедов на дом, продажа обедов по абонеентам [18, л.33]. Промтоварные магазины использовали отделы фасованных товаров, с открытой выкладкой товаров, магазины-автоматы, отделы торговли по образцам [19, л.3]. Наличие магазинов с прогрессивными формами торговли за 1962 год в Брянской области представлены в результатах смотра работы по их внедрению [20, л.13]. И в последующие годы продолжалась работа по использованию прогрессивных форм в торговле и предприятиях общественного питания.

Подводя итог выше изложенному, можно сделать вывод, что процессы в торговле в Брянской области в 50–60-е годы повторяли тенденции в стране в целом: увеличение товарооборота, капитальных вложений в развитие торговой сети, внедрения прогрессивных форм обслуживания покупателей и специализации предприятий торговли.

Литература:

1. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф.2545. Оп.1. Д.53 Штатное расписание и сметы административно-хозяйственных расходов Брянского облторга и его отделений.

2. Там же. Л.2
3. Там же. Д.78 Годовой отчет деятельности Брянского облторга за 1953 год.
4. Там же. Д.134 Годовые сводные балансы и отчеты за 1954—1956 годы.
5. Там же. Л.138.
6. Там же. Л.139.
7. Там же. Д.143 Статистические отчеты за 1958—1962 годы.
8. Там же. Л.96.
9. Там же. Д.153 Годовые отчеты по основной деятельности управления за 1961—1965 годы.
10. Там же. Л.153.
11. Там же. Л.154.
12. Там же. Л.185.
13. Там же. Л.232.
14. Там же. Л.358.
15. Там же. Ф.2891. Оп.1. Д.1 Материалы по экономическому обоснованию розничных цен на товары народного потребления.
16. Там же. Д.2 Материалы по экономическому обоснованию цен на изготовление швейных изделий по индивидуальным заказам.
17. Там же. Д.6 Материалы по экономическому обоснованию цен на ремонт обуви.
18. Там же. Ф.2545. Оп.2. Д.168 Информация по внедрению прогрессивных форм обслуживания населения за 1961 год.
19. Там же. Д.170 Сведения о магазинах, перешедших на прогрессивные формы торговли по состоянию на 1 января 1961 года.
20. Там же. Д.198. Материалы по внедрению прогрессивных форм торговли за 1962 год.

1-й Гвардейский корпус в межреволюционный период 1917 года

Поляков Сергей Александрович, аспирант
Орловский государственный университет

Статья затрагивает вопрос о морально-политической обстановке в 1-м Гвардейском корпусе в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года.

Ключевые слова: 1-й Гвардейский корпус, межреволюционный период, морально-политическая обстановка.

1st Guards Corps in the Inter-Revolutionary Period Between 1917

S. A. Polykov, graduate student of National History Oryol State University

The article deals with the question of the moral-political situation in the 1st Guards Corps in the period between February and October revolutions of 1917.

Keywords: 1st Guards Copus, inter-revolutionary period, the moral-political situation.

1-й гвардейский корпус наиболее сильно подвергся воздействию пропаганды большевиков. Корпус находился в резерве в Тернополе, и с большой неохотой отправился на передовую. Командный состав корпуса был настроен пессимистично, и не был уверен, что солдаты просто не разбегутся при участии в реальных боях, за исключением Измайловского, отчасти Семеновского и Преображенского полков [1].

В Гвардейский корпус направился помощник комиссара А. М. Чекотило. В Преображенском полку Чекотило был очень тепло встречен. Полк был бодр, воодушевлен.

В тот же день Чекотило беседовал с полковым комитетом Семеновского полка. Семеновский полк, так же как и Преображенский был в хорошем настроении, и готов выполнять приказы командования. Далее Чекотило посетил Павловский полк, где по имеющимся данным положение было много хуже: один батальон отказался выполнять приказы, два других колебались, и лишь один батальон был готов выполнять приказы командования.

Далее Чекотило направился в Гренадерский полк. В Гренадерском полку ни совещания, ни митинга устроить не удалось. Полк попал полностью под влияния больше-

вистской пропаганды. Полк находился под влиянием поручика Дзевалтовского. Чекотило заявил Дзевалтовскому, что полк не нуждается в агитации, так как сам все знает, так как выписывает много газет.

Конфликт в Гренадерском полку был явился наиболее значительным и ярким из всех бывших до сих пор. Огромным влиянием в полку пользовался поручик Дзевалтовский, человек энергичный, ставший большевиком после поездки в Петроград. Полк быстро воспринял большевистскую окраску, и кроме большевистской литературы, не доверял никакой другой, да и этой другой литературы было мало, так как Дзевалтовский тщательно следил, чтобы в полк не проникала никакая другая литература кроме большевистской.

Настроение полка впервые выявилось 16 июня 1917 года, когда Керенский посещал Гвардейский корпус. Все полки корпуса собрались в одном месте, и лишь Гренадерский с большей частью Павловского полка, стояли отдельно от всех остальных, в шагах 500.

Положение с Гренадерским полком обострилось, после присоединения к ним 1-го батальона Павловского полка и 700 солдат 13 Финляндского стрелкового полка.

Кроме того, к гренадерам стали присоединяться дезертиры из других полков. Дошло до того, что гренадеры стали глумиться над ранеными, которые за это стали гренадер избивать, и только вмешательство члена военного комитета спасло гренадер от смерти.

Некоторых гренадер арестовали за подстрекательство к убийству Керенского, за призывы к неповиновению, но позже их всех отпустили за недостаточностью доказательств.

На совещании с членами армейских комитетов, было принято решение применить против гренадер решительные меры, чтобы привести их к повиновению. Чтобы избежать возможного кровопролития, требова-

лась сильная вооруженная демонстрация, которая показала бы гренадерам бессмысленность дальнейшего сопротивления. Для этой цели 24 июня 1917 года к месту стоянки гренадер, павловцев и финляндцев была подтянута кавалерийская дивизия, две батареи артиллерии и два броневедомоцикла. Когда оцепление было готово, комиссар И. И. Кириенко вызвал представителей полка, и предъявил приказ:

1. Выйти без оружия в указанные пункты: желающим подчинятся всем приказам командного состава и выполнить свой долг перед Родиной и революцией-собраться в одном месте. Всему полковому составу-в другом. И, наконец, отказавшимся подчинятся третьем.

2. Все оружие и казенное имущество должно остаться на месте стоянки в целостности.

3. Никому из желающих выполнить приказ не должно быть оказано никакого противодействия, а тем более насилия.

4. На исполнение приказа дан срок в 2 часа.

5. По истечении этого срока артиллерия открывает предупреждающий огонь.

6. По истечении 30 минут после открытия предупреждающего огня, артиллерия, при содействии пулеметов, открывает огонь на поражение.

За 10 минут до окончания срока, все отцепленные гренадеры, павловцы и финляндцы, строем, с музыкой во главе играющей марсельезы, вышли на указанное им место.

Весь полковой состав был арестован и предан суду, тоже было сделано и по отношению к ряду других чинов полка, в отношении которых имелись сведения для возможности предания их суду.

В Гренадерском полку после этих событий, осталось 300 человек, готовых исполнять свой долг. Остальные, группами по 50–70 человек были расформированы по другим полкам.

Литература:

1. Я. М. Лисовой «Белый архив» Ч.1. Париж, 1926 г.

Архитектурные ценности как память вечности

Степанчук Оксана Александровна, кандидат педагогических наук, начальник научно-методического отдела;

Стафоркин Анатолий Евгеньевич, студент

ГАОУ СПО «Волгоградский профессионально-технический колледж»

Глобальные изменения, происходящие в современном сообществе, сопровождаются не только конструктивными, но и деструктивными явлениями в разных сферах деятельности человека. В данный период подобных событий, в самом сложном положении оказывается молодежь, поскольку она вырастает на опыте прошлых поколений, а кризисные изменения ставят под угрозу смысл

и механизм этой передачи. На это же и указывает Лавриненко В. Н., каковы ценности, таковы и общество, и личность. Не случайно, что проблема ценностей всегда выступает на первое место в переходные периоды общественного развития. Именно такое время переживает сегодня наше общество, с его нестабильностью, резкими социальными сдвигами, дезориентацией и дезидентифи-

кацией личности. Все это находит свое выражение в процессе переоценки ценностей. При этом следует иметь в виду, что за отрицанием старых ценностей скрывается отрицание старых форм жизни общества и личности [1].

Передача опыта прошлыми поколениями зависит от ценностей, ценностных координат сегодняшнего времени и устоев общества. Естественно, что современные ценности и устои зависят от нас с вами. К таким ценностям относятся утраченные архитектурные достопримечательности и памятники.

Нехватка ценностей современного общества, требует от всех структур власти пересмотра и духовных и материальных ценностей. Так, например, если обратиться к материальным ценностям — это архитектура, памятники архитектуры и облик города, его внешний вид, исторические и памятные места. В нашем исследовании мы рассматриваем облик города-героя Сталинграда, ныне Волгограда. Города, с незабываемым, поистине, богатым героическим прошлым. И вопрос, который, мы рассматриваем, касается, что же делается для сохранения тех ценностей, которыми богат город, и которые еще можно спасти.

К утраченным ценностям города относятся: Дом Миллера в пойме реки Царица; Никольская церковь; Собор Александра Невского; Свято-Духов монастырь; фонтан «Бармалей» или «Детский хоровод»; ресторан «Шанхай»; уничтожен Ботанический сад ВНИАЛМИ у ВОЛГУ/ бывший сад купца Лапшина, заложенный в 1913 году.

Для рассмотрения данного вопроса обратимся к информационной и исторической справке о городе. Волгоград, именовался как Сталинград с 10 апреля 1925 года до 10 ноября 1961 года (от «Сталин» и старославянского «град» — город). До переименования назывался Царицын. Назван в честь Генерального секретаря ЦК ВКП (б) Иосифа Сталина, занимавшего эту партийную должность с апреля 1922 года по 1934 год.

Волгоград располагается на юго-востоке европейской части России и является административным центром одноименной области. Этот крупный город лежит на западном берегу реки Волги, имеет богатую и насыщенную событиями историю, а также обладает массой интересных исторических и культурных достопримечательностей, ежегодно принимая сотни тысяч туристов.

Имея выгодное географическое месторасположение, Волгоград играет важную роль в социально-экономическом развитии южного региона страны. Сегодня, тут процветают топливная, пищевая, химическая и деревообрабатывающая промышленность, а также машиностроение, металлургия, электро- и теплоэнергетика. Как и во многих мегаполисах России, в последние годы в Волгограде стало значительно больше новых домов и современных архитектурных сооружений. Торговля и бизнес представлены здесь множеством крупных торговых комплексов и офисами авторитетных финансовых компаний международного значения. Значительное внимание уделяется городскими властями развитию образования, культуры и спорта, выраженное обилием учебных заве-

дений, театров, музеев и спортивных сооружений. Гостиницы Волгограда по-волжски гостеприимно встречают гостей, предлагая им различные условия для проживания, в зависимости от финансовых возможностей. Развитая инфраструктура и неплохо налаженное транспортное сообщение тоже являются важными особенностями мегаполиса, делая его максимально удобным в плане пользования [2].

Внешний облик Волгограда во многом формируют его набережные, чередующиеся как с красивыми современными постройками, так и с довольно мрачными зданиями промышленных предприятий советской эпохи. В роли символа города-героя выступает знаменитый Мамаев курган, на котором красуется памятник героям Сталинградской битвы с известной скульптурой, символизирующей призыв матери-Родины к своим защитникам. Вообще, военная тематика является одной из основ скульптурных композиций бывшего Сталинграда, что не удивительно, учитывая то историческое значение, которое город сыграл во времена Великой Отечественной войны. Так же в городе много памятников войны: Государственный музей-панорама «Сталинградская битва»; Дом Павлова — останки 4-этажного жилого дома в центре Волгограда; музей «Память», где был пленен немецкий фельдмаршал Паулюс, в Центральном универмаге Волгограда. Руины старой мельницы — полуразрушенное здание из красного кирпича. Была построена в 1904 году немцем Гергардтом. При восстановлении города после войны мельницу решили оставить как есть в качестве живого свидетельства разрушительной Сталинградской битвы. Бронекатер «БК-13» катер-памятник, посвященный морякам Волжской военной флотилии, павшим во время Великой отечественной войны и многие, многие другие памятники истории [2].

В настоящее время облик города меняется. Это в первую очередь связано с тем, что обращение к его внешнему виду и главное к историческому прошлому, является хорошим знаком проявления властей к памяти всех героев Великой Отечественной войны 1941—1945 годов. Это естественно связано с историческим прошлым города. Помимо тех сохранившихся мест боевой славы, которые имеются в городе, теперь копия фонтана, ставшего одним из символов военной истории города, и победы, сегодня украшает привокзальную площадь.

Совсем недавно облик города украсил знаменитый фонтан «Детский хоровод» — символ непобеденного города. Эта типовая для своего времени скульптурная группа была установлена в тридцатые годы сразу в нескольких городах, но в памяти остался лишь один фонтан, запечатленный фотографом Эммануилом Евзерихиным 23 августа 1942 года, после массивной немецкой бомбардировки. Тогда погибло 40 тысяч мирных жителей.

На фоне разрушенного гитлеровской авиацией вокзала вокруг крокодила танцуют дети. Их шестеро — три мальчика и три девочки — они крепко держатся за руки, вокруг них сидят лягушки, из которых бьют струи воды.

Фонтан — аллегория на сказку Корнея Чуковского «Краденое солнце», поэтому его и называли «Детский хоровод», «Крокодил» и даже «Бармалей» — стал символом военной истории Сталинграда после фотокарточки, растиражированной на весь мир [2].

Но после войны «Детский хоровод» был уже отреставрирован, но простоял недолго: он был демонтирован в 1950-х годах. После войны во дворах Центрального района действовало несколько небольших фонтанов с лягушками, сидящими по кругу, которые постепенно разрушились к концу 1960-х годов.

На открытие памятника прибыл президент государства В. В. Путин. Поблагодарив всех, кто вернул городу этот символ, Владимир Путин обещал: «Мы всегда будем, глядя на этот памятник, на эту скульптурную группу, вспоминать и живых, и павших, помнить о том, кому мы обязаны этой победой. Будем всегда думать о том, что правда всегда выше, чем ненависть, вражда и варварство. Низкий поклон ветеранам!».

На церемонии открытия присутствовали и ветераны, и байкеры, и все желающие жители города. Восстановить фонтан предложил их лидер Хирург (Александр Залдостанов), возглавляющий мотоклуб «Ночные волки». Он помог приехать и в Волгоград и фронтовикам из Севастополя. А. Залдостанов неоднократно участвовал как в официальных, так и в неофициальных мероприятиях

президента. Именно движение «Ночные волки», помогли осуществиться этому проекту.

Вечером того же дня «Ночные волки» провели международное байк-шоу в Волгограде. Правда, в этот раз глава государства на него не остался.

Над копией фонтана работал скульптор Александр Бурганов. Воссозданную в довоенном виде скульптурную группу разместили у железнодорожного вокзала. Уменьшенный вариант фонтана теперь находится рядом с панорамой Сталинградской битвы — уже со следами от бомбежки. Это еще один подарок городу.

Ценность и уникальность данного фонтана «Детский хоровод» отражается и в современном искусстве. Сталинградский фонтан можно увидеть в фильмах «Враг у ворот» и «V — значит вендетта», «Заводной апельсин». В фильме Ф. Бондарчука Сталинград (фильм, 2013) фонтан включен в композицию прототипов объектов — универсама, театра, дома Павлова (прообраз дома Громова) и площади Борьбы. В реальности эти объекты находились в разных частях Сталинграда, но по сценарию оказались рядом [3].

Теперь облик города неповторим, именно, этим фонтаном «Детский хоровод», который, является, не просто украшением города, а несет частичку прошлого, частичку нашей истории, частичку наших потерь и побед.

Литература:

1. Лавриненко В. Н. Философия «Философия. Серия: Institutiones»: Юристъ; 1998. — 341 с.
2. Справка о городе Волгограде — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.volgadmin.ru/> (дата обращения 01.11.2013).
3. Информация о фонтане — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Бармалей_\(фонтан\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Бармалей_(фонтан)) (дата обращения 03.11.2013).

Формирование взглядов российских дипломатов о Балканах в первой четверти XIX века

Шарафутдинов Денис Радиевич, ассистент

Институт международных отношений, истории и востоковедения КФУ (г. Казань)

Первая четверть XIX столетия была во многом определяющей в развитии международных отношений, политике и практике внешней политики Российской империи на Балканах. Новый этап в отношениях с Османской Портой, совпавший с воцарением Александра I, имел ряд особенностей, отличавшихся от предыдущего времени [1]. Несмотря на богатые традиции во взаимоотношениях и сложившиеся в эпоху правления Екатерины II взгляды среди российской общественной мысли о родственных и единоверных народах [5], населяющих Европейские территории Османской империи, Российская империя в начале XIX века расширяет и углубляет нарратив, свя-

занный с Балканским регионом. Основным поставщиком нового знания в Александровскую эпоху становятся представители дипломатического корпуса. В условиях, когда территория Балкан становится все более ценной «картой» в дипломатических играх великих держав, новизна и практическая значимость информации, получаемой с дипломатической корреспонденцией непосредственно с Балканского полуострова, становилась все более актуальной.

Сценарии формирования взглядов среди российского МИДа имели несколько вариаций. Так, начиная с 1803 г., Министерство иностранных дел с санкции Александра I активно практиковало рассылку инструкций диплома-

тическим агентам, в которых указывались те вопросы и проблемы, на которые российское правительство желало получить развернутый ответ [6; 7]. Первые подобные инструкции были поручены чрезвычайным посланникам Российского двора: в Черногории — С. А. Санковскому (1805–1807 гг.) и в Сербии — К. К. Родофиникину (1807–1810 гг.). Обширный перечень проблем включал в себя вопросы, связанные с политическими, социальными, экономическими, религиозными, территориальными, географическими и культурными сюжетами. Следует иметь в виду, что дипломаты, подобно любому представителю чиновничьего мира, в своей работе и изысканиях руководствовались личным опытом и рядом условий, которые известный французский социолог П. Бурдьё обозначил, как «социальный капитал» [4, с. 66]. Согласно этой теории, дипломат в реальном времени апробировал не только личные наработки в изучении и идентификации Балкан, но также знания и опыт, накопленные дипломатической корпорацией на протяжении предыдущих лет.

В донесениях и отчетах российские дипломаты не всегда следовали плану инструкций. Довольно частым было явление, когда дипломатический агент избегал характеристики явлений, свидетелем которых он стал. На страницах дипломатической переписки не раз можно столкнуться с противоречивыми суждениями одного и того же лица в разные хронологические промежутки времени. Тем самым подчеркивались ситуация «поиска», верификации знаний о регионе и конструирования нового пространства «Балкан» дипломатическим ведомством России. Ситуация «поиска» среди российских дипломатов была актуальна вплоть до второй трети XIX века, когда территория Балкан стала активно осваиваться академической элитой Российской империи и необходимость в постоянном «поиске» постепенно сошла на нет. В отличие от «поиска» верификация знаний среди дипломатического сообщества продолжалась на протяжении всего XIX столетия. Так в 1830–1840-е гг. инициированное российскими властями путешествие ряда славяноведов (О. И. Бодянский, В. И. Григорович, П. И. Прейс, И. И. Срезневский и др.) привело к неутешительным выводам. Так казанский славяновед В. И. Григорович замечал, что сведения, которыми он руководствовался при путешествии по Европейской Турции, в том числе полученные и в результате наблюдений дипломатических агентов, вызывали лишь улыбку у местных жителей и не соответствовали действительности, либо были устаревшими [8, с. 18].

Верификации знаний при изучении Балканского региона способствовал ряд моментов, о которых следует упомянуть. Во-первых, в первой четверти XIX века постепенно начинает расширяться сеть дипломатических представительств на территории Османской империи, в том числе и на Балканах, что способствовало количественному и качественному увеличению информации. Во-вторых, в условиях непрекращающихся локальных и массовых конфликтов российские дипломаты получали возмож-

ность обновить и упорядочить свои суждения как в отношении отдельных народов, так и территорий под общим названием Балканы. Постоянное общение с представителями балканских народов способствовало этому. Российские дипломаты, посылаемые в отдельные географические районы Балкан с чрезвычайными полномочиями, в некоем роде становились «экспертами» в тех районах, на которые распространялись их полномочия [3]. Подобная ситуация складывалась с С. А. Санковским, на которого опиралось российское правительство при выработке внешнеполитических решений, связанных с Черногорией [10, с. 65–106]. К. К. Родофиникин и заменивший его Ф. И. Недоба были «экспертами» в вопросах, связанных с Сербией [2; 9]. Дипломатические чиновники М. Я. Минчаки и Пини обладали необходимой широтой знаний при квалифицированной оценке событий, связанных с Дунайскими княжествами. Схожие примеры можно продолжать. Не стоит забывать также, что во время русско-турецкой войны 1806–1812 гг. значительное число представителей балканских народов вошло в состав русской армии в качестве волонтеров. Дипломаты, состоявшие в канцелярии при Генштабе Дунайской армии, могли воочию наблюдать за жизнью и бытом представителей балканских народов, рефлексировать и делать для себя соответствующие выводы о коренных жителях Балканского региона. Как правило, подобные суждения обобщались и распространялись на все категории представителей *n*-го народа. Материалы дипломатической переписки фиксировали эти тенденции и явления на своих страницах и позволяли говорить об определенных различиях в восприятии, но в целом дали четкую картину на период первой четверти XIX века. Говоря о различиях в восприятии Балкан среди представителей российского МИДа, условно можно выделить четыре группы агентов. К первой группе можно отнести представителей дворянского сословия исконно русских земель. Во вторую группу входили дипломаты — выходцы из территорий, недавно присоединенных (прибалтийские немцы, поляки) к империи. К третьей группе можно отнести дипломатических агентов на русской службе из Западной Европы. В четвертую группу входили дипломатические представители — выходцы с Балканского полуострова. Отношение к балканским народам у всех этих групп различилось.

Возвращаясь к верификации знаний, следует отметить еще один момент. В начале XIX века в системе российского МИДа начинает складываться четкая структура сбора информации, последующего анализа, вычленения необходимого контекста, обобщения и отправления в вышестоящие инстанции.

В среде дипломатических агентов формирование конструкта пространства Балкан происходило под влиянием многих факторов. У понятия «Балканы» не было четко выраженных границ-рамок. Они постоянно видоизменялись, мигрировали как историко-географический образ. Этому способствовала и международно-политическая обстановка первой четверти XIX века, когда карта Западной

Европы постоянно перекраивалась, изменялись границы, упразднялись целые государства. Таким образом совсем не было удивительным явлением то обстоятельство, что в конструкте Балкан у российских дипломатов фигурировали Дунайские княжества, хотя географическое включение этих территорий было не совсем верным [2]. В то же время полностью исключались из понятия «Балканы» территории, входившие в состав Австрийской империи. Можно с уверенностью констатировать, что на конструкт Балканы непосредственно влияли геополитическая ситуация и международные отношения в целом.

Помимо инструкций, спускаемых сверху, российские дипломаты лично проявляли инициативу при освещении различных сторон жизни балканских народов. При анализе сохранившихся материалов переписки невозможно выявить определенную системность в освещении Балкан. Информационный потенциал дипломатической корреспонденции зависел от реалий, диктуемых временем, личностного восприятия и интересов российского дипломата. Однако можно проследить механизмы формирования знания о Балканах. Кроме информации, черпаемой из межкоммуникационной дипломатической среды, россий-

ские посланники пользовались следующими источниками. Помимо зачатков академического знания в области балканистики, которые можно было почерпнуть из справочных изданий, периодики и редких книг с описательными сюжетами на иностранных языках, что мог себе позволить далеко не каждый дипломат в силу физических и финансовых возможностей. К услугам представителей внешнеполитического ведомства были формировавшиеся фонды архива МИДа, где собирались все важные материалы, представляющие ценность для современников.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно прийти к выводу, что восприятие Балкан в первой четверти XIX века происходило через призму многих факторов. Дипломаты российского МИДа в силу их статусного положения одними из первых столкнулись с проблемой идентификации Балканского региона среди российской общественной мысли. Именно первая четверть XIX столетия становится тем рубежом, когда российское дипломатическое ведомство расставляет акценты и вырабатывает окончательную программу внешнеполитических решений в Балканском направлении.

Литература:

1. Александр I, Наполеон и Балканы / Отв. ред.: В. Н. Виноградов. — М.: Наука, 1997. — 264 с.
2. Бажова А. П. Россия и югославы в к. XVIII — н. XIX века / А. П. Бажова. — М.: Изд-во Ин-та Рос. истории, 1996. — 190 с.
3. Белов М. В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века / М. В. Белов // Славяноведение. — 2012. — № 4. — С. 53–68.
4. Бурдые П. Формы капитала / П. Бурдые // Экономическая социология. — 2005. — Т. 6. № 3. — С. 68–74.
5. Век Екатерины II: Россия и Балканы / Отв. ред.: И. И. Лещиловская. — М.: Наука, 1999. — 166 с.
6. Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского МИД: в 8 т. / под ред.: А. А. Громыко. — М.: Госполитиздат, 1960–1972.
7. Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы Российского МИД: в 6 т. / под ред.: А. А. Громыко. — М.: Политиздат, 1974–1984.
8. Григорович В. И. Донесения В. И. Григоровича об его путешествии по славянским землям. — Казань: [Б.и.], 1915. — 281 с.
9. Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в первой трети XIX века: Документы / Сост.: Е. П. Кудрявцева. — М.: Наука, 1997. — 322 с.
10. Черногорско-русские отношения 1711–1918 гг.: Русские архивные документы о Черногории (к. XVII — сер. XIX вв.) / Отв. ред.: И. Р. Бойович, И. С. Достян. — М., Подгорица: [Б.и.], 1992. — 430 с.

5. АРХЕОЛОГИЯ

Неизвестные дороги Великой Отечественной войны 1941–1945

Копылович Мальвина Витальевна, преподаватель
ОБОУ СПО «Щигровский медицинский колледж» (Курская обл.)

Профессия медицинской сестры, подразумевающая под собой оказание медицинской помощи людям, несет в себе в первую очередь патриотический долг. В самых горячих точках, в самом пекле войны пробирается медицинский работник. Он не обращает внимания на взрывы и выстрелы вокруг. У него одна цель — вытащить из огня, из-под завала, из-под самого носа у противника раненого. Вытащить его на себе с поля сражения в безопасное место, а потом, не обращая внимания на собственную обессиленность, оказать необходимую медицинскую помощь. В истории сестринского дела можно найти тысячи примеров отваги и мужества средних медицинских работников. Безусловно, что только любовь к Отечеству, вера в победу своего народа над захватчиками давала им силы в самые тяжелые моменты. Поэтому, прежде всего медицинский работник должен быть патриотом своей родины. И одним из моментов воспитания патриотизма в душе каждого из нас является изучение истории своей Родины.

Тема моего исследования выбрана не случайно. Великая Отечественная война 1941–1945 года затронула каждый дом и каждую семью. И сейчас спустя 70 лет после победы, казалось бы, что можно еще вспомнить? Ведь столько уже сказано, столько исследовано. Но, не

смотря на это, есть у нас такие населенные пункты, в которых эхо войны остается до сих пор. Последний, наиболее актуальный пример — в Щиграх в августе 2013 года тракторист выпахал из земли очередную фашистскую авиабомбу [1].

Цели работы:

Найти пути возможного передвижения советских военнопленных и фашистских войск на территории Щигровского района в период 1942–1943 годы.

Развить у студентов Щигровского медицинского колледжа чувство патриотизма, путем приобщения к историческому наследию России.

Исследование:

Исследование проводилось в период май 2013 года — октябрь 2013 года с непосредственным участием студентов ОБОУ СПО «Щигровского медицинского колледжа».

Первым этапом нашей работы было поднятие некоторых архивных данных:

— о наличии 3-го армейского сборного пересыльного пункта (в дальнейшем 191 «Dulag») для советских военнопленных на территории Муниципального казенного общеобразовательного учреждения «Пригородненская средняя общеобразовательная школа» и 4-го армейского

Рис. 1. Территория МОУ СОШ «Пригородненская средняя школа»

Извещение

Гор. _____

селение _____

Настоящим вас извещаем, что вы завербованы в обязательном порядке на работу в Германию, а поэтому вам предлагаем _____ к 8 час. утра явиться в _____ на медицинский осмотр, а к _____ быть готовым к отправке в Германию.

Старшина _____

Волостной писарь _____

Справка.

1942 г.

Дана гражданке села Соколя Плата, Тимского района, Курской обл., Булгаковой Нине Тимофеевне в том, что имеющаяся у нее кошка зарегистрирована в Сокольском старостате и налог в сумме 20 руб. уплачен.

Староста _____ (подпись)

Писарь _____ (подпись)

сборно-пересыльного пункта для советских военнопленных [13];

– об оккупации территории Щигры и прилегающих районов (Щигровского, Тимского) в период с 1941–43 год. статьи Коровина В. В. «Твой путь я разделю, как верная подруга...», Лагутича М. «Оккупация и освобождение» описывают и документально подтверждают порядки творившиеся в оккупированных зонах [15, 18, 19];

– об основном танковом сражении в селе Прохоровка [12];

а также о передвижении советской 121 стрелковой дивизии под командованием А. М. Бушина со стороны Во-

ронеза в направлении Курска в феврале 1943 года, когда основные бои прошли в поселке городского типа Касторное, поселке Советском, селе Михайловка (Черемсиновский р-н), станции «Удобрительная» (пос. «Авангард») [2].

Но вместе с этими данными всплыл интересный факт наличия лагерей для военнопленных, расположенных на территории Курской и близ лежащих областей. [3]

Это пересыльно-сортировочные лагеря «Dulag», находившиеся в Касторном, Курске и Белгороде, «Stalag» — лагерь для военнопленных рядового и сержантского состава в Орле:

Лагерь	Номер	Место	Текущее место	Государство	Время
Dulag	170	Белгород	Белгородская область	Россия	Август 1942
Dulag	173	Касторное	Курская область	Россия	1942
Dulag	314	Курск	Курск	Россия	Май 1942
Stalag	397	Орел	Орел	Россия	Май 1943

В отличие от них, армейские сборно-пересыльные пункты выполняли задачу быстрой передачи военнопленных в лагеря, находящиеся в тылу [14].

Отсюда следует вывод, что жители нашего оккупированного города и окружающих его районов могли быть свидетелями отправления советских военнопленных в вышеупомянутые пересыльно-сортировочные лагеря.

Следующим этапом нашей работы был поиск информации, подтверждающей наши догадки. Из статьи «В годы

Великой Отечественной войны» Д. Сундукова, А. Брусенцева, опубликованной на сайте «народ.ру» в исторической рубрике: «...4 июля 1942 немецкие войска оккупировали Касторное. Семь месяцев они хозяйничали на нашей земле. Несмотря на установленные «новые порядки», население саботировало указания немецкого коменданта, уклонялось от угона в Германию. Подпольно действовали наши комсомольцы: Шура Шмыкова, прошедшая курсы радистов, Наташа Лемберг, только что окончившая деся-

Рис. 2. «Дорога из с. Пригородня в с. Соколье»

тилетку, хорошо знавшая немецкий, французский языки, работавшая переводчицей в хозкомендатуре. С ними поддерживали связь Лена Демидова, Мария Рыкунова, дважды переходившие линию фронта...» [4]

Собирая данные о пересыльно-сортировочных лагерях, члены кружка натолкнулись на информацию о состоянии железной дороги «Курск—Белгород», по историческим данным в период 1942—1943 год на этом участке периодически велись подрывные работы партизанскими отрядами, из статьи «Белгород во время Великой Отечественной войны — 1941 года»: «...В течение двух суток — 23 и 24 октября 1942 года — в пяти километрах от Белгорода, под пригородным селом Стрелецким, советские воины вели упорный бой с превосходящими силами противника... Станцию Белгород покинули последние эшелоны. В паровозном депо взорвана парокотельная, рухнул в Северский Донец пролет железнодорожного моста...» [11], из книги И. Г. *Эренбурга Война. 1941—1945*: «...Куряне не только ждали. Куряне боролись с захватчиками. Железнодорожники взрывали немецкие паровозы. Девушки переправляли оружие. Партизаны убивали немцев...» [14]. Данная историческая справка и изучение железнодорожной карты Курской и Белгородской областей [5], натолкнула нас на мысль, что передвижения войск и пленных могли проходить по трассе «Воронеж-Курск», с выходом в с. Беседино, а через него на 39-железнодорожный км и далее, уже эшелонами в сторону Белгорода. Но тогда на трассу «Воронеж-Курск» должен быть дополнительный и максимально короткий выход из Щигров.

Изучая спутниковые и топографические карты местности, мы натолкнулись на едва заметную проселочную

дорогу, ведущую в сторону поселка Тим, она гораздо меньше по своему расстоянию, скрыта от людского глаза посадками, т. е. достаточно удобна для переброса войск и военнопленных. Это дорога, идущая из села «Пригороднее» в село «Соколье» имеет выход на трассу «Воронеж — Курск», проходит через несколько населенных пунктов — д. Авдеевка, д. Морозовка, с. Соколье [6].

Опросив нескольких жителей данных деревень, мы узнали, что в этих местах весной и осенью на своих огородах, они выкапывают большое количество гильз времен Великой Отечественной войны.

Из воспоминаний Воробьева Алексея Стефановича, уроженца села Леженьки, проживающего в с. Соколье, вместе со своей семьей на протяжении 70 лет, воевавшего на Белорусском фронте в 1944—1945 году и получившего ранение под Мозырем (Белоруссия) в апреле 1945 года: «...Летом 1942 года я и мои односельчане были взяты в плен немцами. Всего нас было 12 человек — 8 девушек и 4 парня. Нас гоняли прокладывать дорогу от Щигров к Курску, через поле и посадки. Жили мы в Соколье, в погребе разрушенного дома, который находился не далеко от плотины. Обращались с нами очень жестоко. Кормили нас один раз в три дня. Воды давали полведра на всех. Однажды нас вытащили, чтобы погнать на работы, а мы увидели наших солдат за водоемом, попытались прорваться к ним. Между немцами и нашими солдатами завязалась перестрелка. Так мы убежали из плена...».

Слова Алексея Стефановича о жестоком обращении не только с пленными, но и с селянами подтверждает объявление венгерского фашистского командования, опубликованное в статье Лагутича М. «Оккупация и освобождение»:

Из объявления венгерского фашистского командования:

«При следствиях, которые велись против лиц, совершающих умышленный взрыв на железных дорогах, установлено, что эта подрывная работа совершается с помощью населения ближайших сел.

Большую ошибку сделали старосты сел, полицейские и крестьяне, когда об этих случаях не сообщили ближайшим военным комендантам или же не обратили на это внимание часовых.

Поэтому обращаю внимание населения на необходимость немедленно сообщать о всяком готовящемся заговоре или саботаже. В случае выявления и укрытия подобных действий каждый десятый человек из ближайших к происшествию мест будет казнен, несмотря на пол и возраст. Эта судьба ожидает и всех тех, кто скрывает заговорщиков или снабжает их питанием или же имеет об этом сведения...

Одновременно сообщаю населению, если кто-нибудь приведет нас на след или же покажет местонахождения партизан, парашютистов или саботажников, получит вознаграждение: деньгами, участок земли или же удовлетворение в любой просьбе.

Венгерское военное командование».

Беседа с Алексеем Стефановичем послужила основанием для проведения поискового исследования. Мы обследовали местность общей площадью 500 кв. метров по периметру лесопосадочной полосы на пересечении дорог «Морозовка — Богоявленка» и «Морозовка — Дуброва» [7], а также свежее распаханное поле в д. Авдеевка около дороги «Пригородня — Соколье» (Рис. 2). Даже не про-

изводя раскопок на этой территории, были найдены следы Великой Отечественной войны. Под слоем осенней листвы мы нашли гильзы от патронов разного калибра, дальнейшее детальное изучение которых подтвердило сведения о наличии венгерских войск на оккупированной территории, так как среди гильз патрона «Mauserg» встречались гильзы и венгерского производства.

Рис. 3. «Выпаханный снаряд для 88-мм зенитной пушки Flak в деревне Авдеевка».

Рис. 4. Студенты Щигровского медколледжа с Воробьевым А. С.

Рис. 5. «Гильзы от патрона Маузер» на распаханном поле. Д. Морозовка».

Также был обнаружен и обследован овраг, явно не естественного происхождения, по нашим предположениям — немецкий окоп. Основаниями для такой теории послужили находки по периметру и в центре оврага: гильзы патронов для пистолета «Parabellum» и винтовки «Mauser», колючая проволока по краю, смотрящему в сторону дороги. А также несколько консервных банок,

на одной из которых удалось разобрать надпись USSR, P126E7 и дату выпуска 10.01. 39., установить точно завод изготовитель не удалось (предположительно Ленинградская область, г. Сланцы). Эти банки, позволяют сделать вывод, что в этом месте расположение немецких войск была достаточно длительным по времени.

Рис. 6. «Вместо грибов, здесь растут гильзы «Mauser». Посадка д. Морозовка»

Рис. 7. «Окоп с немецкими пулями. Посадка д. Морозовка».

Рис. 8. «Колючая проволока по периметру окопа».

Рис. 9. «Консервная банка. Окоп».

Рис. 10. «Гильзы от осветительных немецких патронов. Посадка. д. Морозовка»

Рис. 11. «Пуговка от немецкого нижнего белья, солдатская»

Подтверждается этот факт и некоторыми другими находками, уже в периметре поиска — алюминиевыми гильзами от немецких осветительных патронов, что говорит о расположении стационарных постов фашистов вдоль дороги и ведении круглосуточного дежурства в ключевых местах дороги (развилках, перекрестках);

— необычными металлическими пуговицами, очень маленькими вогнутыми внутрь, с четырьмя дырочками внутри для фиксации — такие пуговицы использовались в немецком солдатском белье.

Касаемо вооружения, в общей сложности мы обнаружили более 50 гильз времен ВОВ, в разной степени сохранности. Ниже привожу список, тех гильз и патронов, серии и номера которых удалось рассмотреть:

Гильзы и патроны, найденные в поле близ д. Авдеевка.

1. Гильза длина 25 мм — P131s 7 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин 7,63x25-мм пистолетный патрон Mauser [21]
2. P25s* 3 37 — завод изготовитель не идентифицирован
3. P25s*1 36 — завод изготовитель не идентифицирован
4. P25s*11 36 — завод изготовитель не идентифицирован
5. P131s* 3 39 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин
6. P131s* 8 39 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин
7. P131s* 4 39 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин
8. P120s*18 35 — Dynamit A. G., Werk Hannover-Empelde
9. P69s*49 36 — Торговая компания Sellier & Bellot традиционно занимает ключевую позицию в производстве

боеприпасов и является одним из старейших машиностроительных предприятий в Чешской Республике, которое также является одним из старейших в мире.

10. P69s* 83 37 — Sellier & Bellot, Чехия
11. P249 s* 12 38 — Finower Industrierwerk GmbH, Finow/Mark,
12. P249s* 2 36 — Finower Industrierwerk GmbH, Finow/Mark,
13. P340s* 2 38 — Metallwarenfabrik Silberhütte, St. Andreasberg, г. Сент-Андреансберг
14. Нецелая гильза длина 53мм — 1735 — Холостой винтовочный патрон, использовался также для метания ружейной гранаты ВПГС-41. На донце: завод — 17 (Барнаул), год выпуска — 35 / либо патрон для винтовки Мосина, изготовленный на Подольском патронном заводе № 17 [22]

15. Патрон длина — 75 мм (код не определяется) — Встречается несколько реже, чем 7,92 мм немецкий винтовочный патрон. Применялся германской армией и советским ополчением для стрельбы из французских винтовок Лебеля и станковых пулеметов Гочкиса.

Гильзы, найденные в поле и посадках д. Морозовка

1. Гильза aux*15 40 — Polte Armaturen und Maschinenfabrik A. G., Poltestr. und Fichtestr., Werk Magdeburg, Sachsen
2. Ps*8 37 — Polte Armaturen-u. Maschinenfabrik A. G., Werk Magdeburg, Sachsen
3. P28s*10 38 — DeutscheWaffen-u. Munitionsfabrik A. G., Werk Karlsruhe. Г.Дурлах
4. P186s*6 37 — завод изготовитель не идентифицирован
5. P 131s*38 38 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин
6. P131s*8 39 — D.W. M. A.G., Werk Berlin-Borsigwalde, г. Берлин

Рис. 13. Идентификация найденных патронов в д. Авдеевка

7. Гильза *42* — Чепельский арсенал, г. Будапешт, Венгрия

8. Pk 67 dz 40 — Wytownia Amunicji nr.2, Польша

9. P316 S*22 36 — Westfälische Metallindustrie, Westfalen.

4 из них были от патронов пистолета «Parabellum», судя по коду расположенному на них — «aux» — патроны были изготовлены в Германии на заводе «Polte Artmaturen und Maschinenfabrik A. G., Poltestr. und Fichtestr., Werk Magdeburg, Sachsen», использовались в годы Второй мировой войны в качестве оружия ограниченного стандарта рядовым и унтер-офицерским составом (которому по штату полагались пистолеты) в технических родах войск германских вооруженных сил, в полиции и войсках СС [16]. Что касается других найденных гильз, примечательно то, что в некоторых местах лесопосадочной полосы они были расположены в земле на расстоянии 2м — 4 м друг от друга и практически на одной продольной линии. Гильзы от патронов были однотипные, но с разными надписями. Анализ этих гильз показал, что боевые патроны — для винтовки Маузер модели 98, 98а, 98к с дальностью 2000м [8], т. к. калибр у всех патронов 7,92. Надписи на гильзах рассказали свою уникальную историю.

На каждой гильзе есть 4 буквенно-цифровые отметки, отвечающие за определенные характеристики: шифр завода изготовителя, шифр материала, номер партии и год изготовления.

Например, найденная нами гильза 36 P316 22 S, рассказала, что она выпущена в 36 году, сделана из латуни, номер партии 22, шифр завода P316 (Westfälische Metallindustrie, Westfalen), это классическая гильза немецкого производства для винтовки «Маузер» [9].

А вот, гильза 40 Pk 67 dz, заставила нас хорошенько покопаться в литературе и найти ее историю, эта гильза (40 Pk 67 dz), была произведена в городе Рембертов в 15км от Варшавы в 40 году, для винтовки Маузер и имеет латунное покрытие.

Помогла нам в этом статья «Патроны Польши», напечатанная в сентябрьском номере журнала «МАСТЕРРУЖЬЁ» за 2006 год: «В феврале 1921 года Польское Министерство Обороны открыло первый государственный завод по производству винтовочных патронов, в том числе и выпуск патрона 7,92x57»маузер». После оккупации Польши в 1939 году, компания по производству польских патронов Zakłady Amunicyjne «Pocisk SA», располагавшаяся до 1935года в г. Рембертов (15 км от Варшавы) была переименована в 1939 г. в Wytownia Amunicji nr.2. Данная фабрика обозначала патроны буквами Pk» [10].

Интересной и необычной находкой оказалась гильза

с кодировкой *42* —

В ходе анализа было выяснено, что такие гильзы производились для вооружения венгерской армии Чепельским арсеналом в г. Будапеште к винтовке G.98/40. Эта винтовка (также известна как руска 43М) была разработана на венгерском оружейном заводе FEG в Будапеште в 1941 году, по заказу Германской армии, под штатный немецкий винтовочный патрон 7.92x57 Маузер. Для экономии времени и ресурсов винтовка была создана на базе конструкции венгерской винтовки 35М. В частях Германской армии эта винтовка имела индекс *Infanterie Gewehr 98/40* или кратко *Gew.98/40* или *G.98/40*. В 1943 году винтовка G.98/40 с незначительными косметическими изменениями была принята на вооружение Венгерской армии под индексом 43М [20].

В ходе проведения идентификации гильз и патронов, найденных в районе д. Морозовки и д. Авдеевки, было найдено два патрона, которые могут быть отнесены к патронам советской армии. Данная находка, может быть подтверждением наличия разведывательного или партизанского советского отряда, продвигавшегося со сто-

роны поселка Тим. Так как в этом населенном пункте, исходя из карт военной обстановки Советского и Германского фронтов, проходила линия фронта. [15,17] подтверждается это и рассказом М. А. Бушина, командира 121 стрелковой дивизии об операции по освобождению города Щигры в феврале 1943 года: «...Штаб дивизии в это время был в пяти километрах восточнее города у развилки дороги Черемисиново — Тим...» [2]

Результаты поисковой работы, наличие большого количества гильз от немецких патронов, снаряда от немецкой 88-мм зенитной пушки Flak, свидетельство очевидца и участника событий того времени Воробьева А. С. подтверждают наши догадки о позиции немецких войск на границе Щигровского и Тимского районов в период 1942 года, о возможном перемещении военнопленных для дальнейшей их переброски в пересыльно — сортировочные лагеря «Dulag», а затем в неизвестном направлении.

Наличие большого количества в районе пересечения дорог «Морозовка — Богоявленка» и «Морозовка — Дуброва» боевых патронов фашистских войск, говорит нам не только о хорошем вооружении фашистской армии, но и возможной защитной позиции, занимаемой по отношению к таким стратегическим объектам того времени, как дороги. Особенно это относится к изучаемому нами участку дороги, ведущему на шоссе «Воронеж-Курск». Эта дорога была важна для фашистов, как возможный резерв для отступления и для получения подкрепления в период зимы 1942—1943 года. Так как этот участок дороги соединяет выход на Беседино, а значит и подступ к железнодорожному полотну, с оккупированным районом Щигров, минуя такой населенный пункт, как Тим, со стороны которого в декабре 1942 года планировалась наступательная операция наших войск с целью освобождения Курской области от фашистской оккупации [15]. Этот факт подтверждается не только картой обстановки на Советско-Германском фронте в декабре 1942 года, но и воспоминаниями Е. Крестиковой, бывшей связистки дивизии: «...в 121-ю дивизию входил 297 артиллерийский полк. Он состоял из трёх дивизионов. Третий дивизион взаимодействовал с 705 стрелковым полком. После тяжелых боёв за Воронеж, Касторное и другие пункты мы не досчитались многих артиллеристов. Особенно большие потери были в седьмой батарее. При подходе к Щиграм многие девушки из состава других подразделений изъявили желание заменить выбывших бойцов, стать артиллеристами.

Командир дивизиона разрешил девушкам стать к боевому оружию. К исходу 2 февраля 1943 года мы заняли населенный пункт под Щиграми. Завязался жаркий бой за город.

Литература:

1. Р. Колосок. Статья «В Щиграх тракторист обнаружил немецкую авиабомбу».
2. Военно-патриотическая страница «Воспоминания участников боев за Щигры», газ. Районный вестник № 10, 1.02.2013 г.
3. Alexander Gfüllner, Aleksander Rostocki, Werner Schwarz «Перечень фашистских лагерей для военнопленных».
4. Д. Сундуков, А. Брусенцев. Статья «В годы Великой Отечественной войны».

Наши девушки целый день отбивали контратаки врага. Фашисты оборудовали наблюдательные пункты и амбразуры на крышах домов, откуда, хорошо просматривались и простреливались наши передовые позиции... Двое суток вели ожесточенные бои под Беседино, затем за села — Клюкву, Лебяжье, Колпаковку и потом за Курск...» [2].

Как показывает собранная историко-литературная справка — со стороны советских солдат в феврале 1943 года было сделано все для того, чтобы изолировать немецкие войска, находящиеся в Щигровском районе и отеснить их в сторону Белгорода. Из статьи «Белгород во время Великой Отечественной войны — 1941 года» [11]: «...После славных побед, одержанных в битве на Волге, и наступательных боев первой половины 1943 года войска Брянского, Центрального и Воронежского фронтов глубоко вклинились в расположение противника западнее Курска. Линия фронта здесь образовала форму дуги, на южном уступе ее находился Белгород, на северном — Поныри. 12 июля под Прохоровкой началось крупнейшее в истории войн танковое сражение, в котором одновременно действовала тысяча двести танков. Противник был остановлен, понес огромные потери, а затем после нескольких упорных боев отброшен к Белгороду...» [12].

Заключение: Добытые сведения на данном этапе исследования, открыли многие новые факты оккупации Щигров. Конечно, пока мы не смогли произвести в районе деревни Морозовка более подробных исследований, что связано с сезонностью поисковых работ, а также возникшей необходимостью непосредственного участия сотрудников Курского краеведческого музея в организации дальнейшей археологической деятельности. Поэтому все полученные в ходе исследования исторические данные и артефакты мы передали в Щигровский филиал Курского Краеведческого музея для детального изучения, и надеемся на дальнейшее совместное сотрудничество в этом направлении.

Выводы:

Дорога, идущая из села Пригородня в село Соколье с выходом на трассу «Воронеж — Курск», могла являться важным стратегическим объектом как для перегона военнопленных в пересыльно-сортировочные лагеря Курска и Белгорода, снабжения фашистской армии, так и ее отступления в феврале 1943 года.

Активная поисково-исследовательская деятельность в области исторического наследия своей Родины, способствует развитию у студентов Щигровского медицинского колледжа чувств патриотизма, уважения и любви к своему Отечеству.

5. Железнодорожная карта Курской области.
6. Карта — схема Курской области.
7. Спутниковая карта Курской области.
8. Сводная таблица винтовок конструкции Маузера под бездымный порох.
9. Клейма и коды производителей гильз Германии до 1945 года.
10. А. Борцов «Патроны Польши» Журнал «Мастерружье» № 114, 2006 год.
11. Статья «Белгород во время Великой Отечественной войны — 1941 года».
12. Карта Курская битва. Оборонительное сражение в июле 1943 г.
13. Лагерь советских военнопленных в Беларуси, справочник, Минск — 2004 г.
14. Эренбург И. Г. Война. 1941—1945. М., 2004. С. 366—381.
15. Карта «Обстановка на Советско-Германском фронте в декабре 1942 года».
16. С. Монетчиков. «Парабеллум»: Хочешь мира, готовься к войне» Ж».БРАТИШКА» для подразделений спец назначения, № 8, 2006 г.
17. Карта «Контрнаступление под Москвой и общее наступление Советской армии на западном направлении 5 декабря 1941—20 апреля 1942 гг»..
18. М. Лагутин. Статья «Оккупация и освобождение».
19. Архив МО РФ — 417, оп.9855, д.2, л.96; оп. 27266, д.4, л.100
20. Современное стрелковое оружие мира.
21. Патроны к пистолетам Вермахта. Журнал «Оружие» № 10 2000
22. Архивные материалы историко-краеведческого музея Ломоносовского района Ленинградской области.

Компьютерные технологии в анализе исторических данных (некоторые результаты уточнения положения позиций правого фланга Эльтигенского десанта с использованием программных систем CREDO)

Пигин Александр Петрович, кандидат технических наук, руководитель геодезического направления;
Рак Ирина Евгеньевна, кандидат технических наук, руководитель направления обучения
Компания «Кредо-Диалог» (г. Москва)

При обработке материалов экспедиции «Кредо 2013» [1] на некрополе Нимфея и местах боев 386 отдельного батальона морской пехоты в составе Эльтигенского десанта (ноябрь—декабрь 1943 г.) для анализа отдельных исторических аспектов широко привлекались картографические материалы 1932—1941 (т.н. карты Генштаба РККА), конца сороковых и восьмидесятых годов, спутниковые снимки картографических серверов Google, Yandex и результаты топографической съемки волонтеров Экспедиции 2013 года. При этом, с использованием программного комплекса CREDO, применялись:

— Технологии расчета и преобразования координат, так как использованные картографические материалы представлены в различных системах координат (СК32, СК42, СК63, местной г. Керчи). Этому этапу предшествовало установление параметров местной системы координат (г. Керчи), для чего использовались 12 пунктов, представленных в СК 63 и СК г. Керчи. Все расчеты выполнялись в системе CREDO ТРАНСКОР;

— Технологии нелинейной трансформации картографических фрагментов и схем, позволяющих представить разнородные (в разных системах координат), частично деформированные и разномасштабные материалы в едином,

однородном координатном пространстве. Решение таких задач обеспечивалось системой CREDO ТРАНСФОРМ;

— Технологии наземной топографической съемки с использованием тахеометров и спутниковых приемников. Для обработки измерений и формирования цифровой модели местности, как обычно, применялись системы CREDO_DAT и CREDO ТОПОПЛАН;

— Технологии трансформирования и привязки спутниковых снимков, полученных с применением системы SAS-планета.

— Технологии накладки и совмещения картографических материалов с возможностью их совместного анализа. Использовались функциональные возможности CREDO ТОПОПЛАН — размещение данных в иерархической структуре проектов и слоев, назначение «прозрачности» слоев и манипуляции с порядком отображения слоев и проектов.

Как пример результативности такого анализа приведем некоторые, интересные на наш взгляд результаты.

Уточнена конфигурация и пространственное положение противотанкового рва, захваченного в первый день боев и служившего рубежом обороны 386 отдельного батальона морской пехоты и правого фланга 1339 стрелко-

вого полка в период относительной стабилизации обстановки.

Бытовало мнение, что ров, начиная от обелиска на востоке плацдарма, продолжается параллельно грунтовой дороге, проходящей до шоссе на Героевское. Однако на послевоенной топографической карте ров имеет другую, «ломаную» конфигурацию. Такой же характер рва приведен на схемах А. Я. Кузнецова [2]. Топографическая съемка 2013 позволила зафиксировать остатки рва на топоплане. Совмещение послевоенной карты и спутникового изображения сервиса Google позволило выявить продолжение следов рва на прошедшем культивацию поле.

Координаты основных точек рва в СК WGS84 следующие:

45°14'31.1», 36°24'31.7»

45°14'29.2», 36°24'28.5»

45°14'24.0», 36°24'24.5»

45°14'24.1», 36°24'17.8»

45°14'19.6», 36°24'14.0»

Однозначно определена высота, фигурирующая в документах и мемуарах как высота 37.4. Высота, с прилегающими небольшими курганами, стала местом жестоких боев, особенно в первые дни десанта, неоднократно переходила из рук в руки [2]. Она называлась «высотой Толстова». «Бронбойщик Толстов с нее отбивал атаки. Три танка поджег — не пустил. Вдвоем остались с напарником — держат высоту. Пришлось помочь. Нужная высотка» [3]. Позже за этой высотой в дивизии укрепилось название «Высота отважных».

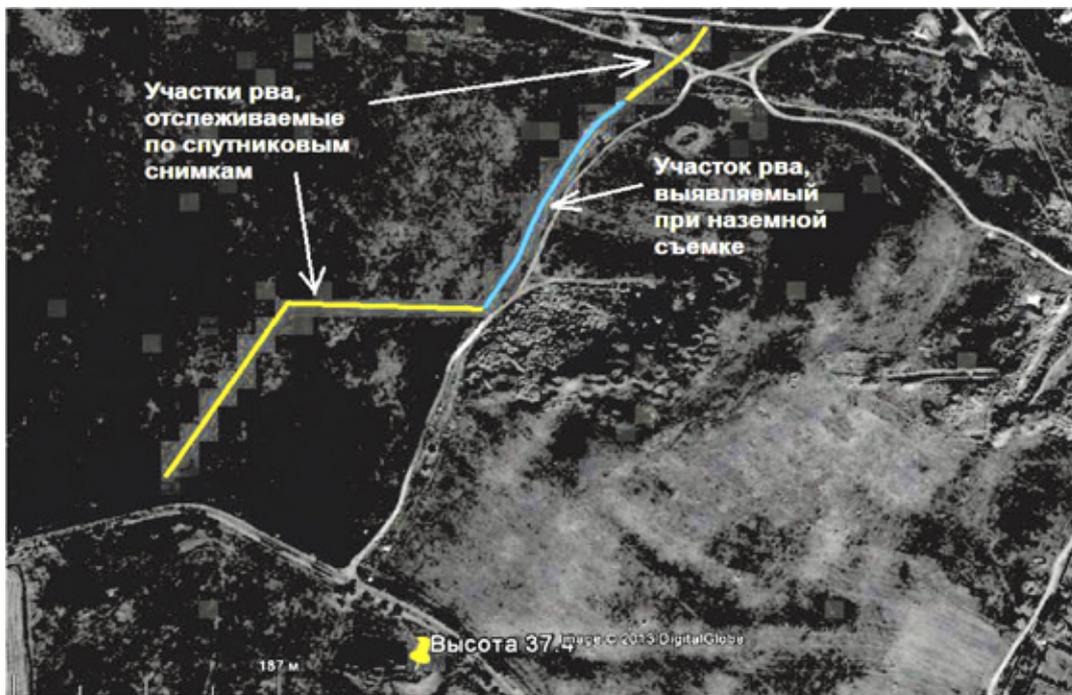

Рис. 1. Положение противотанкового рва на спутниковом снимке

Рис. 2. Фиксация положения высоты 37.4 на совмещенных карте М 1:100000 и схеме из работы А.Я. Кузнецова

Определение места высоты произведено путем совмещения топографических карт М 1:100000 (довоенная), 1:25000 (послевоенная) и 1:5000 (восемидесятых годов).

Окончательную точку в установлении места высоты поставило совмещение трансформированных схем из фундаментальной работы А. Я. Кузнецова [4], где положение высоты практически точно легло на положение высоты на картах. Следует отметить, что несмотря на кажущуюся простоту изображения на схемах в работе Кузнецова, трансформация по опорным точкам показала высокую (40–50 м или 0,5 мм плана) точность взаимного положения основных опорных точек этих схем, что позволяет использовать их в картографическом анализе ситуации на плацдарме.

Топографическая съемка 2013 года подтверждает, с учетом разницы Черноморской и Балтийской системы высот, отметку высоты [5]. Координаты высоты в СК WGS84 $45^{\circ}14'14.8''$, $36^{\circ}24'22.5''$.

Высота Шумского. В многочисленных публикациях (работах Кузнецова, мемуарах Гладкова, статьях в интернете [6]) подвиг взвода 613 штрафной роты младшего лейтенанта Шумского А. Д. связывается с высотой 47.7.

Точка с отметкой 47.7 обозначена на карте М 1:100000, подготовленной к изданию в 1941 г. на основе карт М 1:50000 1938 года. Эта точка точно совмещается с аналогичной точкой на схеме Кузнецова, где показано продвижение взвода Шумского и контрудар противника.

Но! Эта точка не является высотой. В соответствии с принятыми на тот момент и действующими при издании карт до 1946 года условными знаками [7] это не курган, а закрепленная на местности съемочная («геометрическая») точка, которая в дальнейшем на картах более крупного масштаба никак не отражается. То есть на картах издания 1938–41 года точка эта носила служебный характер.

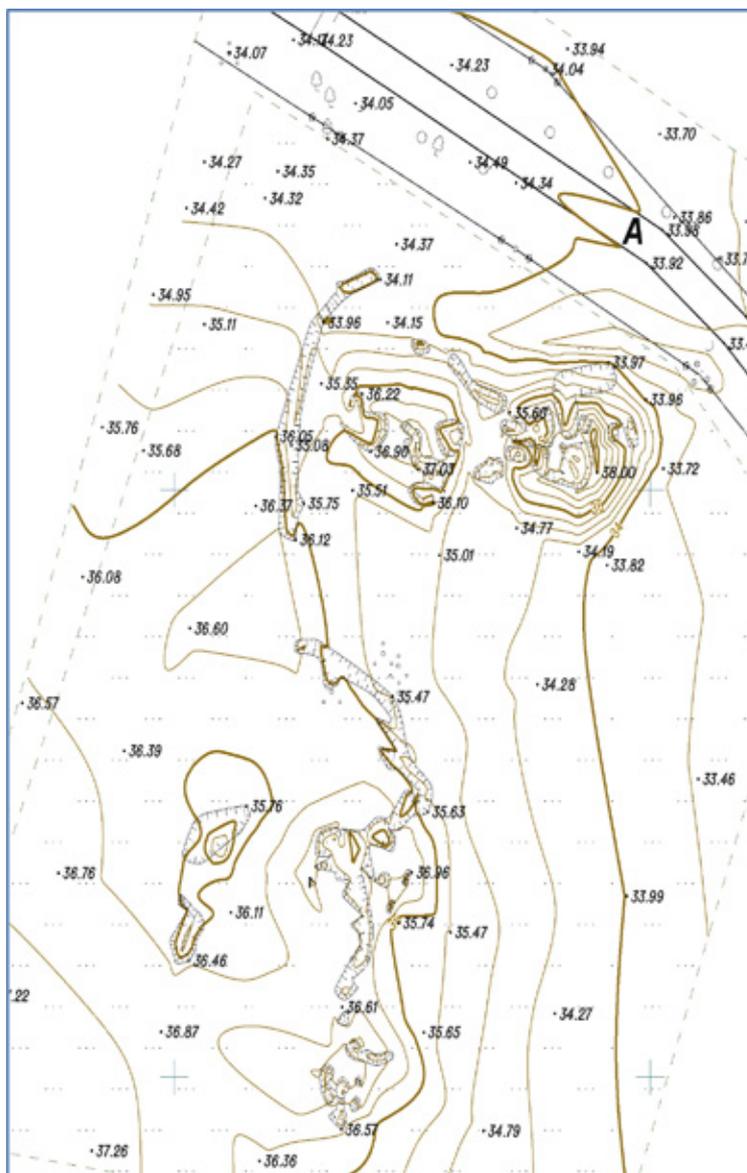

Рис. 3. Топографический план узла обороны у высоты 37.4 (2013 г.)

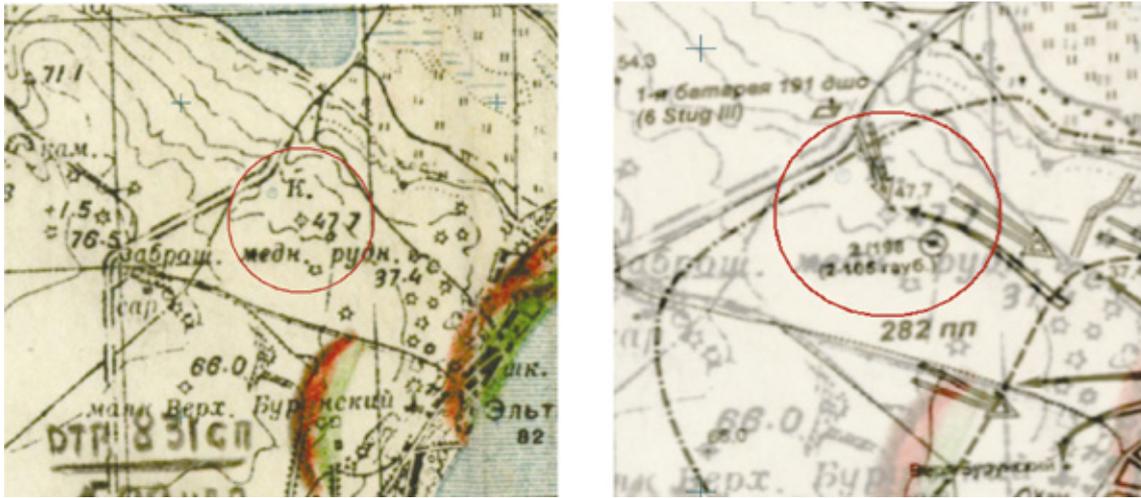

Рис. 4. Топографический план узла обороны у высоты 37.4 (2013 г.)

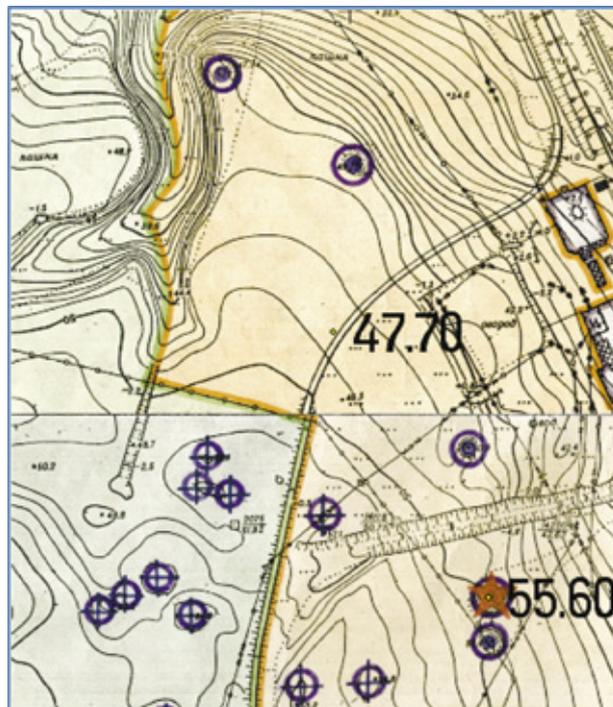

Рис. 5. Положение точки 47.7 и высоты Шумского на карте 1:5000 (середина 80-х годов)

Местность, если позиционироваться в точке с отметкой 47.7, крайне неблагоприятна для ведения обороны — она располагается на открытой, ровной, слегка пологой к востоку поверхности. Уклон ее существенно увеличивается буквально в сотне метров на восток и на запад, 180 метров на север, что резко ограничивает видимость и дает возможность противнику сосредоточиться перед атакой. На наш взгляд это место никак не могло стать опорной точкой десантников. Возможности закрепиться взводу и отбивать атаки многократно превышающего по ресурсам противника отвечает другая позиция, которая находится в 400-х метрах юго-юго-западнее —

это высота 55.6. На относительно современной карте масштаба 1:5000 в Балтийской системе высот — это курган с отметкой 55.8. Именно там, совершенно правильно на наш взгляд, и был установлен мемориальный знак. Таким образом, обозначение позиции боев 47.7 следует воспринимать как название, но не как место фиксации позиции. Координаты высоты Шумского в СК WGS84—45°14'17.04»С, 36°23'45.01»В.

Полученные практические результаты позволят более детально представить ход боевых действий Эльтигенского десанта, освещать в проводимых мероприятиях, музейных инсталляциях и туристической и экскурсионной работе.

В заключение следует отметить, что представленные в начале статьи технологии открывают широкие возможности применения CREDO в археологии историческом анализе на основе картографических данных. Это, например, объединение в едином, метрически корректном

координатном пространстве археологических планов разновременных исследований, совмещение и анализ разнородных археологических карт и схем XIX, XX, XXI веков, данных спутниковых снимков и решение других задач археологического и исторического анализа.

Литература:

1. Экспедиция Кредо — ежегодно организуемая на волонтерских началах компанией Кредо-Диалог практическая работа студентов геодезических вузов на археологических объектах Восточно-Боспорской экспедиции и Керченского историко-культурного заповедника.
2. Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция. http://www.telenir.net/istorija/bolshoi_desant_kerchensko_yeltigenskaja_operacija/index.php
3. Гладков В.Ф. Десант на Эльтиген http://militera.lib.ru/memo/russian/gladkov_vf/01.html
4. Кузнецов А.Я. Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция. Подразделы 6.1, 6.3, 6.5. http://www.telenir.net/istorija/bolshoi_desant_kerchensko_yeltigenskaja_operacija/index.php
5. Черноморская система высот, используемая при создании довоенных и первых послевоенных карт, была связана с Балтийской системой высот постоянной $-0.44 (\pm 0,15\text{м})$ <http://sveos.msun.ru/edu/lit/kaf/tss/ell.pdf>, <http://gis-lab.info/forum/viewtopic.php?f=2&t=6311>
6. http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=14966, <http://www.pravda.crimea.ua/newspapers/2013/11/01/perekop-sivash-ehltigen>
7. Условные знаки и образцы шрифтов для топографических карт масштабов 1:25000 1:50000 1:100000 (1:75000). ВТУ ГШ, М.1940, <http://southklad.ru/maps/yslovznak/new/>

Неизвестные страницы истории города Волгограда

Степанчук Оксана Александровна, кандидат педагогических наук, начальник научно-методического отдела;
Шумков Сергей Владимирович, студент
ГАОУ СПО «Волгоградский профессионально-технический колледж»

Что только не хранит история, тайны династий и королей, городов, великих открытий, разных стран и цивилизаций. Каждый день в средствах массовой информации, всплывают факты различных тайн и открытий, которые становятся достоянием общественности. И простой обыватель теперь выступает живым свидетелем истории и тайн, которые на долгие годы была укрыты от глаз человека. Но мало, кто задумывался, что тайны — они витают повсюду вокруг нас, можно сказать у нас под ногами. Просто мы о них не знаем, или может, просто не хотим знать. Рассмотрение вопроса тайн города Волгограда (Царицына, Сталинграда), заинтересовали нас вот с какой стороны.

Совершенно случайно попала статья «Закопанные дома» Романа Шкоды, в которой говорилось о том, что многие волгоградцы и гости города даже не догадываются о том, что каждый день ходят, а точнее ездят по закопанным в землю домам. И не просто по каким-то землянкам, а по настоящим, капитальным кирпичным зданиям в несколько этажей. И те фотографии, которые предстали нашему взору, поистине заинтересовали и потрясли нас своей красотой, самобытностью, неповторимостью. Хотя в современное время, удивить архитектурными

постройками, кого-то сложно, но такими постройками можно не только удивляться, глядя на их неповторимость, но и что-то подчеркнуть для современного облика города и строительства. И захотелось, что бы местные жители и не только, узнали о настоящей красоте города, пусть и ушедшей в вечность, но и задумались, как много тайн, на самом деле, еще скрыто от человечества.

В статье написано, что в настоящее время пойма реки не застроена, но в 19 и начале 20 века пойма активно застраивалась производственными и жилыми постройками, в том числе и «визитными карточками» города, каким был, например, дом купца Миллера. Эти здания частично были разрушены в Сталинградскую битву, но подлежали восстановлению. Они были разрушены или засыпаны грунтом при поднятии уровня уже в послевоенные годы [1].

Как указывает автор, дом купца Миллера, находился примерно на месте нынешней автостоянки торгово-развлекательного центра «Пирамида».

Этот дом — знаменитый Дом Миллера, одно из красивейших зданий Царицына (рис. 1).

Рис. 1. Дом Миллера до войны

Наверное, следует остановиться на нём подробнее. Иногда ошибочно пишут, что дом этот стоял на современном месте Иоанно-Предтечинской церкви. Это не верно, дом стоял чуть ниже современной автостоянки за «Пирамидой».

Его владелец — Владимир Михайлович Миллер, — один из крупнейших фабрикантов Царицына, сделавший состояние на горчичных заводах. Рядом с его домом стоял завод, мельница, чуть выше он построил знаменитый театр «Конкордия», а в городе ему принадлежала гостиница [2].

После революции дом, разумеется, конфисковали (судьба Миллера неизвестна). В доме же расположился Театр юного зрителя — довоенный ТЮЗ. Надо сказать, что выбор для расположения ТЮЗа был более чем удачный.

Как видно из кадров Г. П. Степанова — дом Миллера всё ещё стоял в 60-е годы. Если учесть, что после Сталинградской битвы к тому моменту прошло уже более 20 лет — и здание, брошенное на произвол ветров и дождей, всё ещё стояло — разрушения его были не критичными и дом вполне подлежал восстановлению. Снос этого здания — вандализм чистой воды, бессмысленный и беспощадный. Ведь на месте снесённого дома никто ничего и не собирались строить, снесли чтобы создать очередное пустое место.

Левее дома Миллера отчетливо видно еще одно сохранившееся капитальное здание. Интересно, что на переднем плане, под строящимся мостом — остатки какой-то старой железной дороги. Не понятно, что это за дорога.

Теперь с той же точки посмотрим правее. Что же мы там увидим? А увидим мы там ещё одно здание! Капитальное двухэтажное царицынское здание. Можно предположить, что это — сталинградская мельница № 50. Обратите внимание — справа над мостом виднеется крыша несуществующего сейчас здания (рис. 2).

Рис. 2. Вид с другой стороны

А это снимок с противоположной стороны — от того несуществующего здания. Внизу — крыша двухэтажного дома с предыдущего фото. На дальнем плане — старый Астраханский мост. Виден ряд небольших домов на месте современного здания бывшего «Нептуна».

Возникает вопрос. Откуда все эти дома взялись?

На известном рисунке 1939 года. Вид — в сторону центра. Старый Астраханский мост (трамвай поворачивает в другую сторону, не к Пугачевской, а к Рабоче-Крестьянской). Вдали — виден дом Миллера и дома на берегу Царицы. Дома немного другие, видимо при восстановлении после войны они были реконструированы. Царица была полноводна и здания — мельницы, стояли прямо у воды, образуя вполне приличную набережную (рис. 3).

Итак, в пойме Царицы сохранилось много домов (рис. 4). Часть из них были снесены (как дом Миллера), а часть — просто засыпаны, как бы в укрепление склонов оврага — бывшего русла реки. С архитектурной точки зрения, если судить по картинке 1939 года — решение более чем сомнительное.

Кто знает, может быть когда-нибудь эти дома восстановят... ведь технически это вполне возможно [1].

Из приведенного выше материала, ясно следует, что район поймы города Волгограда, тогда Царицына, был красивейшим местом города, с неповторимыми застройками и развернутой инфраструктурой. К сожалению, эта красота осталась только на некачественных пленках 60-х годов (сохранившаяся просто чудом). Такого рода информации, на самом деле, не так и много, и очень радует нас, что такой материал попался нам для изучения и анализа. Есть разрозненные отрывки, редкие фотографии о пойме, доме Миллера, фотографии склонов поймы города Волгограда, но они скудны. Совсем скудная информация для общестественности, представлена на сайтах Википедия (Волгоград), и некоторых Волгоградских сайтах, где можно увидеть лишь фотографию дома Миллера и несколько строчек его описания, но вы не прочтете детально, что же

Рис. 3. На дореволюционном снимке дом с башней – дом Миллера, большое здание на первом плане – его завод

Рис. 4. Ноябрь 1942 года. Дом пострадал, но не разрушен

стало с этим замечательным домом, ее хозяином, и другими постройками расположенные когда-то на склонах поймы города. Встречаются только общие фразы, хотя более полно встречается информация о Владимире Михайловиче Миллере.

Пусть даже так, но мы знакомимся с нашей историей,

историей города Волгограда, пусть и с запозданием что-либо изменит и исправит в реальности. Но, память, она есть в каждом поколении, в каждом из нас, и если мы будем помнить, ценить, и бережно относиться к своей истории, как следствие, мы недопустим утрат ценностей и будем передавать свои знания будущим поколениям.

Литература:

1. Статья «Закопанные дома» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://tsarvolga.livejournal.com/6167.html>, (дата обращения 02.11.2013).
2. Статья «В. М. Миллер. Биография» — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://царицын.рф/article/articlestsaritsyn/12-zakopannye-doma.html>, (дата обращения 03.11.2013).

Ранненеолитические керамические комплексы цедмарской и нарвской культур (к проблеме происхождения цедмарской культуры)

Стрелковский Александр Александрович, лаборант археологической лаборатории, студент
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (г. Калининград)

Цедмарская и нарвская культуры расположены в Юго-Восточной и Восточной Прибалтике в так называемой зоне «лесного» неолита. Обе культуры существовали долгое время синхронно и, несомненно, контактировали друг с другом. Некоторые исследователи даже считали, что эти культуры представляют единую культурную общность, так как различия между материальными остатками не слишком существенны [16, с. 273]. Характер экономики неолитических культур в данном регионе не может играть большой роли вследствие однородности хозяйственной жизни практически на всей территории Восточной Прибалтики. Все культуры, помещаемые в рамки данного региона, имели присваивающий тип экономики. Только в конце среднего и в позднем неолите появляются признаки примитивного земледелия и скотоводства [3, с. 88–103], да и то — в местах, граничащих с культурами — производителями. Характерной особенностью практически всех культур Восточной Прибалтики является рыболовная специализация [15, с. 87–90]. На многих памятниках количество остеологических рыбных остатков превышает количество костей животных. Это не удивительно, поскольку все неолитические памятники этого региона расположены вблизи крупных водоемов.

Открытие нарвской культуры относится к середине прошлого века и связано с именем крупного советского археолога Н. Н. Гуриной. Памятники этой культуры раскинуты на большом пространстве: от Ладожского озера на севере и до Куршской косы на юге. На таком большом пространстве, несомненно, будут выделяться различные варианты. Нарвская культура имеет три такие варианты группы: западный (Сарнате, Швянтойи), южный (Оса, Звидзе) и северный (Нарва-город, Нарва-Рийгукюй, Акали, Кяэпа) [10, с. 47]. Самые ранние даты относятся к южному локальному варианту — 5600–4000 л. до н. э. [2, с. 211].

Цедмарская культура была открыта гораздо раньше, чем нарвская — в начале XX в., но затем до начала 1970-х гг. почти не исследовалась. Лишь благодаря многолетним раскопкам В. И. Тимофеева в 1970 — начале 1980-х гг. удалось выявить основные черты этой своеобразной культуры.

Время существования этой культуры находится в рамках первой половины IV — сер. III тыс. до н. э. и соответствует раннему и среднему неолиту Прибалтики. Цедмарская культура долгое время существовала синхронно не только с южным локальным вариантом, но и с западным вариантом нарвской культуры [9, таб. IV, 13, 14].

В данной работе предпринята попытка сравнить ранне-неолитический керамический материал с эталонных па-

мятников цедмарской культуры (Цедмар А, Цедмар Д) с аналогичным комплексом южного (Оса, Звидзе) и западного (Сарнате, Швянтойи) вариантов нарвской культуры.

Следует отметить, что в Восточной и Юго-Восточной Прибалтике распространение керамического производства наступает несколько позднее, чем в Юго-Восточной Европе [10, с. 49].

Технология производства керамических сосудов была одинаковой на всей территории Восточной Прибалтики. Сосуды изготавливались ленточным способом, через постепенное наращивание сосуда при помощи лент. Данную операцию можно проводить двояко: соединение лент по горизонтали, а потом замазывание, или соединение заостренных концов лент, которые заходили одна за другую [7, с. 48–49].

Практически на всей территории Восточной Прибалтики керамические сосуды изготавливались в двух формах: крупные горшки и мисочки. Основой для них служила местная глина, которая имеет свои особенности на каждой территории, например, в западном варианте глина гораздо жирнее. Поэтому необходимо было добавлять большее количество органики, являвшейся основной примесью. Органическая примесь в тесте сосуда была различной: от растительности и ракушек до птичьего помёта. Помимо органики существовала неорганическая примесь в виде дресвы или песка. Примесь добавлялась по нескольким соображениям: она придавала легкость и пористость сосуду, уменьшая, конечно, его водопроницаемость, но увеличивая крепкость. Как ни странно, найденный на сарнатской стоянке большой пористый сосуд имел сильный нагар, свидетельствующий о долгой готовке пищи в нем, что, в свою очередь, указывает на его водонепроницаемость [1, с. 115].

Пористость возникала в результате бурного окисления органики и ее исчезновения. Цедмарская, как и нарвская культура (западный и южный варианты), имела пористую керамику. Но если на Цедмар А преобладает органическая примесь, то на Цедмар Д органическая примесь присутствует менее, чем в 1/3 сосудов [14, с. 64; 13, с. 34–35]. Исходя из этого долгое время считалось, что Цедмар Д памятник более поздний по сравнению с Цедмар А, но благодаря радиоуглеродному анализу, были получены даты практически синхронные с Цедмар А. На цедмарских стоянках Утиное болото I и Дудка (СВ Польши) также преобладает органическая примесь (растительность, толченая ракушка) [11, с. 212]. На поселениях Звидзе и Оса в ранне- и средне-неолитической керамике преобладает органическая примесь в виде толченой ракушки [5, с. 78–

81]. В так называемой керамике сарнатского типа также преобладала органика [1, 114–120]. Данное технологическое свойство раннеолитической керамики хорошо показывает однородность процесса изготовления глиняной массы для последовательного изготовления сосуда. Это может свидетельствовать, во-первых, о единстве всех раннеолитических общностей Восточной и Юго-Восточной Прибалтики, во-вторых, о заимствовании керамического производства из одного места. Хотя это не может исключать и технологическую конвергентность.

В среднем неолите происходят некоторые изменения в технологии изготовления сосудов, что выразилось прежде всего в увеличении содержания минеральной примеси [7, с. 52–67; 1, с. 120–124]. Происходит это благодаря усилению влияния культуры гребенчато-ямочной керамики (ГЯК), в посуде которой преобладала минеральная примесь. Влияние этой культуры прослеживается вплоть до ареала цедмарской культуры. Возможно, именно поэтому в керамическом комплексе Цедмара *Д* преобладает минеральная примесь. Однако, доказать это трудно — в керамике соседней раннеземледельческой культуры Лендзел также присутствует минеральная примесь. С нарвской культурой в данном вопросе всё более или менее ясно. Благодаря этому влиянию на территории южного варианта возникает особая культура — восточно-прибалтийская (Звидзе, Пиестиня, Сулька и др.) [8, 147–155]. Но увеличение минеральной примеси было в меньшей степени, чем влияние на орнамент и форму сосудов. При сохранении в основном органической примеси и пористости керамики, сосуды восточно-прибалтийской культуры были внешне больше похожи на сосуды культуры ГЯК. Возможно поэтому, в довоенное время практически все археологи, причисляли всю среднеолитическую керамику к культуре гребенчато-ямочной керамики [17, с. 112].

Размер сосудов (горшков), практически на всей территории Юго-Восточной и Восточной Прибалтики одинаков — от нескольких сантиметров до 50 см в диаметре венчика [1, с. 115]. В основном находят сосуды (Цедмар, Звидзе, Сарнате, Оса) с диаметром около 35 см. Это достаточно объемные сосуды, которые предназначались для варки пищи на одну семью или большее количество людей.

Как уже отмечалось, кроме крупных горшков были ещё и мисочки. Они встречаются на всем ареале нарвской и цедмарской культур. Мисочки изготавливались в двух формах: удлинённые и округлые. В западном и южном вариантах преобладают удлинённые мисочки [7, с. 49]. Донышко у них было от почти плоских до напоминающих шар в сечении. Их назначение до сих пор считается дискуссионным. Мисочки могли использоваться в качестве сковородки или светильной утвари.

В цедмарской культуре миски удлинённой формы не выявлены, что является особенностью данного культурного образования.

На рассматриваемой территории самые разнообразные формы сосудов (профилировки стенок) пред-

ставлены в южном варианте нарвской культуры. При этом западный и южный варианты нарвской культуры имели практически одинаковые по форме сосуды: округло-острононные. Интересен тот факт, что в отличие от этих вариантов нарвской культуры северный вариант (Нарва-Рийгукюла I, IV, Кяэпа) характеризуется отсутствием сосудов с S-образной профилировкой [7, с. 49]. С учётом форм в остальных вариантах нарвской культуры можно подразделить посуду на 4 группы:

1. Сосуды с прямыми стенками и слегка закругленным внутрь венчиком (снаружи или вовнутрь). Данная профилировка больше свойственна сосудам гребенчато-ямочной керамики. Такая форма была распространена на цедмарских стоянках, торфяниковой стоянке Сарнате.

2. Сосуды с S-образной профилировкой стенок сосуда. В большей степени такая профилировка распространена для Сарнате и Цедмара, где большая часть раннеолитических сосудов сделана в такой форме.

3. Сосуды с C-образной профилировкой стенок сосуда. Такая форма была больше распространена в западном и южном вариантах нарвской культуры, а также встречается и на цедмарских памятниках, в гораздо меньшем количестве по сравнению с S-образными сосудами.

4. Широкие сосуды с короткой шейкой. Представлены в основном в южном варианте. В цедмарской культуре и западном варианте такие сосуды отсутствовали [5, с. 79].

Кроме того, раннеолитическая керамика Цедмара и Сарнате отличаются распространённостью рифлёного венчика сосудов [1, Табл. LVI–LVII, LX–LXIII, LXXIII–LXXIV], в отличие от южного варианта нарвской культуры.

Одновременно, имея такие же типы профилировки, что у западного и южного вариантов, цедмарская культура обладает рядом отличительных черт. Прежде всего это наличие плоского дна сосудов — впервые в Восточной Прибалтике. Наличие плоского дна связано с влиянием из культуры воронковидных кубков. Также с этим влиянием связана и вторая отличительная черта — наличие воротничкового утолщения венчика у двух сосудов, не характерного для памятников Восточной Прибалтики [12, с. 16–17]. Если смотреть на материалы цедмарской культуры по памятникам, то можно наблюдать следующую картину. На севере этой культуры (Утиное болото I) преобладают материалы, сходные с ранненарвскими и ранне-неманскими; в центре (Цедмар) наблюдается сочетание ранненарвских материалов с элементами культуры воронковидных кубков; на юге (Дудка) количество элементов культуры воронковидных кубков резко увеличивается [18, с. 133–151].

Большое значение для изучения любой неолитической культуры имеет орнаментация сосудов. В советской историографии закрепилось мнение, что орнаментальный мотив — это своеобразные этнокультурные индикаторы [6, с. 15–16].

В основном, орнаментация раннекерамической восточно-прибалтийской керамики была в виде точечных наколов,

насечек, отпечатков ногтей и пальцев, ямчатых вдавлений. Орнамент в нарвской культуре был расположен преимущественно снаружи. Меньшее количество сосудов было орнаментировано внутри. Мисочки же гораздо чаще орнаментировались внутри, чем крупные горшки. Внутренняя орнаментация сосуда больше свойственна раннеолитической керамики Звидзе и Оса. Наружная орнаментация раннеолитических сосудов цедмарской культуры также была в виде различных вдавлений, насечек, ямочек; косых, горизонтальных и вертикальных бороздок, штампа [4, с. 53–56]. Глубина орнаментационной деформации сосуда не превышала 3 мм.

Орнаментальные мотивы более разнообразны в западном и южном вариантах нарвской культуры, нежели в цедмарской. В последней применялись преимущественно два мотива орнаментации:

1. Горизонтальный мотив был в виде пояса вокруг венчика из отпечатков ногтей, либо ямок или насечек.
2. Вертикальный мотив, состоявший из групп вертикальных желобков в верхней части сосуда [18, с. 133–151].

Эти мотивы распространены в западном и южном вариантах. Для северного варианта свойственно большее использование гребенчатого штампа в сочетании с ямками и насечками [4, с. 57–60].

Раннекерамические сосуды как цедмарской, так и нарвской культур отличаются и тем, что только 10–15 % от общего количества сосудов было орнаментировано [12, с. 14]. В этом можно увидеть не до конца сложившуюся самостоятельную традицию керамического производства. Технологический процесс производства сосудов был завершен довольно быстро, а своеобразная адаптация полученного орнамента происходила гораздо дольше. Впрочем, не до конца оформившись, орнаментальная традиция южного, западного вариантов нарвской, а также цедмарской культур в среднем неолите испытывает сильное влияние культуры гребенчато-ямочной керамики. Это можно увидеть в среднеолитическом материале Звидзе, керамике второго типа Сарнате [1, 120–124], а также, не исключено, в преобладании минеральной примеси в керамике Цедмар Д. Но в целом цедмарская культура была мало затронута влиянием культуры гребенчато-ямочной керамики. Орнаментация сосудов осталась прежней: в виде наколов, ямчатых вдавлений [8, с. 164].

Рассматриваемые нами культуры также объединяет наличие штриховки на поверхности керамики, которая

получается в результате изготовления сосуда. Такая керамика была широко представлена на всем пространстве Юго-Восточной и Восточной Европы, встречаясь в раннеолитических слоях Звидзе, Оса, Сарнате, Цедмара. Данная керамика обнаруживает сходство с посудой неолитической культуры Эртебёлле в Дании [1, с. 116].

Керамика сарнатского типа орнаментирована, как и цедмарская керамика (~ 40 %), преимущественно ямочками неопределенной формы. От нее отличается керамика Звидзе, где чаще всего встречается орнамент из различных точечных наколов [7, с. 49].

Раннеолитические сосуды Цедмара и Сарнате сближает наличие рифлёного венчика, в отличие от южного варианта, где он распространяется в среднем неолите [7, Табл. LVII, LXVIII 4, LXIX].

В целом, можно заметить, что орнаментация раннеолитических сосудов цедмарской культуры имеет сходство с орнаментацией подобной же посуды западного и южного вариантов нарвской культуры. Особенно близки керамические комплексы памятников Цедмар А, Цедмар Д, Сарнате (*1 группа*), Звидзе и Оса.

Таким образом, керамическое производство в неолите Юго-Восточной и части Восточной Прибалтики имеет один источник. Данный тезис подтверждается сходным способом производства, похожими формами сосудов и характером орнаментации. В конце раннего — начале среднего неолита выделяются два канала влияния на цедмарскую и нарвскую культуры. С одной стороны, это культура гребенчато-ямочной керамики, которая располагалась на северо-востоке от нарвской культуры. В этническом плане это были представители финно-угорской языковой группы. В основном она оказала сильное влияние на нарвскую культуру на территории Латвии и Эстонии, что привело к трансформации последней и появлению новых культур смешанного типа. Но на цедмарскую культуру серьёзного влияния культура гребенчато-ямочной керамики не оказала. С другой стороны — определённую роль в развитии и частичной трансформации цедмарской культуры сыграла высокоразвитая культура воронковидных кубков, которая находилась гораздо южнее.

Керамические материалы цедмарской культуры представляют собой своеобразное начало «перехода» от форм, распространённых в восточноприбалтийских культурах «лесного» неолита, к отдельным формам, происходящим из культур с производящей экономикой. Но завершиться этому процессу было не суждено.

Литература:

1. Ванкина Л. В. Торфяниковая стоянка Сарнате. Рига. 1970. С. 115.
2. Долуханов П. М., Дэвисон К., Зайцева Г. И. и др. Неолитизация Восточной Европы. Радиоуглеродная хронология и моделирование // Труды II Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1. С. 211.
3. Левковская Г. М., Тимофеев В. И. К хронологии и экологии начала земледелия в восточной Прибалтике // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 88–103.
4. Лозе И. А., Лийва А. А. Хронология раннего неолита Восточной Прибалтики (по материалам поселений) // Известия АН Латвийской ССР. Рига, 1989. С. 53–56.

5. Лозе И. А. Мезолит и неолит на территории Лубанской низины // Древности Подвинья. Исторический аспект. СПб., 2003. С. 78–81.
6. Лозе И. А. Нарвская культура и её роль в этногенезе народов Восточной Прибалтики // Проблема этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс, 1985. С. 15–16.
7. Лозе И. А. Поселения каменного века Лубанской низины: мезолит, ранний и средний неолит. Рига, 1988. С. 48–49.
8. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 147–155.
9. Тимофеев В. И., Зайцева Г. И., Долуханов П. М., Шукуров А. М. Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. СПб., 2004. Табл. IV. 13, 14.
10. Тимофеев В. И., Зайцева Г. И. К проблеме датировки начала неолита в Восточной Европе // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб., 2004. С. 47.
11. Тимофеев В. И., Чайкина Л. Г. О структуре неолитического торфяникового поселения Утиное Болото 1 в Калининградской области (восточное поселение) // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры: мат-лымеждународ. конференции. Сергиев Посад, 2001. С. 212.
12. Тимофеев В. И. Неолитические памятники Восточной Прибалтики и их место в неолите Прибалтики: автореф. канд. дис. Л., 1980. С. 16–17.
13. Тимофеев В. И. Новые данные по хронологии неолита Юго-Восточной Прибалтики // КСИА. Памятники эпохи неолита. М.; Каунас, 1978. Вып. 153. С. 34–35.
14. Тимофеев В. И. Памятники каменного века восточной части Калининградской области // КСИА. Памятники первобытной культуры. М., 1979. Вып. 157. С. 64;
15. Тимофеев В. И. Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего неолита в лесной и лесостепной зоне Восточной Европе. Л., 1991. С. 87–90.
16. Тимофеев В. И. Цедмарская культура в неолите Восточной Прибалтики // Тверской археологический сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 273–279
17. Engel C. Vorgeschichte der altpreussischen Stämme. Königsberg, 1935.
18. Gumiński W. Kultura Zedmar. Na rubieży neolitu «zachodniego» // Od neolityzacji do początków epoki brązu. Poznań, 2001. S. 133–151.

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Славяно-молдавские политические и этноязыковые контакты в раннем средневековье

Дубровский Анатолий Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент
Славянский университет (г. Кишинев, Республика Молдова)

В статье на основе археологических исследований, свидетельств средневековых авторов и лингвистических данных рассматривается вопрос о более раннем, чем принята в исторической литературе время политических и этноязыковых контактов между славянами и неолатинским населением Карпато-Днестровского региона, а также роль славян в этногенезисе молдавского и румынского народов и их языка.

Ключевые слова: славяне, римляне, романизированное население, готы, даки, Восточные Карпаты, Пруто-Днестровские земли.

The Slavic-Moldovan Political and Ethno-Linguistic Contacts in the Early Middle Ages

The subject of the discussion is the period of political and ethno-linguistic contacts between the Slavs and the Neo-Latin population of the Carpathian-Dniester region. The archaeological researches, evidence of medieval authors and linguistic data have justified that it was earlier than is customary in historical literature. The role of the Slavs in the ethnogenesis of the Moldovan and Romanian peoples and their languages has been analysed as well.

Keywords: the Slavs, the Romans, Romanized population, the Goths, the Dacians, the Eastern Carpathians, the Prut-Dniester area.

Румынская и частично молдавская историческая наука, особенно после провозглашения политической независимости Республики Молдова, обходят молчанием или тенденциозно рассматривают вопрос о значительной роли славян, в частности их восточной ветви, в формировании молдавского и румынского народов, а также их языка и культуры. Преподаваемая уже около 25 лет в школах и на исторических факультетах учебная дисциплина «История румын», вместо курса «История Молдовы», отвергает второе наименование единого литературного языка — молдавский. Более того, опубликованы работы с целью «доказать», что не было исторического «симбиоза славян с румынским народом» (ведь молдаван за народ не считают) и, конечно, глоттонима «молдавский язык» [2]. Молдаванам навязывают румыноцентричное видение истории, хотя исследование этногенеза румын является одной из наиболее сложных проблем румынской историографии. Источники о раннем периоде существования румынского народа, так же, как и молдавского, очень скудны. А поскольку направление официальной историографии определяют политические элиты, то румынская и частично молдавская историографии сильно политизированы и трактуют вопросы в соответствии с геополитическими или шовинистическими целями. Интересы изучения настоящей, а не фальсифици-

рованной истории Молдовы, а также проблемы этноязыковых контактов народов Карпато-Днестровского региона требуют обязательного рассмотрения и роли славян в молдавско-славянском этнокультурном взаимодействии. Учитывая, что эта тема очень объемна, мы в данной статье ограничимся анализом непродолжительного периода этнокультурных контактов славян с предками молдаван, а именно в раннесредневековый период.

В начале первого тысячелетия н. э., вопреки утверждению румынских историков о том, что славяне появились только в VI в. н. э., в северной части Карпатских гор, по соседству с Восточно-Карпатским и Днестровским регионом, проживало славянское население пшеворской культуры. Первые упоминания славян античными авторами под именем «венеды» («венеты») датируются I–II вв. н. э. Впервые венеды — славяне встречаются в энциклопедическом труде «Естественная история» Плиния Старшего (23–79 г. н. э.) [18, 594–605]. О том, что это действительно были славяне, достаточно определенно свидетельствует Иордан — автор «Гетики», написанной в середине VI в. Он сообщает, что венеты — «многочисленное племя», расселившееся «от истоков Вистулы (Вислы) на огромных пространствах», известное преимущественно как славяне и анты. Судя по средневековым доку-

ментам, венедами называли славян их ближайшие соседи — германцы, и этим этнонимом немцы до сих пор именуют славян — лужичан. Венедами называют славян и прибалтийские эстонцы, карелы, вепсы и собственно финны. Области, занятые славянами в римское время (I—IV вв. н. э.), не имели каких-либо естественных рубежей. В пределы их расселения неоднократно вторгались с запада германские племена — факты документированные материалами пшеворской, то есть славянской археологической культуры и зафиксированные античными хронистами. Анализ археологических данных позволил вычлени в домостроительстве, погребальной обрядности и глиняной посуде домашней выработки этнографические особенности, характерные для славян и свойственные германским племенам. Изделиями, вышедшими из провинциально-римских мастерских — гончарной керамикой, кузнечной продукцией, металлическими изделиями, одеждой и украшениями, — в равной степени пользовались и славяне, и германцы.

Наукой уже собрано достаточно материалов, свидетельствующих, что на определенном этапе славяне проживали по соседству с римским миром и освоили целый ряд элементов его культуры. Славянам, пришедшим в Грецию, были знакомы водяные мельницы, хорошо известные в провинциально-римском мире, бороны, приспособленные для обработки пахотных земель на равнинной местности (до этого греки знали иной тип бороны, более пригодной для работ на подгорных и гористых землях), косы, серпы и мотыги тех типов, которые были свойственны провинциально-римским культурам. Знакомство славян VI—VII вв. с римской культурой проявлялось не только в сельскохозяйственной лексике, но и в терминологии, связанной со строительством, обработкой металлов и дерева, ткачеством, рыболовством и пчеловодством. Безусловно, что такая ситуация могла иметь место только в том случае, если славяне продолжительное время проживали по соседству с римским миром.

Исследователи не раз обращали внимание на воздействие римской цивилизации на некоторые стороны славянской народной жизни. Так, не подлежит сомнению, что в результате языковых контактов наименования календарных циклов (коляда, русалии и др.) были заимствованы славянами от римлян еще в общеславянский период. Чешские исследователи Д.Бялека и А.Тирпакова, анализируя раннесредневековый керамический материал, доказали, что сосуды изготовлялись в соответствии с римскими мерками еще в то время, когда славяне жили к северу от Карпат [18, 594—605]. Еще раньше, во второй половине I в. до н. э., пшеворское население распространилось на верхнем Днестре и в западной части Вольны. В результате смешения с местным населением формируется особая группа пшеворской культуры — вольно-подольская. Во II—III вв. крупные массы славян из Висло-Одерского региона перемещаются в лесостепные районы междуречья Днестра и Днепра, заселенные сарматскими и позднескифскими племенами, принадлежащими к иранской языковой группе. Они становятся уже не только со-

седями гето-дакийского населения, но и проникают вглубь территории на правобережье Днестра.

Судьбы романизованного, неолатинского по языку, населения в различных частях Карпатского региона после отступления римлян из Дакии было неодинаковым. Население придунайских областей в результате многочисленных войн и нашествий было частично истреблено или вытеснено к северу и северо-западу, в горные районы Карпат и к югу от Дуная. В Подунавье нашествие германских племен готов значительно ослабило, но не уничтожило полностью следы римской культуры. Тем не менее, тенденция развития неолатинского населения вела его, по выражению В. Ф. Шишмарева, к «постепенному угасанию» [16, 82]. Иной была ситуация в Трансильвании и северных районах Молдовы, отстоящих далеко от путей продвижения мигрировавших народов, где были условия для сохранения неолатинского фракийского населения. В этом временном периоде славяне эпизодически проникали отдельными племенами и селились в Восточно-Карпатско-Днестровском регионе. Таким образом, население этих земель развивалось в пестром этническом окружении. Здесь, за пределами бывшей римской провинции Дакия, не подвергшейся романизации, гето-дакийское население вступало в контакты с многочисленными племенами, продвигавшимися на территорию Карпато-Днестровского региона с севера и востока.

В том же III в. н. э. по направлению к Черному Морю продвигаются восточногерманские племена — готов и гепидов. Они поселились на большой территории Северного Причерноморья, от Днепра до Карпато-Дунайского региона. Вместе с готами к Карпатам и Черному Морю и к югу Дуная, оседающая по пути в тех или иных местах, двинулись и славянские племена ругов [9, 133]. Некоторые из них позже сольются со славянскими племенами периода великого переселения народов. В фольклоре новгородского населения сохранилась память о войнах ругов в главе с Одоакром и остготом Теодорихом. Таким образом, новгородцы помнили о «злом Теодорихе» как о заклятом враге Руси [11, 31]. Немногочисленные племена гето-даков иногда враждовали или вступали в союзы со славянами, в некоторых районах в значительной мере смешивались с ними, в других проживали отдельно. В результате контактов готов и гепидов с гето-дакийскими и славянскими племенами на этой огромной территории складывается новая полиэтничная археологическая культура провинциально-римского облика — черняховская. Она характеризуется относительным единством гончарной керамики и металлических изделий — продукцией ремесленных мастерских, но значительной разнотипностью погребальной обрядности, домостроительства и лепной посуды, отражая неоднородную этническую структуру населения: в его составе были местные скифо-сарматы и гето-фракийцы, славяне и пришлые германцы [18, 594—605].

В первые столетия н. э. земли между Восточными Карпатами, Дунаем и Днестром, в незначительной численности, но продолжали заселять неолатинские гето-даки, карпы

и отдельные славянские племена. Свидетельством тому является римская дорожная карта — Певтингерова таблица, восходящая к III в. н. э. Эта дорожная карта свидетельствует о древних славянах-венетах, которые заселяли территорию между Дунаем и Днестром [5, 182]. Сюда славяне проникли или с севера, из районов Прикарпатья и Вислы, откуда они, по свидетельству римского историка Тацита, еще в I в. н. э. совершали дальние походы, или с востока — с территории современной Украины, где между Днестром и Днепром в III веке н. э. в результате смешения славянского населения со скифо-сарматским сложился славяно-иранский симбиоз с последующей постепенной славянизацией местных племен. В итоге формировалось новообразование, известное в исторических источниках как анты.

О присутствии древних славян на левобережье Нижнего Дуная в III–IV вв. н. э. свидетельствуют взаимное проникновения множества слов из языка славян в язык населения дунайских провинций Римской империи и, наоборот, из латинского в славянский. Этот же процесс происходил и между древним славянским и германскими языками, прежде всего готским. Судя по языковым данным, на древних славян влияли вестготы-тервинги с территории Нижнего Подунавья. Славянский язык пополнился такими готскими словами, как *хлеб, котел, блюдо, купить, слон, меч, лесть, хитрость, осел* и др. Под влиянием языковых контактов с готами окончательное формирование старославянского языка завершается к V в. н. э.

В отдельных районах между Днестром и Дунаем одним из представителей черняховской культуры были древние славяне-венеды. Их участие в создании черняховской культуры прослеживается благодаря наличию отдельных черт, сближающих ее со славянской культурой. На поселениях черняховской культуры в Днестровско-Прутском междуречье — у сел Будешты, Балабанешты, Малаешты — найдены лепные горшки, сходные со славянскими. Были общие черты и в устройстве полуземляночных жилищ [5, 182].

Многие археологи утверждают, что создателями черняховской культуры в Карпато-Днестровских землях были многочисленные племена (фракийцы, сарматы, поздние скифы, славяне-венеды, готы, бастраны) [6, 586–587]. Все это свидетельствует о сложных этнических процессах, происходящих в регионе, — формировании этнокультурной общности народов в результате их длительного общения. Именно такой общностью следует считать черняховскую культуру. Поселения и могильники, относящиеся к ней, появились в III–IV вв. н. э. в Карпато-Днестровских землях, непосредственно прилегающих к границам римских провинций Дакия и Нижняя Мезия. Племена-создатели черняховской культуры, проживая здесь попеременно, вступали между собой в экономические и культурные связи. Частыми были и войны между ними, заканчивавшиеся изгнанием побежденного племени, но, борясь с Римом, эти племена образовывали коалиции и союзы. Особенности культуры отдельных этнических групп и племен в упомянутую эпоху мало заметны.

Все племена Карпато-Днестровских земель подвергались воздействию провинциально-римской позднеантичной цивилизации, усилившему единообразие черняховской культуры. Местное «варварское» население заимствовало преимущественно из античных городов Северного Причерноморья, римских провинций Дакия и Нижняя Мезия ряд технических достижений и элементов культуры: форму и технику выделки керамики, гончарные горны, формы пряслиц, грузил, гребней и многое другое. Создание единой черняховской культуры, распространенной на обширной территории, простирающейся от левых притоков Днепра до Нижнего Подунавья, могло произойти только в условиях господства могучих межплеменных союзов, задачей которых были усиление экономических и политических связей для борьбы с Римской империей.

В III в. н. э. племена Северного Причерноморья, в частности, те, которые населяли земли восточнее Карпат (карпы, сарматы, готы, славяне и другие), воспользовавшись социально-экономическим кризисом Римской империи, совершали походы в римские провинции. В 232–250 гг. н. э. ведущая роль в антиримских походах принадлежала племенному объединению карпов. Некоторые походы подготавливались в Поднестровье, что указывает на значительную роль племен этого региона в борьбе с Римской империей.

В IV в. н. э. продолжалась борьба между племенами, не покоренными Римской империей. Сражения происходили и в Поднестровье. Так, в 367–369 гг. н. э., по свидетельству Аммиана Марцеллина, император Валент во главе римского войска переправился через Дунай у Новиодуна, проследовал на север между озерами Кагул и Ялпуг, пересек южный Траянов вал и двинулся в земли даков, готов и других племен, покорив их. Однако эта победа ничего не дала римлянам. Набеги «варваров» продолжались еще более настойчиво, чем прежде.

В течение II–IV вв. н. э. в результате ассимиляции славянами множества местных племен, локализованных в междуречье Днестра и Днепра, образовался племенной союз антов. В связи с этим раннее юго-восточное славянство унаследовало из иранского мира ряд языковых и культурных элементов. Языковое влияние проявилось на уровне лексики, в элементах фонетики и грамматики. Это дало основание ученым-иранистам заключить, что в этногенезисе рассматриваемой группы славян участвовал скифо-сарматский этнический субстрат [10]. Иранское языковое наследие в юго-восточной части расселения славян выявляется также в духовной культуре и антропонимике.

Анты многократно упоминаются позднеантичными авторами в VI–VII вв. В частности, Иордан отмечает, что племена антов заселяли области между Днестром и Днепром. Ссылаясь на труды своих предшественников, Иордан пишет и о более ранних событиях, когда славянские племена антов враждовали и сражались с германскими племенами готов. Вначале славяне отразили нападение готского войска, но через некоторое время готский король

Винитарий заманил в ловушку предводителей антов, разгромил и казнил их князя Божа и 70 старейшин. Ряд исследователей указывает на наличие в праславянской лексике комплекса терминов (князь, дружина, господин, купец, худоба в значении «бедность», голода — «нищета», дань — «повинность», цята — «денежная единица»), ассоциирующихся с ранней государственностью и зарождающейся социальной стратификацией общества. Примечательно то, что эти лексемы свойственны не всему славянскому миру, а только болгарскому, сербохорватскому, словенскому, македонскому и древнерусскому языкам [18, 594–605]. Археологические исследования подтверждают, что все это относится к славянам, вышедшим из антского суперэтноса, и, следовательно, зарождение и формирование этих терминов необходимо связывать с антами. Таким образом, можно утверждать, что антское общество в позднеримское время было социально расслоенным и соответствовало зрелым формам военной демократии. Анты создали раннегосударственное образование, во главе которого стоял князь, возможно, с наследственной властью.

Однако в конце IV в. н. э. происходит значительное ухудшение климата. Известно, что в первые века н. э. климатические условия были благоприятны для жизни и сельскохозяйственной деятельности — основы экономики всех племен, в том числе и славян. Это подтверждается и археологическими исследованиями, фиксирующими значительный рост населения, увеличение количества поселений и развитие техники земледелия. Однако в конце IV в. н. э. в Европе и Азии наступило резкое похолодание. Особенно холодным было V столетие, отмеченное самыми низкими температурами за последние более чем 2000 лет. Значительные массы населения вынуждены были покинуть обжитые места и искать новые земли. Начинается «великое переселение народов» из евразийских степей. Именно в это время развитие провинциально-римских культур — пшеворской и черняховской — прерывалось нашествием воинственных кочевых племен — гуннов. Северное Причерноморье и области Карпато-Дунайских и Днестровских земель были разорены. Были уничтожены крупные ремесленные центры, снабжавшие своими высококачественными изделиями жителей огромных территорий, среди которых значительную часть составляли славяне-земледельцы. Восстановить прежнее производство было невозможно, так как мастера-ремесленники или погибли во время гуннского нашествия, или ушли в пределы Римской империи. Наблюдается резкий упадок культуры, быта и экономики: уровень материальной культуры славян начала средневековья оказался ниже провинциально-римского.

Гунны, перекочевавшие из Средней Азии, вначале состояли только из скотоводов, затем в объединение вошли земледельческие племена лесостепной зоны Восточной Европы. А уже при Аттіле, когда в состав этого союза, занимавшего обширную территорию в Средней и Юго-Восточной Европе, входили северофракийские, славянские, германские и другие племена, в Восточно-Карпатских

и Днестровских землях в конце IV в. прекращает свое существование подавляющее большинство поселений. Спасаясь от преследования, жители зарывают свои сокровища (большие клады монет найдены у г. Ореева, у пос. Криуляны и в других местах). Денежное обращение в регионе прекратилось.

В результате сильнейшего удара племенного союза гуннов в IV — начале V вв. поселения даков, сарматов, готов и славян были, в большинстве случаев, здесь уничтожены. Упоминания об этих племенах исчезают из письменных источников. Славянские племена, начавшие интенсивно заселять Карпато-Днестровские земли в конце V — начале VI вв., нашли их, в сущности, опустошенными [4, 98].

Середина I тысячелетия н. э. характеризуется глубокими преобразующими процессами в социально-экономической, этнической, политической и других областях. Начались они со славянской колонизации обширных регионов Европы, в том числе Карпато-Днестровского региона. Славянское расселение было последней, самой мощной волной великого переселения народов.

Если до середины I тысячелетия н. э. славяне поселялись в Карпато-Днестровском регионе небольшими группами племен, то уже со второй половины V начинается первый этап массового заселения славян на балканский полуостров, длившийся до конца VII в. Пришедшие в движение многочисленные славянские племена равнин, Центральной и Восточной Европы большими массами направляются к Дунаю. Славяне двигались на юг двумя большими потоками: с севера через Карпато-Днестровские земли, где с этого времени они становятся постоянным населением, и через земли западнее Карпат. Материальная культура в этот период отражает этнические различия двух основных групп славян. На поселениях у сел Шаптебань, Стынкэуцы, Селиште, Ганск встречаются элементы материальной культуры антов (пражско-пеньковский тип), с одной стороны, и склавинов (пражско-корчакский тип) — с другой. Славяне заселяли лесостепь современной Молдовы.

Славянские племена обосновались и в левобережье Среднего и Нижнего Дуная. В письменных источниках конца IV — начала VI вв. не упоминается ничего о гетодакском населении земель между Восточными Карпатами и Днестром. Очень бедны и археологические источники. Незначительная часть населения, пережившая гуннское нашествие, оставила единственный пока сохранившийся памятник этого времени — могильник у с. Данчены в лесистых Кодрах Прутско-Днестровского междуречья, который просуществовал до начала V в.

Анты заняли значительную часть Пруто-Днестровского междуречья. Районом наиболее плотного антского расселения и тогда остались земли в бассейне верхнего и среднего Днестра с прилегающей частью междуречья. Антское население здесь встретилось с ранее поселившимися славянскими племенами — склавинов. На юге Среднего и в Нижнем Поднестровье возник в VI в. второй очаг рассе-

ления антов в регионе. Анты осели на правом, западном берегу реки и по ее притокам (Реут, Бык и др.). Реже встречаются антские поселения вниз по реке Прут. Здесь обосновались отдельные разрозненные группы антских племен. Основной поток западной миграции двинулся уже в занятые склавинами земли Буковины, к югу от верховий реки Прут. Довольно плотно заселив эту область, анты продолжали свое движение вниз по реке Сирет, основывая поселения, а местами переходя реку. В итоге древнейшие склавинские поселения Буковины и Молдовы (Рашков, Кодыма, Гореча, Ботошаны) оказались смешанными по составу населения, антско-склавинскими. Отдельные чисто антские поселения возникли в междуречья Прута и Сирета.

В итоге своего продвижения по долине реки Сирет и вдоль Карпат на юг племена антов заняли довольно обширные пространства в древней Дакии — позднейшую Буковину, Молдову, северо-восток Мунтении, выйдя немногим выше дельты Дуная. Значительная часть этой территории, то есть северная, была уже освоена склавинами. Отношения между двумя группами славяноязычного населения в то время были мирными. Анты были более многочисленны и без каких-либо конфликтов селились на склавинских поселениях или чересполосно с ними. Склавинцы расселились вместе с антами и дальше на юг, в Подунавье, что отмечено в археологическом материале Румынии. Корчакская и пеньковская керамика сочетается здесь в чуть более позднем могильнике Сэрата-Монтеору [11]. Родственные склавинцы не оказали сопротивления антской миграции. Зато она натолкнулась на естественную враждебность местного романизированного дакийского населения, сосредоточенного в горных областях. Даки сосуществовали с немногочисленными племенами склавинов, в основном, мирно, но приход многолюдных антских племен, хорошо организованных, не мог не вызвать осложнений. Отголоски преданий о враждебности «волохов» сохранились в «Повести временных лет». Косвенным их подтверждением может служить восприятие славянами (очевидно, именно в Дакии) мифологизированного образа римского императора Траяна. У румын Траян — эпический герой. Сербы же и восточные славяне восприняли его как враждебное божество подземного мира. К 540-ому году антские племена лучше других придунайских соседей Византийской империи были обучены навыкам войны в горной местности. Выработаться эти навыки могли только в Карпатах, и очевидно, в сражениях с местными племенами. Вместе с тем, сопротивление даков и других племен, хотя упорное и продолжительное, не могло быть организованным и действенным ввиду их разрозненности. Славянское расселение беспрепятственно продолжалось. Местным племенам, лишённым политической организации и давно брошенным империей на произвол судьбы, в итоге оставалось убежать в пределы империи, отступить в недоступные и ненужные завоевателям горы или смириться.

Смирившимся и оставшимся на своих землях дакийским племенам анты не представляли серьезной угрозы. Славяне воспринимали их в первую очередь как пастухов. По-

этому славянское название восточных романцев «волохи» переключается с именем славянского бога Велеса-Волоса, защитника скота и пастухов. Волохи, селившиеся рядом со славянами, неизбежно включались в славянское общество и в политическом плане подчинялись антам и склавином. Свидетельством начала расселения славян на территории сегодняшних Республики Молдова и Румынии являются материальные элементы раннеславянской культуры Ипотешти-Чурел-Киндешти, Чирешану-Ипотешти-Киндешты (к югу от Карпат) и Костиша-Ботошана-Ханска (к востоку от Карпат). Археологи Румынии говорят о тесном родстве между этими культурными комплексами и культурой Братей-Цага-Бихаря в Трансильвании. Правда, румынские ученые стараются доказать, что названные культуры существовали еще до расселения славян, которые временно влились в их среду только в середине VI в. [7, 108–109]. Однако это мнение основательно не доказано. Создателями данных археологических культур были славянские племена, носители пражско-корчакской археологической культуры. Следующим этническим элементом культур Ипотешти-Киндешти-Чурел, Чирешану-Ипотешти-Киндешты, Костиша-Ботошана-Ханска и Братей-Цага-Бихаря было местное неолатинское население. Рядом со славянскими племенами и на поселениях Молдовы и Румынии проживало несколько более развитое в культурном и экономическом плане население, находившееся под сильным воздействием Византийской культуры. Оно оставило большое количество керамики провинциально-римского типа, изготовленной на гончарном круге. На памятниках этой группы имеются находки византийского происхождения. Количество и качество предметов материальной культуры убеждает многих археологов в наличии на поселениях типа перечисленных четырех культур постоянного романо-дакийского населения. Оно мирно сосуществовало со славянами и оказало на них разноплановое воздействие. В силу этих причин названные археологические культуры приобретают черты славянской материальной культуры, о чем свидетельствуют археологические раскопки у с. Сарата-Монтеору (Румыния) [15, 298]. Это явление было наследием традиций мирного сожительства славян и даков на землях Восточно-Карпатского и Днестровского регионов.

Византийские хронисты Прокопий, Иордан и др. отмечают, что уже к середине VI в. Карпато-Днестровские земли оказались в глубоком тылу славянских племен, продвигавшихся вглубь балканского полуострова. Часть из них оседает на данной территории, которая, судя по письменным источникам, была почти не заселена. Славянские поселения появились в лесостепной зоне у современных сел Малаешты, Рудь, Лопатна, Реча, Ганск и др. В VI в. появившиеся на территории региона славяне слились с племенами, расселившимися здесь еще в V в. Миграция проходила в условиях непрерывного передвижения и перемешивания различных славянских племен. Это же подтверждает облик материальной культуры поселений VI в., где в одних и тех же жилищах найдена посуда, харак-

терная для различных групп славян, обитавших на очень широкой территории Восточной Европы [13, 3].

Заселение славянами Карпато-Днестровских земель в ходе их движения на Балканы шло в основном с севера и северо-востока. Переселенцы пражско-пеньковской группы славян из Поднепровья и Побужья встретились здесь со славянами другой этнокультурной группы — пражско-корчакской, пришедшей с Верхнего Поднепровья и Припятского правобережья. Новые группы славян, проходя через Карпато-Днестровские земли, продолжали свой путь дальше на юг к границам Византийской империи и заселили Карпато-Дунайские земли. Они достигли левобережья Дуная, откуда предпринимали на протяжении всего VI в. набеги на византийские владения, осаждали такие крупные города, как Солунь и даже Константинополь. К началу VII в. славяне прорвали границу Византийской империи и заселили почти весь Балканский полуостров вплоть до Фесалии и Эпира.

Древние авторы сообщают о близком родстве по облику, культуре, языку, обычаям, обрядам и верованиям между антами и склавинами, часть которых обосновалась в Карпато-Днестровских землях, о том, что в древности они составляли один народ. Прокопий Кесарийский пишет: «*Некогда даже имя у склавинов и антов было одно и то же*». Много общего у славян VI-VII вв. было в домостроительстве, погребальных обрядах, посуде, которая в этот период лепилась без гончарного круга. Характерными особенностями культуры славян, заселивших Карпато-Днестровские земли, были полужемлянки с печами-каменками, служившие жилищами, обряды трупосожжения (кремации), своеобразная лепная глиняная посуда, так называемые пальчатые фибулы (застежки) и т. д. Судя по тому, что византийские хронисты, хотя и упоминают склавинов и антов очень часто вместе, подчеркивая их близкое родство, но все же отличают их друг от друга, можно полагать, что это были, во всяком случае до начала VIII в., отдельные племенные группы, имевшие свои этнографические особенности. Были у них и некоторые отличия в материальной культуре, в частности в керамике [5, 206, 207].

Тесные политические, и экономические контакты славянского и восточнороманского населения, длительное их совместное проживание подтверждают и языковые материалы. Лингвисты, изучившие проблему романо-славянских связей, относили начало языковых контактов неолатинского населения со славянами к разным периодам: О.Денсушану — к IX в., И.Бэрбулеску — к X–XI вв., Т.Капидан — к XII в. Занимавшиеся более обстоятельно языковыми связями славян и неолатинского населения В.Ф.Шишмарев и Н. Г. Корлэтяну датируют первый этап языковых связей неолатинского населения со славянами VI–VII вв. н. э. [16, 82]. В общеславянском языке появился довольно мощный пласт заимствований из латинского, в том числе и более или менее явные восточнороманские диалектизмы. Выделяется группа терминов, связанных со скотоводством, но в общем заимствования касаются разных областей хозяйства, быта, обрядности, социального устройства.

В свою очередь, восточные романцы заимствовали у славян термины, связанные с земледелием (*grebla, coasă, cosor, coșnița, lopată, plug, ogor, brazdă, boroană, pîrloagă* etc), ремеслами, особенно деревообработкой (*nicovală, daltă, clește, pilă*), названия домашнего скота и птицы (*bivol, bivoliță, cocoș, gîscă, ogar* etc), гидронимы (*Rîmnicul, Bistrița, Putna, Ilomița, Prahova, Dimbovița, Crasna* etc), мифологические понятия (например, «*vîrcolac*» — ‘оборотень, дух затмения’). Первые славяне, расселившиеся в Карпато-Дунайско-Днестровские земли, на первоначальном этапе были билингвами [7, 115]. Эти контакты составили первый этап в истории длительных и многообразных связей славян с даками. Как показали исследования болгарского лингвиста И.Дуриданова, в VII–VIII вв. в неолатинском языке произошло изменение славянского безударного *о* в *а* и *â* на славянской основе (например: могила — *măgură*, колёда — *colindă*). Верхней хронологической границей вхождения древнеславянских элементов в язык романизованного населения Балкан является IX в. По образному выражению болгарского историка П.Мутафичева, «романизованное население могло превратиться в новую этническую общность только после того, как в него было влито значительное количество славянской крови» [4, 89].

В VIII и первой половине IX в. славянское население Карпато-Днестровских земель продолжает пополняться переселенцами из Побужья и Поднепровья. Здесь формируется восточнославянские племена и их объединения. Летопись Нестора «Повесть временных лет» (начало XII в.), передавая сообщения более ранних источников и устных преданий, среди древнерусских (восточнославянских) племен упоминает тиверцев, которые «*седяху бе по Днестру, приседяху к Дунаеву*» [12, 4].

В степной зоне, в районе придунайских озер и на правобережье Нижнего Прута в VIII–IX вв. расселяются славяне с материальной культурой, характерной для северо-восточной Болгарии, где в конце VII в. было основано Первое Болгарское царство.

Таким образом, по имеющимся данным, северофракийские, неолатинские, племена гето-даков и карпов соседствовали и контактировали со славянскими племенами еще в позднеримский период (II–IV вв. н. э.), доказательством чему служат письменные свидетельства античных хронистов и памятники материальной культуры пшеворской и черняховской археологических культур. В это же время отдельные славянские племена расселялись на Восточно-Карпатских и Днестровских землях, мирно сосуществуя с местными гето-даками и карпами и совместно участвуя в походах против Римской империи.

Начиная с V в. славянские племена начинают массово осваивать слабо заселенные земли Карпатско-Днестровского региона. Начиная с этого времени, вплоть до IX в., неолатинское население находилось в постоянном языковом и культурном контакте с окружающим славянским миром, завершившимся формированием новой этнической общности — волохов, предков восточнороманских народов Юго-Восточной Европы, в том числе молдаван и румын.

Славянское влияние имело решающее значение для формирования молдо-румынского языка. Славяне на длительное время обеспечили в регионе своей колонизации стабильную хозяйственную и социально-политическую жизнь.

Литература:

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965.
2. Gonța A. Relațiile românilor cu slavii de răsarit pînă la 1812. Chișinău, 1993.
3. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов // М. В. Бибииков, Г. В. Глазырина и др.; Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 2000.
4. Зеленчук В. С. Волохи в Карпато-Дунайских землях, проблемы ранней этнической истории // Археология, Этнография и Искусствоведение Молдовы: итоги и перспективы. Материалы республиканской конференции 8–9 августа 1989. Кишинев, 1990.
5. История Молдавской ССР: В 6 т., т. 1. // редкол. В. Л. Янин и др.; АН МССР. Ин-т истории им. Я. С. Гросула. Кишинев, 1987.
6. Istoria Moldovei. Epoca preistorică și antică: (pînă la sec.V) // Acad. De Științe fa Moldovei, Inst.Patrimoniul Cultural, Centrul Arheologie. Ch- & «Tipografia Centrală». Chișinău, 2009
7. История Румынии // И. Болован, И. А. И. А. Поп (координаторы) и др. / Пер. с рум. М., 2005.
8. Корлэтяну Н. Г. Лимба молдовенеаскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинэу, 1973.
9. Кузьмин А. Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая Россия. Сборник научных статей. Санкт-Петербург, 1996.
10. Милов Л. В. RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. 2000. № 1.
11. Перевезенцев Сергей. Древняя Русь. История русского народа с I по IX век. Научный редактор В. Михайлов: М, 2007.
12. Повесть Временных Лет. М.-Л., 1950.
13. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М., 1991
14. Седов В. В. Этногенез ранних славян // Вестник Российской Академии Наук, т. 73, 2003, № 7,
15. Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973.
16. Шишмарев В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР // Вопросы языкознания, № 1, 1952; Корлэтяну Н. Г. Лимба молдовенеаскэ литерарэ контемпоранэ. Кишинэу, 1973.

Слово как ритмообразующий фактор в промысле коми-пермяцкого охотника

Евдокимова Олеся Васильевна, студент

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Коми-пермяки, живя в окружении лесов, часто были свидетелями непонятных и даже страшных явлений. Вследствие этого и рождались различные были и небылицы, заполняя пробелы духовной культуры общества. Коми-пермяки почитали природу и ее обитателей, оберегали и остерегались ее, придумывая заклинания и обряды, которые частично вошли в быт современных охотников.

В данном виде промысла из-за суеверности и скрытости охотники, как правило, стараются больше делать, чем говорить, не считая заговорной части охоты, которая является также сакральной. В свою очередь, невербальные аспекты страдают нехваткой слов, сложностью выражения мысли. Семантическое поле вербальных аспектов всегда разительно более развито, чем невербальных. В этом и состоит то основное отличие, которое определяет, вербален ли аспект или нет. Вербален или невербален запрет и предписание во многом зависит от самого объекта, который совершает действие или хочет прийти к какому-то определенному результату.

Заметим, что охота всегда была связана с риском неудачи, поэтому в данной промысловой сфере существовал целый ряд всевозможных иносказательных выражений и обереговой паремии. Более того вера в магическую силу слова обуславливала существование большого количества заговоров.

Промысловая лексика коми-пермяцкого языка часто становилась предметом иносказательного выражения. Словесный текст является составной частью сложного акционально-вербально-реального (т. е. совмещающего выполнение определенных действий, произнесение некоторых слов и нередко использование каких-то предметов) магического текста. Безусловно, каждая из его частей выражает один и тот же мифологический смысл с помощью средств разных параллельных кодов, обладая при этом определенной структурой и ритмической организацией.

Последнее подчеркивается в одном из определений заговора, принадлежащем В. П. Аникину: «заговор есть традиционная ритмически организованная формула, ко-

Рис. 1. Отдых охотников, 1930-е гг.

Рис. 2. Коми-пермяцкий охотник

торую человек считал магическим средством достижения различных практических целей. Заговору приписывали безусловную силу принудительного воздействия на людей и природу, прежде всего в силу того, что он особым образом ритмически организован» [1, с. 94].

Можно сказать, что слово — это некий ритмообразующий фактор, сообщающий организацию всему заговорно-заклинательному акту.

Проанализировав промысловую лексику коми-пермяков, следует выделить два вида таких актов: во-первых, когда текст выступает наравне с действием; во-вторых, когда текст подчиняет ритуальную сторону акта. Рассмотрим особенности этих структур, их изоморфизм и соотношение элементов заговорного текста с конкретными действиями.

Перед походом на промысел среди охотников было принято говорить некоторые пожелания. Так, в д. Хазово Кочевского района, были зафиксированы такие слова: «Дай рыбаку удачу, а человеку счастье, — это по лесу идешь» [ПМ: 1].

Отправляя мужа на промысел, среди коми-пермячек было принято произносить: «Благослови, господи!». Это еще раз подтверждает огромную значимость функционирования в речи слов и выражений, которые так или иначе могли повлиять на исход охоты [ПМ: 2].

Для того, чтобы охота получилась более удачная, подходя к лесу охотники говорят: «Лес, лес, моя девица, корми и пои, напои моё сердце и мою семью со своей жилицей. Всегда по-русски говорим» [ПМ: 1].

Важно отметить, что действие наговорного текста считается более продуктивным, если в нем наличествует непосредственный контакт между охотником и объектом охоты. Считалось необходимым — убедить зверя в том, что он, охотник, иначе не может, что так велит Небо, под крышей которого существует все живое. Поэтому в первой части наговора использовали задабривающие слова и выражения, затем говорили о ловушке.

Так, ставя ловушку на зайца, охотник натирал ее пихтовой лапкой, затем «заговаривал» ее. «Небыт гона, шонді сина, тэ боклань эн кеж, бөрлань эн берт, вевдөрёт эн чеччөвт. Мун веськыта аслат осьтаё,

менам чомё. Аминь, аминь, аминь». «Мяркошерстый, солнцезлазый, не сворачивай с тропки, не ходи назад, не прыгай поверху, иди прямо в свою дыру, в мой чом (клеть, кладовка) Аминь, аминь, аминь [ПМ: 2].

Повсеместно заговаривали как ловушки, так и лук и стрелы, ножи и рогатины, лыжи и лесные кладовушки. Так, у одного охотника из деревни Пятигоры Гайнского района была заговоренная нарта, которая никогда не возвращалась порожней.

Обратим внимание на тот факт, что в деревнях округа было большое количество знающих людей, которые часто предлагали промысловикам помощь в заговоре охотничьих приспособлений, однако «волшебных» слов вслух они не произносили, и тем более никому не передавали: «Она ведь тоже немного знала. Видишь, как капканы Мише давала, слова говорила. Чтобы совали «в капканы». Слов надо много знать. Тоже немного знала. Мол, капканы бери и слова говори, в заячьем месте мертвую собаку засунет кто-то, вот и съешь. Мол, не берись за капканы» [ПМ: 3].

Стало известно, что на все время промысла коми-пермяками налагался запрет на произношение отдельных слов, обозначающих предметы или понятия, неприятные по какой-либо причине лесным духам. Так, по общепринятому у охотников мнению, неудачу на промысле могло принести произношение слов *инь* «женщина», *кань* «кошка», *поп* «поп». Запрет на слово *кань* «кошка» объясняется тем, что кошка среди многих представителей финно-угорских народов всегда считалась существом, обладающим сверхъестественной силой, магическими качествами. Запрет на слово *поп* мотивируется тем, что данная лексема относится к христианской лексике, а охота — это своеобразный ритуал, корни которого уходят в языческое прошлое народа. Запрет на слово *инь* «женщина» объясняется тем, что ещё в древности в сознании коми-пермяков женщина воспринималась в качестве причастной к нечистой силе. Вследствие чего бытовали и различные запретные действия в отношении женщины к промысловой деятельности. Охотникам запрещалось мыться в бане после того, как в ней помылись женщины. [3, с. 202].

Для того, чтобы не случилось сглаза, охотники при встрече с незнакомцами зажимали руку в кулак или де-

лали кукиш и произносили про себя: «Тун — еретик, ме йиён йиаси, пуртён пуртаси, көртён игнаси. Пинь вылат — галя, кыв вылат — зуд. Лучше эн кутчы, лучше берётчы». «Тун — еретик, я поясом опоясался, ножом оградились, железом закрылся. На твой зуб — камень, на твой язык — брусок. Лучше не связывайся, лучше отвернись» [ПМ: 4].

Особое внимание коми-пермяцкий охотник уделял Культуре промысловых животных. Последний приписывал животным способность воспринимать человеческую речь, особенно слова, к ним относящиеся. Предписания такого культа воспрещали говорить неодобрительно даже о самой незначительной добыче, а тем более, оскорблять её.

Чтобы не спугнуть зверя раньше времени, охотники употребляли различные иносказания (эвфемизмы), при составлении которых использовались внешние признаки объекта, повадки, особенности их действий. Например, слово «заяц» заменяли на словосочетания «длинное ухо», «быстрая нога».

Кроме того, к табуированным словам коми-пермяцкие охотники относили и «Лешего». В. М. Кудряшова в своей статье «Образ лешего в коми устной сказочной прозе» информирует: «пермяки чтут лесного духа, величают его дедушкой и избегают употреблять его собственное имя... чтобы не подвергнуться его гневу, он не любит, чтобы его имя упоминалось вслух и мстит за это» [4, с. 124].

В связи с данным обстоятельством владыке леса коми-пермяцкие промысловики присваивали наименования описательного характера. Чаще всего употребляли слово «айпэл» (мужчина), однако с начала XX века данный эвфемизм утратил свое значение [3, с. 184]. Сегодня охотники округа используют слова и выражения с компонентом *вёр* «лес»: *Вёрдядь* (дословно *вёр* «лес», *дядь* «дядя») «Лесной дядя» [4, с. 125].

Элементы береговой паремии были замечены в ситуациях, когда, по воспоминаниям старожил, леший заманивал промысловиков в свои владения, заводил в свой дом. При этом закоренелые охотники у входа в его дом или уже перед потчеванием, совершали крестное знамение, которое не позволяло попадаться в ловушки лесного хозяина [4, с. 125].

Отметим, что наряду с лешим, приносящим зло, широко известен леший, помогающий охотнику. Известно, что некоторые охотники «дружат» или «знаются» с ним. «Знающегося» с лешим охотника распознают по успеху в промысле или необычному поведению: он не боится сглаза и поэтому прячет дичь от посторонних глаз. Другим объяснением промысловой удачи охотника называются его магические знания, использование определенных «наговоров» [2, с. 84]. Бывали случаи, когда охотник привозил домой целый воз зайцев, некоторым попадались в капканы волки. По людским поверьям — это леший одаривал понравившегося ему охотника. А для того, чтобы понравиться лесному духу, коми-пермяцкие охотники относили в лес рыбный пирог, крепкое вино и клали все

на выбранный определенно для этого случая пень. При этом произносили: «Слушай меня, Большой: я тебе — табак, ты мне — белок. Я тебе — грибной пирог, ты мне — зайцев и птицу». Говорят, добродушный кочёвский мужик, отправляясь на промысел, угощал Лешего самой сладкой постряпушкой, замешанной на масле и мёде, — *тулом* [4, с. 126–127]. Некоторые промысловики до сих пор перед началом охоты продолжают приносить ему угощение, например, оставляют на пне кусок хлеба. [ПМ: 5].

Один из охотников Кочевского района, отметил, что основной наговор к лешему следующий: «Встану благословесь <...> пойду в чистое поле, в темный лес...». Однако, по современным этнографическим материалам становится ясным, что на данной территории Коми-пермяцкого округа редко обращались к лесному хозяину с просьбами, обращениями. Поскольку промысловики покровителем охоты, помимо лешего, называют Александра Третьего. Данное поверье закрепляется обычаем давать на его имя промысловую клятву: «У нас же у охотников свой ангел-хранитель. Александр Третий. Мы даже клятву принимаем у него. Даже в охотничьем билете у нас написано. Серьезно. Вот у нас называют оберегом» [ПМ: 1].

Веря в чудодейственную силу различных наговоров, даже современные охотники никому не раскрывают своих тайных слов. Один из респондентов подтвердил, что знает слова, но раскрыть их не согласился: «Не знаю, что на охоту говорят. Это мои слова. Я не сам их придумал. Мои предки. Из покоя веков передается. Просто наговор такой — и на охоту идти, и на ружье. На ружье, когда снаряжаешь. Там просто со мной оберег идёт и всё» [ПМ: 6].

Таким образом, в ритуалах охотничьего промысла прослеживается активное использование элементов вербального кода, т. е. различные заговоры, наговоры, эвфемизмы, береговая паремия. Причем каждый конкретный ритуал может быть построен как на одном из этих составляющих указанного кода, так и на всех вместе. Разные аспекты промысловой и бытовой деятельности охотника в рассказах остаются слабо развернутыми, поскольку многие информанты озвучивают только догадки и предположения об истинном ритуальном охотничьем комплексе, который остается закрытым для непосвященных.

Тем не менее у нас есть достаточные основания говорить о существовании среди промыслового населения Коми-пермяцкого округа специального «тайного» охотничьего языка, в котором с помощью описательных названий обозначались как объекты промысла, так и некоторые явления непромысловой среды.

Так сложилось, что народная традиция зачастую дублирует свои сообщения на определенные действия, как бы страхуя тем самым их от потерь, неизбежных при устной трансмиссии. Действительно, невербальный код в промысле коми-пермяцкого охотника играет не менее важную роль. Однако, это вопрос уже другого исследования.

Полевые материалы:

1. 2009: Кочевский район, д. Хазово, Исаев Анатолий Иванович.
2. 2009: Кочевский район, с. Коча, Хомяков Иван Михайлович, 1939 г. р., родом из д. Зельгорт.
3. 2003: Юсьвинский район, д. Михеево, Гордеев Октябрь Ефимович, 1927 г. р., родом из д. Прохорово.
4. 2008: Кочевский район, с. Большая Коча, Гагарина Анастасия Михайловна, 1931 г. р., родом из д. Борино.
5. 2004: Юсьвинский район, д. Данино, Гордеева Мария Семеновна, 1935 г. р..
6. 2009: Петров Владимир Николаевич, Кочевский район, с. Пелым.

Литература:

1. Аникин В. П. Русский фольклор: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. — М.: Высшая школа, 1987. — 285 с.
2. Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. — СПб.: Изд-во «Математик», 2011. — 272 с.
3. Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX. — М., 1983. — 248 с.
4. Коньшина Е. И. Образ Лешего в понимании коми-пермяков // Наш край. — Кудымкар, 1995. — 178 с.

Традиционная культура Тамбовского края: обряды и обычаи, связанные с крещением ребенка

Поповичева Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент
Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

Процесс заселения Тамбовского края — сложное и длительное явление. Традиционно Тамбовскую область считают территорией позднего заселения, однако это касается только освоения тамбовских земель русскими.

Начиная с неолита, Тамбовский край уже являлся своеобразной контактной, пограничной зоной расселения различных народов. С этого времени здесь фиксируется сосуществование разных этнических групп. В эпоху бронзы по лесным берегам бассейна реки Цны довольно плотно расселялись оседлые племена примокшанской, поздняяковской культур. В середине I — начале II тыс. н. э. в Пощень, занятом ранее городецкими племенами, выделяется мордва-мокша, сохранявшая социокультурные традиции до активного продвижения на Тамбовщину русского населения в XVII в. К началу XVII в. сюда переселилось немало русских крестьян, бежавших от крепостного гнета из центральных уездов России (в 1622 г. 40 % всего населения состояло из русских переселенцев) [1].

В XV в. под защитой оборонительных укреплений (1635 г. была выстроена крепость Козлов, в 1636 — Тамбов) начался быстрый процесс заселения степной части Тамбовщины. Сюда, на свободные земли, хлынул массовый поток беженцев от помещиков. Основная масса крестьян приходила в Тамбовский уезд с соседних северных районов: Шацкого, Рязанского, Рязжского, а также Мещерского, Владимирского и др. уез-

дов. Только небольшая часть крестьян приходила сюда из Смоленского, Дорогобужского, Ржевского, Московского уездов. Таким образом, русское население формировалось на Тамбовщине преимущественно из северо-западных (относительно Тамбова) уездов Русского государства [2]. Естественно они несли сюда оттенки своей региональной культуры, отразившейся в топонимах, говорах, обрядах.

Объектом исследования в данной статье являются мирские обряды, связанные с крещением ребенка и бытовавшие на территории Тамбовской области в к. XIX — н. XX вв.

У православных русских крещению всегда придавалось большое значение. Совершение таинства Крещения священниками за многовековую историю христианства на Руси, безусловно, приобретаю некоторое этническое своеобразие, всегда было подчинено православным канонам [3]. Однако в обычаях, которые соблюдались мирянами в день крещения новорожденного, этнографы отмечают многообразие территориальных вариантов.

Крещение являлось одним из ключевых действий в социокультурной социализации ребенка. Детей старались окрестить как можно скорее (обычно в течение первой недели жизни): боялись, что ребенок может умереть некрещеным, и тогда его не примет Бог, ему не найдется места в раю. Детей, умерших некрещеными, называли

безыменками (вар. безымянками), нехристью (вар. некрхристью), бескрестниками, собачьими детьми [4].

Если ребенок был очень слаб и жизнь его была в опасности, повитуха могла окрестить новорожденного сама: «Бабка чуёт, что ребенок слаб, помереть может, она его в горшке кстила. Наливает в горшок воды, туда святой добавляет, зажигает три свечки и молитвы читает... Потом над ребеночком молитвы читает и в эту воду его три раза кунает, дает ему имя. Если девочка, то материным именем назвала, а мальчика — отцовым» (с. Вередеревщино Бондарского р-на Тамбовской области, Терина Н. И. 1913 г. р. Запись 1997 г.¹)

В тамбовских говорах этот обряд назывался *крестить в горшке* (*кстить в горшке*), так как повитуха крестила ребенка путем троекратного погружения в горшок с освященной водой. Как правило, это был глиняный большой горшок, который использовался только в особо значимых случаях. В деревнях, расположенных вдалеке от церквей, «крещение в горшке» было распространенным явлением. Во времена борьбы с боговерием в горшках крестили большую часть детей. Такое крещение не замещало церковного, поэтому, если ребенок оставался жив, его следовало при первой же возможности окрестить в церкви по всем правилам.

Праздничный обед в день крещения ребенка в тамбовских говорах, как и в других русских диалектах, назывался *крестины*, *кстины*, *крэзьбины*, *крестильный обед*, *обед*, *веселье* [3; 4; 5, с. 11].

Сроки проведения такого торжества в тамбовской традиции были не устойчивыми и не всегда совпадали с днем крещения новорожденного. Празднование крестин предполагало шумное застолье, веселье, присутствие близких и дальних родственников, соседей, знакомых. Обычно крестильный обед собирали в ближайшее воскресенье или другой православный праздник. Но во время поста крестины не праздновались. Гостей на крестины приглашал отец ребенка. Приглашенные принесли с собой различные продукты питания, хмельные напитки. Главным действием *крестильного обеда* повсеместно была совместная трапеза. За стол садились по старшинству, причем самые почетные места (в переднем углу) занимали крестные родители и повивальная бабка.

Основными угощениями на крестильном обеде, по воспоминаниям старожилов сел Тамбовской области, были большой круглый хлеб из ситной муки и каша. В селах Бондарского, Уваровского, Сосоновского, Тамбовского, Кирсановского районов Тамбовской области такой хлеб называли *караваем*, в селах Рассказовского района — *ржаником*.

Для сравнения приведем следующие данные: в некоторых северных губерниях (например, Костромской) основным блюдом на крестильном обеде были специальные пироги — *кстинники*, *кстинчики* [6, с. 614]. Пирог был

основным ритуальным блюдом на крестинах в некоторых районах Рязанской области: в заключение обеда повитуха подавала гостям на подносе или на тарелке «части сладкого пирога», при этом говорила: «Поздравьте меня, дорогие гости, мне Бог внучка (внучку) послал», после чего все «за пирог» клали небольшие деньги [7, с. 50].

У мордвы главными блюдами на праздничном торжестве в честь рождения ребенка была также крутая каша и блины. Праздничный стол для приглашенных накрывали в бане, где женщина родила ребенка [8, с. 221]. «Как женщина родит, то ее обмывают, и, обмыв, выходит бабушка и рассказывает отцу, сродникам и соседям о рождении младенца, однако еще не допускают никого до роженицы, пока она (повитуха — И.П.) не сделает крутой каши и не напечет блинов и, снарядив оными в бане стол, впускает всех знакомых; потом бабушка по принятому обыкновению молится и дает имя младенцу по своему хотению, а иногда младенец получает имя от того, кто первый бабушке попадет; как скоро наречено будет имя младенцу, тогда бывает и них пиршество, и тем все обряды кончаются» [9, 169].

Видимо, что-то подобное существовало некогда и у жителей Моршанской округи, где соседствовали русские и мордовские поселения: «... наконец непременно каша с маслом... А у роженицы в бане свой пир с подругами» [АРГО²].

Но чаще всего центральным блюдом крестильного обеда на многих русских территориях, в том числе и в районах Тамбовской области (например, Бондарском, Мордовском, Кирсановском, Сампурском, Сосновском), была *каша* (в Гавриловском районе Тамбовской области это были *кашники* — оладьи из предварительно сваренной на молоке пшенной каши: «*Не успеет родить, гладишь, уж на кашники зовут*» — с. Осино-Гай Гавриловского р-на Тамбовской области, Поменская Е. Ф. 1918 г. р. Запись 1994 г.).

Обычно кашу к крестильному обеду готовила (или хотя бы подавала на стол) повитуха. В русских говорах отмечено несколько названий такой каши: *бабина каша* (Смоленская, Владимирская области — 3, с. 45), *крестинная каша*, *повитухина каша* (Рязанская губерния — 7, с. 50; 10, с. 1179), *бабушкина каша* (Пензенская губерния — 10, с. 981). В Орловской губернии угощение кашей называлось *молить кашу*: вся семья торжественно усаживалась за стол, повитуха зажигала свечу перед иконами, ставила кашу и все хором пели молитву «Радуйся, Богородице Дева...» [3, с. 46]. Обычай молить кашу был известен и мордве.

Нередко каша на крестильном обеде была предметом многих ритуальных действий, которые сопровождалась различными приговорами, пожеланиями. Их целью было обеспечение жизнеспособности и здоровья новорожденного, всего растущего в природе, крестьянском хозяйстве [3].

В Орловской области, поднимая горшок с кашей, повитуха произносила: «Родись на полоке ребятки, под полком

¹ Здесь и далее использованы сведения, записанные автором статьи во время экспедиций по Тамбовской области в 1994–2005 гг.

² АРГО — здесь и далее: Архив Российского географического общества (по личным записям-конспектам автора).

телятки, под печкой поросятки, на полу цыплятки. А мой внук расти высоко-высоко!», в Калужской — «Сколько всего в таргу, столько бы было в этом доме: хлебушко бы родился, скоток водился, а младенец велик рос и счастлив был» [3, с. 43]. В Смоленской губернии, когда повитуха вносила горшок с кашей, то все гости вставали и с шумными криками три раза поднимали и опускали стол, выражая пожелание, чтобы новорожденный также рос, как поднимается стол [3, с. 46].

Обряд поднятия каши известен русским центральных и южных губерний, некоторых районов Среднего Поволжья, а также мордве [8, с. 226; 11, с. 94]. В Калужской губернии повитуха брала со стола горшок каши и три раза поднимала его над головой, а отец ребенка или крестный одновременно поднимали колыбель с ребенком, обычно приговаривая: «Дай Бог нашему новорожденному расти высоко, быть здорову и счастливу!» [3, с. 46].

Схожие обрядовые действия совершались во время крестильного обеда и в Кирсановском районе Тамбовской области: в начале обеда свекровь роженицы подносила крестному отцу и крестной матери *каравай*, который те трижды поднимали вверх: «*На обед свекровь ржаной пирог пекла. Все садятся за стол, помолятся и пирог поднимают: отец крестный с матерью крестной берут чашку с пирогом и до трех раз поднимают: «Будь, (называют, там) Иван (или еще как), счастливый, здоровым, расти, почитай отца и мать». А потом обед на стол становятся*» (с. Рамза Кирсановского р-на Тамбовской области, Павлова Н. Ф. 1910 г. р. Запись 1995 г.).

В селах Инжавинского района Тамбовской области был обычай в конце крестильного обеда разбивать горшок с кашей. О схожем обычае сообщают исследователи народных традиций западных и южных губерний России. Но в каждой местности были свои особенности. На западе Смоленской губернии кум должен был бросить горшок так, чтобы он разбился вдребезги с первого раза и каша «выбросилась на стол» — это считалось хорошим предзнаменованием для будущей жизни ребенка. В Курской губернии все сидящие за столом били горшок по бокам ножом до тех пор, пока он не оббивался, при этом круто сваренная каша оставалась нетронутой. Считалось, что горшок нужно было разбить в присутствии младенца, чтобы приучался быть хлебосольным хозяином [3, с. 48].

Повсеместно у русских был распространен обычай кормить отца новорожденного кашей, добавляя в нее малосовместимые компоненты: хрен, лук, соль — в Орловской губернии [10, с. 959], соль, вино, хрен — в Пензенской [10, с. 975], вино, соль, перец, уксус — в Астраханской [10, с. 64], соль — в Рязанской [10, с. 179], Курской [3, с. 46], Тамбовской [12] губерниях. Перец, вино добавляли в этом случае в кашу у мордвы [8, с. 226]. Обычай кормить отца новорожденного пересоленной кашей в Тверской, Орловской, Курской, Пензенской, Рязанской областях назывался *пересол* [3, 46]. Вот как об этом вспоминают крестьянки Кирсановского района Тамбовской области: «*Кашу на стол постаноят, первую ложку повитуха отцу дает. На-*

солит ее и отцу дает: Вот ешь, узнаешь, как детки солно матери достаются». (с. Колаис Кирсановского р-на Тамбовской области, Цыплакова А. Е. 1931 г. р. Запись 1995 г.). Ср: «*Кушай да знай, горько ли, сладко ли было жене родить*» (Тверская губерния) [3, с. 47].

В одном из районов Рязанской области существовал иной, нетипичный вариант этого обычая: повитуха вносила горшок соленой каши и угощала ею всех, начиная с кума и кумы [7, с. 50].

В селе Вередеревщино Бондарского района Тамбовской области сохранились воспоминания об обычаях на крестильном обеде «собирать отдони»: «*На обед кашу варят, щи... Когда горячий обед отойдет — отдони собирают в пустую чашку, в которой каша была, и все ложки туда становятся. Отдони — это значит остатки хлеба, каши, а еще отдоними называют скирды. Отдони к богатству, у богатого скирд, а у бедного — какая же у него отдония*» (с. Вередеревщина Бондарского р-на Тамбовской области, Терина Н. И. 1913 г. р. Запись 1997 г.).

Этнографическая данность: ни один крестильный обед повсеместно на русских территориях не обходился без «одаривания». В селах Тамбовской области обычно повитуха (хотя эту функцию могла выполнять свекровь или крестная мать) ставила на стол две тарелочки и предлагала собравшимся за столом гостям положить в них деньги или подарки для новорожденного и повитухи. Предлагавший собрать деньги произносил какое-либо присловье, например, «*Зародился нагый, много ему надо*», «*Родился гол сокол, вот ему на разживу*» (с. Пахотный Угол Бондарского р-на Тамбовской области, Сопина З. М. 1930 г. р. Запись 1995 г.), «*Ребенку на ботинки, бабушке на лапти*», «*Ребенку на крест, бабушке на мыло*» (с. Графское Бондарского р-на Тамбовской области, Ступникова В. Ф. 1917 г. р. Запись 1996 г.). По негласному правилу больше всего денег должен был положить крестный отец, а крестная мать помимо денег дарила крестнику «*на ризку*» 3 метра ткани.

У русских был также распространен обычай *продажи каши*. Гости платили за кашу небольшую сумму, больше всех — крестные родители новорожденного. В Тверской [3, с. 47], Рязанской, Пензенской [10, с. 975], Костромской [10, с. 647], Нижегородской [10, с. 744] губерниях при сборе денег на кашу клали пирог, в который присутствующие втыкали деньги.

В Тамбовской области подобный обычай был известен в Моршанском районе. Все присутствующие на крестильном обеде должны были воткнуть по монетке в крестильный пирог — «на зубы» новорожденному. Это обрядовое действие называлось «*вставлять зубы*».

В селах Бондарского, Мордовского районов Тамбовской области старожилы вспоминают о том, как на крестильном обеде повитуха предлагала каждому из присутствующих за столом выкупить у нею ложку каши: «*Повитуха на крестины кашу приносила. На стол постновит и говорит гостям: «Это моё. Купите, будете есть*». Каждый

должен ложку каши выкупить» (р/п Бондари Тамбовской области, Гусева М. А. 1910 г. р. Запись 1996 г.).

«Разгонным» блюдом на крестильном обеде во многих районах Тамбовской области была соломата, реже пирог под названием *бабкин зуб* или просто *ситник* (Гавриловский район): «Каша кончена, и вот подали пирог (ржаной круглый, т. е. ситник) на блюде. Это уже не для еды, а чтобы выразить: все. Этот финал бывает всегда в торжественных столах...» [АРГО].

Всем присутствующим на крестильном обеде полагалось больше разговаривать, чтобы ребенок не был немым, веселиться, чтобы у ребенка была счастливая жизнь, поэтому большое место занимали шуточные моменты, а застолье сопровождалось смехом и всеобщим весельем.

В бедных, многодетных семьях крестины проходили незаметно, ограничивались небольшим угощением крестных родителей и повивальной бабки.

В целом традиции проведения праздника, посвященного крещению ребенка, на территориях северных губерний имели существенные отличия от южных. В первых, центральным угощением были пироги, а не каша. Обед не отличался особой торжественностью и обычно не сопровождался специфическими крестинными обрядовыми действиями. Праздничный характер имело угощение лишь по случаю крещения первого ребенка. Из северных регионов сведения этнографов об угощении «бабиной кашей» на крестильном обеде — единичны [6, с. 615]. Никаких обрядовых действий с бабиной кашей не совершалось. Однако жителям северных территорий России

был известен обычай *идти с пупком*, когда недавно жившиеся родственники приходили на крестины лишь в случае рождения мальчика. Гости несли с собой пироги, мясо, пиво, бутылку вина и рюмку [6, с. 615]. В Пермской области существовал обычай празднования рождения младенца под названием *ходить на кашу*, в котором, по мнению Т. А. Листовой, можно усмотреть некоторые аналогии с обычаем устраивать крестильный обед, крестины, но также и с обычаем проводить рожицу в первые дни после рождения ребенка [там же].

Терминологический ряд этого участка родильно-крестильного обрядового комплекса представлен следующим перечнем слов и словосочетаний *собирать крестины, крестины, крезбины, кстины, крестильный обед, крестильная каша, бабкин зуб, кашники, каравай, ржаник*. Связь ключевой семантики обряда «крестины» такими терминами как *бабкин зуб, кашники, каравай, ржаник* можно утверждать только гипотетически. Это может быть свидетельством того, что современный нам обрядовый текст является результатом распада более древнего, важные части которого утрачены, либо вытеснены новыми смыслами, не нашедшими адекватной формы лексического выражения.

Своеобразие крестильных обрядов, бытовавших на территории Тамбовской области в к. XIX — н. XX вв., проявляется в контаминации элементов, известных в южных, северных, поволжских областях России, а также у мордвы, и обосновывается фактами из истории заселения Тамбовского края.

Литература:

1. Евтихиева Л. Ю., Фурсова С. В., Моисеев Н. Б. Археология, этнография, культура Тамбовского края. Тамбов: ИПКУ, 1998. Вып. 1.
2. Мизис Ю. А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках. Тамбов, 1990.
3. Листова Т. А. Ребенок в русской семье. Рождение, крещение // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка / Отв. ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1995. С. 8–59.
4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука. Вып. 1, 1965. И последующие.
5. Семенова-Тян-Шанская О. П. Жизнь «Ивана»: Очерк из быта крестьян одной из черноземных губерний. Репринтное издание. Рязань: Изд-во РГПУ, 1995.
6. Русский Север: этническая история и народная культура. М. Наука, 2001.
7. Листова Т. А. Материнство и детство: представление и практика (по материалам Рязанского края в XIX-XX вв.) // Православие и традиционная культура Рязанской области. Рязанский этнографический вестник. Рязань, 2001. С. 22–70.
8. Федянович Т. П. Родильные обряды мордвы (конец XIX-XX вв.) // Обычаи и обряды, связанные с рождением ребенка / Отв. ред. Ю. Б. Симченко, В. А. Тишков. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 1995. С. 217–244.
9. Лепёхин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъютанта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства. В 4 ч. При Имп. Акад. Наук, СПб., 1771. Ч. 1.
10. Зеленин Д. К. Описание рукописей ученого архива Императорского Русского географического общества. СПб., 1915.
11. Баранов Д. А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам): дисс... канд. истор. наук. СПб., 1999.
12. Поповичева И. В. Структура и семантика родильно-крестильного обрядового текста (на материале тамбовских говоров): дисс... канд. филол. наук. Тамбов, 1999.

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Научно-исследовательская, музеографическая и культурно-образовательная деятельность Томского областного краеведческого музея (1990–2010 гг.)

Григорьева Светлана Евгеньевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель
Томский государственный университет

Изменения политической, экономической и социокультурной ситуации в России, приобретшие кардинальный характер на рубеже 1980–1990-х гг., затронули все направления музейной деятельности. Музей, наряду с другими учреждениями культуры, стал полноправным субъектом рыночных отношений, поэтому поиски новых форм работы стали важным аспектом интеграции музея в современные социально-экономические отношения.

С начала 1990-х гг. научно-исследовательская и образовательная работа в Томском музее получила новый импульс, издательская, методическая деятельность стали определяющими. В 1994 г. Томский государственный объединенный историко-архитектурный музей (ТГОИАМ) возобновил выпуск «Трудов музея», приостановленный в 1962 г. На протяжении последующих полутора десятка лет было выпущено 9 томов «Трудов музея», в которых сотрудники музея, а также авторы из Томского государственного университета (ТГУ) и других вузов освещали отдельные сюжеты из истории Томского краеведческого музея, формирования его фондов и коллекций, организации экспедиций.

Кроме того, сотрудники музея участвовали в написании и издании ряда других статей, сборников и монографий. В 1995 г. в музее был подготовлен сборник научно-популярных статей «Земля Асиновская». Этот сборник открыл серию изданий «Земля...», посвященных отдельным районам Томской области и вышедших по инициативе и под редакцией сотрудника музея Я. А. Яковлева. Всего было выпущено около десяти сборников, в которых участвовали и сотрудники музея, и другие томские историки и краеведы. Одновременно с коллективными краеведческими выпусками Я. А. Яковлев подготовил несколько ярких авторских изданий [1, 2]. Кроме того, Я. А. Яковлев выступал как главный редактор краеведческого альманаха «Сибирская старина», который в 2001–2005 гг. выходил под эгидой Томской областной библиотеки им. Пушкина и ТОКМ.

Важно подчеркнуть, что в музее проводились научные исследования не только с опорой на письменные источники. На рубеже веков появилось осознание значимости музейных предметов как вещественных источников, которые обеспечивают достоверную информацию для из-

учения исторического прошлого. В 2000 г. вышло первое в истории Томского музея иллюстрированный альбом, подготовленный Е. А. Андреевой, в котором были опубликованы изобразительные источники, извлеченные из фондов музея, — фотографии, живописные работы, планы и фрагменты архитектурных проектов. Не хуже письменных текстов, а в ряде случаев и полнее, и более впечатляюще, музейные источники раскрывали тему работы [3]. В 2003 г. в Томском краеведческом музее были подготовлены две работы, опирающиеся на изобразительные и вещественные источники. Первая из них, «Ларях — народ с заливных лугов», создавалась сотрудниками ТОКМ совместно с правительством и департаментом культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа и рассказывала о ваховских хантах, используя по преимуществу экспонаты из этнографической коллекции Томского музея [4]. Вторым изданием стал альбом «Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее», который охватил все многообразие деятельности музея за первые 80 лет его жизни, и над которым работали практически все сотрудники музея. Языком письменных, вещественных и изобразительных источников авторы этой работы раскрыли важные моменты истории музея, его коллекции, показали вклад руководителей и рядовых сотрудников в его становление и развитие [5].

В наибольшей степени новый подход к изучению прошлого, раскрытие исторических фактов и событий через призму изобразительных и вещественных источников, был реализован в фундаментальном издании «Томск: история города в иллюстрациях», созданном на паритетных началах сотрудниками Томского государственного университета и Томского областного краеведческого музея [6]. Этот труд, представляющий иллюстрированную историю повседневности Томска в продолжение 400 лет его исторического пути, вызвал большой общественный резонанс, стал главным событием юбилейных торжеств в городе в 2004 г. Несомненно, издание этого и других научных и научно-популярных трудов с участием музейных сотрудников, с привлечением музейных источников свидетельствовало о возросшем значении ТОКМ как научного учреждения.

Об укреплении научного характера деятельности Томского музея говорили и участие музейных сотрудников

в научных конференциях. Известно, что в течение изучаемого в данной главе периода сотрудники ТОКМ выступали на научных конференциях не менее 80 раз. Важно отметить, что на рубеже столетий ТОКМ стал организатором собственных научных конференций. Первая из них была проведена в мае 1995 г. и имела характер внутри-музейной, участники ее рассматривали итоги работы коллектива за предыдущий 1994 г. [5. С. 79] В дальнейшем такие обсуждения получили научный характер и стали называться Шатиловскими чтениями, которые ныне проводятся регулярно как межрегиональная научно-практическая конференция. (Чтения проводились 18–19 марта 1996 г., 17–18 марта 2000 г., 4 июня 2002 г., 3 июля 2003 г., 16–18 мая 2007 г., 16–17 июля 2009 г.) К участию в Шатиловских чтениях привлекаются студенты, аспиранты, преподаватели вузов, сотрудники архивов и библиотек Томской области, краеведы, они рассматривают вопросы музеологии, исторического краеведения, истории культуры и др. Материалы Шатиловских чтений публикуются в «Трудах Томского областного краеведческого музея» [7. С. 34].

В 2002 г., когда ТОКМ праздновал 80-летие со дня открытия первой экспозиции, юбилейная дата была отмечена организацией и проведением торжественного заседания, на котором присутствовали представители Совета музеев Сибири, ученого совета Томского краеведческого музея. Одновременно при поддержке ТГУ и под руководством директора музея Э. И. Черняка была организована и проведена Всероссийская научная конференция «Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе». В конференции приняли участие более 100 специалистов из Томска, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Новосибирска, Омска, Кемерово, Нижневартоска, Абакана, Красноярска, Улан-Удэ, Владивостока. Первая столь представительная научная конференция, организованная ТОКМ, показала рост интереса исследователей к музейной тематике, а также и возрастание научного авторитета самого Томского краеведческого музея, что хорошо видно по материалам тематического сборника, вышедшего по завершении конференции [8]. По признанию очевидцев, и столь масштабная конференция, и сборник ее материалов стали событием в профессиональном сообществе музеологов.

В мае 2003 г. ТОКМ совместно с Межрегиональным институтом общественных наук ТГУ (МИОН ТГУ) и при активной поддержке крупнейшей отечественной профессиональной ассоциации специалистов по информационным технологиям в отрасли культуры — некоммерческого партнерства «Автоматизация деятельности музеев и информационные технологии» (НП АДТИ) — провел Всероссийскую научно-практическую конференцию по информационным технологиям в музеях. В ней участвовали ведущие специалисты по музейной информатизации из Москвы, Ярославля, Рыбинска, Саратова, Нижнего Новгорода, Пскова, Новосибирска, Кемерово, Красноярска, Барнаула, Омска. Участники конференции дали

высокую оценку работам по информатизации ТОКМ, отметили перспективы Томской области как территории прорывного музейного развития. На конференции прозвучало предложение сделать томские конференции по информационным технологиям в музеях регулярными. И действительно, в сентябре 2004 г., затем в ноябре 2005 г. в Томске состоялись вторая и третья конференции по информационным технологиям в музеях в том же формате. Материалы всех трех конференций были опубликованы в одном сборнике «Музей и современные технологии» (Томск, 2006) [9, 10].

В первой половине 2000-х гг. сотрудники ТОКМ активизировали участие в конкурсах различных отечественных и зарубежных научных фондов. В 2000–2004 гг. в Томском областном краеведческом музее было выполнено свыше 20 проектов, получивших грантовую поддержку научных фондов. Так, в 2000–2003 гг. значительная часть сотрудников ТОКМ участвовала в выполнении мегапроекта «Встречи на границах», в ходе которого была начата обработка и оцифровка музейных материалов по истории освоения Сибири русскими с целью последующего их размещения на сервере Библиотеки Конгресса США в Вашингтоне. Одновременно музей участвовал в реализации программы «Мировая культура в сибирских музеях, сибирские музеи — мировой культуре», выступал в роли хранителя и исследователя многих музейных шедевров, имеющих мировое значение [11. 22 авг.].

Со второй половины 1990-х гг. наряду с научно-исследовательскими в Томском краеведческом музее развернулись музеографические работы по описанию музейных коллекций, составлению каталогов и подготовке их к изданию. В 1996 г. вышел в свет каталог «Старопечатные книги Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея» [12]. Позже силами университетских специалистов был подготовлен каталог «Старообрядческая библиотека Нифантовых» [13].

В 1998 г. были составлены каталоги этнографических фондов ТГОИАМ «Народы Сибири: ханты, селькупы» и «Старообрядческая коллекция в фондах ТГОИАМ» [14. Л. 5]. В 2001 г. был издан каталог «Хантыйская коллекция Томского областного краеведческого музея», составленный Н. А. Тучковой [15]. По мнению специалистов и пользователей, он является одним из лучших подобных изданий, включает описание предметов хантыйской коллекции Томского и Колпашевского краеведческих музеев, которые характеризуют васюгано-ваховскую группу ханты. В 2002 г. вышел каталог «Самопрялки из фонда Томского областного краеведческого музея» [16]. В 2004 г. серия пополнилась каталогом «Этнографические фотографии И. С. Фатеева с р. Тым 1938–1940 гг. из фондов Томского и Колпашевского краеведческих музеев», составленным Ю. К. Рассамахиным, Я. А. Яковлевым [17].

Подготавливались и издавались каталоги музейных предметов и коллекций по зоологии и палеонтологии: «Зоологические коллекции позвоночных животных

ТОКМ», «Коллекции четвертичных млекопитающих ТОКМ» и др. [18] Вышел объемный каталог «Карты и атласы Томского областного краеведческого музея», подготовленный И. В. Козловой [19].

Помимо каталогов музейных собраний, сотрудница ТОКМ Т. Ю. Назаренко подготовила описание выставки «Дочери Сарры», посвященной истории сибирских евреев [20].

В 2000-х гг. в ТОКМ развернулось создание электронных каталогов, описывающих различные музейные коллекции: «Фотолетопись на излете традиционной селькупской культуры» (составители Я. А. Яковлев и Ю. К. Рассамахин), «Личные фонды исследователей Сибири в ТОКМ» (Д. В. Загоскин, В. А. Муравская, Г. С. Гурьева, Л. А. Тимофеева, А. А. Пономарев), «Картографическая коллекция в фондах ТОКМ» (М. В. Ефремова, И. В. Козлов, А. А. Пономарев). В 2002 г. вышел первый компакт-диск выставки «Дочери Сарры», в дальнейшем на компакт-дисках было выпущено еще 2 каталога, 3 виртуальные выставки, виртуальный фотоальбом, видеофильм и т. д. Ряд электронных изданий был посвящен изучению коллекций музея, национальным праздникам, истории Томска и др. [21. С. 51–58].

Столь значительное в количественном и качественном отношении формирование совершенно нового для ТОКМ да и других музеев Сибири направления музеологии, конечно же, говорило о новизне научных подходов, о музейных инновациях, которые развивались благодаря применению новейших информационных технологий, компьютеризации музейной деятельности.

Значительные перемены в научной работе музея повлияли и на такое направление музейной деятельности, которое в советские времена называлось культурно-просветительным и даже политико-просветительным, а в 1990-х стало именоваться культурно-образовательным [22. С. 311]. Характерно, что в ТОКМ, как уже отмечалось, был создан специальный культурно-образовательный отдел, который возглавляла до 1996 г. Н. Л. Сеникова.

В музее организовывались различные мероприятия культурно-просветительной направленности, велась подготовка и раздача рекламных листов с информацией о музейных выставках, пригласительных билетов на выставки. Активизировалось сотрудничество Томского краеведческого музея со средствами массовой информации: в 1995 г. была подготовлена программа «Телевизионное знакомство с Томским областным краеведческим музеем» [23. Л. 3]. Сотрудники музея все чаще подготавливали информацию для газет «Томская неделя», «Все для вас», «Красное знамя», для радиоканалов. Одним из самых перспективных направлений музейной образовательной деятельности стало создание сайта Томского музея в Интернете, виртуальных выставок.

С созданием особого культурно-образовательного отдела в Томском музее его сотрудники обратились к разработкам образовательной концепции в других российских

музеях и выяснили главное: музей представляется одним из важнейших факторов развития человека, его вкуса, воображения, познавательного и творческого потенциалов. Поэтому в музее необходимы преимущественное развитие диалоговых форм общения с аудиторией, ориентация на индивидуальные предпочтения, творческие склонности посетителей музея и, как следствие, необходимость изучения музейного посетителя — его запросов, требований, пожеланий, восприятия им экспозиции [22. С. 311, 24. С. 5–16, 25 С. 397].

Опираясь на имеющиеся в музеологической литературе наработки, сотрудники ТОКМ приступили к разработке и осуществлению разнообразных форм культурно-образовательной деятельности. Они включали экскурсионные абонементы по краеведческой экспозиции для младших школьников, для учащихся средних и старших классов общеобразовательных школ, предполагавшие проведение экскурсий как сотрудниками музея, так и учителями. Обладатели студенческих абонементов получали новые знания за счет вовлечения музейных материалов в университетские лекционные курсы.

С 2000 г. в ТОКМ был организован выездной краеведческий лекторий, в котором читались авторские лекционные курсы по краеведению и фондовым собраниям музея. Одновременно разрабатывались интерактивные программы в экспозициях и выставках. Так, на базе общеобразовательных учебных заведений организовывались конкурсно-познавательные программы с привлечением музейной информации. Пользовались популярностью культурно-досуговые программы «Музейный сад», «Каникулы в музее», «Международный день музея», «День рождения ТОКМ», «Творческий музейный вечер». Проводились «Музейные туры», то есть организация туристско-экскурсионных маршрутов с включением музейных и внемузейных объектов показа, в том числе туры с посещением филиалов ТОКМ и других музеев. Организовывались «Музейные классы», на посетителей которых были рассчитаны учебные программы по обучению традиционным технологиям, народным ремеслам и др. Осуществлялись интерактивные программы — участие в проведении экологической программы, посвященной Дню птиц и Дню земли [26. Л. 20, 27. С. 207–213].

Начиная с 1990-х гг., Томский краеведческий музей стал одним из организаторов краеведческих программ среди учащихся образовательных учреждений Томской области. Программа «Люби и знай свой город и край», разработанная по инициативе Дома творчества юных при поддержке краеведческого музея, начала реализовываться в 1997 г. и с тех пор осуществляется ежегодно. Вторая программа — «Энциклопедия томских деревень», заключающаяся в подготовке учащимися рефератов по истории сел Томской области и защите их на конференциях юных краеведов, реализовывалась с 1999 г. Нужно заметить, что в ходе конкурсов и программ собирался краеведческий материал, который использовался затем в учебной и внешкольной работе. Именно с такими целями силами ТОКМ

было организовано несколько краеведческих семинаров, на которых музейные работники обучали школьных учителей методике сбора и обработки краеведческой информации, комплектованию естественно научных, этнографических коллекций [28. С. 118–124].

Наряду с образовательными программами сотрудники ТОКМ принимали непосредственное участие в проверке работы общественных музеев, оказывали им методическое и практическое содействие в оформлении экспозиций и налаживании учета и хранения фондов [29. Л. 22]. Так, в 1990 г. они спроектировали и создали музей в с. Новорождественке Томского района, музей истории улицы имени Н. Н. Яковлева в томской средней школе № 31 [30. Л. 103]. В 1999 г. сотрудники Томского музея разработали проекты и участвовали в создании экспозиций музея истории Томской областной клинической психиатрической больницы, в 2001 г. — музея УВД по Томской области, Нарымского музея политической ссылки и домика И. В. Сталина в Нарыме, в 2003 г. — музея под открытым небом «Уголок селькупской старины» в Нарыме, в 2004 г. — музея истории Томской областной прокуратуры, в 2005 г. — музея истории образования Томского района в п. Кисловке, музея истории Лицея молодежной моды, в 2006 г. — музея истории спорта Томского района в п. Кисловке [31. Л. 1–3, 32. Л. 1].

С начала 2000-х гг. ТОКМ становится культурно-образовательным и научно-методическим центром межрегионального и общероссийского значения. Так, например, в 2001 г. ТОКМ совместно с ТГУ и общественной организацией «Ассоциация «Открытый музей»» (г. Красноярск) принимал у себя участников проекта «Музейный квартал», посвященного новым технологиям проектирования и продвижения музейных экспозиций. В Томском краеведческом музее собралось более 40 специалистов экспозиционного проектирования и PR-технологий из России, Румынии, Армении, Казахстана. Выполненные в здании ТОКМ и даже на прилегавшей к нему части проспекта Ленина некоторые музейные композиции носили явно авангардистский характер и скорее эпатажировали, чем

привлекали. Тем не менее инновационные PR-технологии были налицо, и им стоило поучиться [11. 22 авг.].

В 2004 г. Томский краеведческий музей совместно с Немецкой службой академических обменов (DAAD) и при поддержке Томского государственного университета организовал занятия российско-германской проектной мастерской по формированию предложений музейных услуг. В ходе международной музейной встречи германские специалисты провели специальные курсы для студентов ТГУ, обучающихся по специальности «музеология». Тут надо отметить, что с 2002 г., когда в ТГУ открылась новая кафедра музеологии, ТОКМ, по сути, функционировал как экспериментальная площадка для развития музеологического направления в научно-исследовательской и образовательной практике: директор музея Э. И. Черняк (а затем сменивший его на руководящем посту В. Н. Бударин) и научные сотрудники Н. Л. Сенюкова, Ю. К. Рассамахин, М. В. Ефремова, Т. П. Смердина, С. И. Зоркальцева, О. П. Галанова и др. читали лекционные курсы для студентов ТГУ, руководили студенческими практиками, предоставляли фондовые материалы для выполнения курсовых и дипломных работ, а затем и трудоустроивали некоторых выпускников.

Настоящим прорывом в развитии Томского краеведческого музея стало широкое применение информационных технологий в музейной практике, в исследовательской и музеографической работе. Это способствовало подготовке и изданию значительного количества исследовательских работ, а научно-исследовательские направления стали ведущими в деятельности музея. ТОКМ заявил о себе как о крупном научном центре в области музейного источниковедения, исторического краеведения, применения новых технологий в музейной практике. Благодаря этому музей смог демонстрировать свои коллекции в Интернете, в музейных залах, а также участвовать во всероссийских и международных выставочных проектах. На новый уровень поднялась культурно-образовательная деятельность, все более привлекающая в музей посетителей, расширяющая музейную аудиторию.

Литература:

1. Яковлев Я. А. Томский областной краеведческий музей / Я. А. Яковлев // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. — Томск: Изд-во НТЛ, 2004. — С. 368–369;
2. Яковлев Я. А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место / Я. А. Яковлев. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 274 с.
3. Усадьба И. Д. Асташева — Томский областной краеведческий музей / Томский областной краеведческий музей, Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории археологии и этнографии Сибири ТГУ; сост. е.А. Андреева, науч. ред. Э. И. Черняк. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 48 с.
4. Лар-ях — народ с заливных лугов: Этнографическая коллекция ваховских ханты в Томском областном краеведческом музее: Альбом / Н. А. Тучкова, А. Г. Тучков; Отв. ред. Я. А. Яковлев. — Томск: ГалаПресс, 2003. — 79 с.
5. Томский областной краеведческий музей: из прошлого в будущее: Альбом / Отв. ред. Э. И. Черняк. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — 182 с.
6. Томск: История города в иллюстрациях. 1604–2004 / Сост. О. В. Патрина, Н. М. Дмитриенко; науч. ред. Э. И. Черняк. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — 600 с.

7. Научно-практическая конференция «Шатиловские чтения»: Буклет. Томск, 2009.
8. Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: материалы Всероссийской научной конференции / Томский государственный университет, Томский областной краеведческий музей и др.; отв. ред. Э. И. Черняк. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 419 с.
9. Музей и современные технологии: материалы Всероссийских научных конференций (Томск, 20–23 мая 2003 г., 20–24 сентября 2004 г., 19–22 ноября 2005 г. Том. гос. ун-т, МИОН; отв. ред. Э. И. Черняк. — Томск Изд-во Том. ун-та, 2006. — 299 с.
10. В ноябре 2010 г. в Томске была проведена очередная встреча с участием представителей НП АДТИТ: в ТГУ силами кафедры музеологии, культурного и природного наследия была организована Всероссийская конференция с международным участием «Источники и информационные технологии в презентации и трансляции культурного наследия» (См.: Жуковская А. Сохранение прошлого — задел для будущего // Alma Mater. Томск, 2010. 30 нояб.).
11. Красное знамя. 2003.
12. Старопечатные книги Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея: Каталог / Сост. О. Н. Бахтина при участии Н. Ж. Ветшевой. — Новосибирск, 1996. — 177 с.
13. Старообрядческая «библиотека Нифантовых» из фондов Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. О. Н. Бахтина, Е. Е. Дутчак, Е. Г. Захарова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — 102 с.
14. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 923.
15. Хантыйская коллекция Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. Н. А. Тучкова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 185 с.
16. Самопрялки из фонда Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. Е.Р. Фендель. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 119 с.
17. Каталог этнографических фотографий И. С. Фатеева с р. Тым 1938 и 1940 гг. из фондов Колпашевского и Томского краеведческих музеев / Томский областной краеведческий музей; сост. Ю. К. Рассамахин, Я. А. Яковлев. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — 105 с.
18. Коллекции четвертичных млекопитающих Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. А. В. Шпанский. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 100 с.
19. Карты и атласы Томского областного краеведческого музея: Каталог / Сост. И. В. Козлова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 154 с.
20. Выставка «Дочери Сарры»: Каталог / Томский областной краеведческий музей; сост. Т. Ю. Назаренко. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 102 с.
21. Загоскин Д. В. Музейная торговля. Опыт Томского областного краеведческого музея / Д. В. Загоскин // Справочник руководителя учреждения культуры. — М., 2005. № 1. — С. 51–58.
22. Юхневич М. Ю. Культурно-образовательная деятельность / М. Ю. Юхневич // Российская музейная энциклопедия: В 2 т. Т. 1: А — М. — М.: Прогресс, РИПОЛ КЛАССИК, 2001. — С. 311–312.
23. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 754.
24. Коссова И. М. Культурно-образовательная деятельность музеев. Тенденции и перспективы / И. М. Коссова // Культурно-образовательная деятельность музеев. Сб. трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика» кафедры музейного дела) / Институт переподготовки работников искусства, культуры и туризма Российской Федерации. — М.: АО «Астра семь», 1997. — С. 5–16.
25. Кулямзина С. В. Культурно-образовательная деятельность в музеях России на современном этапе / С. В. Кулямзина // Русский вопрос: история и современность: Материалы IV международной научно-практической конференции / Отв. ред. М. А. Жигунова, Т. Н. Золотова. — Омск: Наука, 2007. — С. 397–399.
26. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 1324.
27. Сеньюкова Н. Л. Размышления в поисках концепции культурно-образовательной деятельности Томского областного краеведческого музея / Н. Л. Сеньюкова // Труды Томского областного краеведческого музея / Отв. ред. Л. И. Боженко. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. Т. 12. — С. 207–213.
28. Сеньюкова Н. Л. Краеведческие программы Томского областного краеведческого музея / Н. Л. Сеньюкова // Музейные фонды и экспозиции в научно-образовательном процессе: Материалы Всероссийской научной конференции. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — С. 118–124.
29. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 730.
30. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 699.
31. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 561.
32. Архив ТОКМ. Оп. 1. Д. 562.

Воспитание донских казаков на рубеже конца XIX — начала XX веков

Изотов Игорь Витальевич, учитель истории и обществознания
МБОУ «Лицей №1 Брянского района» (г. Брянск)

Казацкие семьи были многочисленны. Средняя численность детей-казачат в конце XIX — начале XX веков составляла девять-одиннадцать человек. История не оставила нам написанных правил и форм семейного и общинного воспитания казаков. У казаков не имелось и четко написанных рекомендаций в воспитании подрастающего поколения. Основой жизни казачества была охрана рубежей российского государства. Нелегкий военно-земельный уклад жизни требовал от казаков быть всегда в постоянной, боевой готовности, хорошей физической форме, выносливыми, мужественными, нести одновременно тяготы военной и хозяйственной деятельности.

Рождение ребенка всегда радостное событие для родителей и родных. С особой радостью встречали в казачьей семье рождение мальчика. Родился мальчик — прибыль, семья получает земельный надел, а девочка — убыток, разорительница. Ребенка клали на отцовскую рубаху на порог дома и отец в присутствии членов рода или брал ребенка, как признание отцовства, или перешагивал — отрицал.

О выборе крестных кровные родители заботились заранее. Крестного подбирал отец — это должен быть человек надёжный, у которого было чему поучиться. Это он в первую очередь формировал дух казака. Немаловажный фактор было и то, что и крестный отец и крестная мать должны быть способны участвовать в воспитании ребёнка — жить недалеко от крестника.

Крестную подыскивала кровная мать из числа своих подруг желательно хотя бы немного старше её возраста.

Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крестного — он делал из казака воина. Главная же задача крестной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке, как к жене, матери и хозяйке.

Если же родилась казачка, то основную роль выполняла крестная. Она формировала из девочки женщину-казачку, как умеющую ждать жену, терпеливую мать и добрую хозяйку. Крестный в данном случае формировал в казачке отношение к казаку, как к воину-защитнику, как к мужу, отцу и главе семьи.

После крестин казачку клали шашку, кинжал или пулю (раньше стрелу), что называется «на зубок». И наблюдали за его реакцией: если начнёт с ней играть — добрый будет казак, если же расплечется — есть над чем задуматься.

Когда у младенца прорезывался первый зуб, отец и мать возили его в церковь служить молебен Иоанну Воину, чтобы из сына вырос доблестный и храбрый казак. Крестный сажал мальчика на коня на шелковый платок и провозил вокруг церкви 3 раза. Если ухватился

за гриву — быть казаком, расплечется — не быть казаку, а упадет — быть убитому в бою. Эту весть крестный держал втайне.

В годик мальчику первый раз стригли волосы и сжигали их в печи. И ещё один обряд совершался в год от рождения. Собирались все мужчины рода и вели ребенка на священное место своей станицы — «урочище». Там совершались действия, позволяющие передать на духовном уровне силу и знания рода новому поколению.

Посвящение в казаки происходило в 3–4 года. Собиралась вся родня. Проводился обряд пострижения. Затем отец сажал сына на коня и даже давал в руки шашку. И проводил коня по двору кругом или по улице. Затем верхом везли казачонка в церковь, где служили молебен.

С этого времени казаченок мог сам ездить верхом, а пятилетние вовсю скакали по улице.

Детям с рождения постоянно внушались идеалы строгой доброты и послушания, совестливости, справедливости, прилежания к труду. Воспитание трудолюбия, честной воинской службы, порядочности.

С малых лет родители приучали детей рано вставать, самим одеваться, убирать постель, помогать по хозяйству, пришить пуговицу, поставить заплатку на одежде, забить молотком гвоздь в доску забора, спутать и зануздать лошадь. В труде вырабатывались сноровка, сообразительность, крепость мышц. С семилетнего возраста на казачат возлагали посильные работы — уход за домашней птицей, прополку сорняков, уборку во дворе и по дому.

До 7–8 лет казачек жил на женской половине дома — куреня. В этот момент воспитание шло и от женской части семьи и от мужской. В основе ее лежала наглядность, личный пример старших. На стене в курене шашка отцовская или дедовская. Нагайки у двери и в руках казаков. Лампасы, папахи, фуражки на близких ребенку людях. Кресты и медали на груди деда, отца, дядьки или крестного.

И, естественно, вопросы: что это и зачем это. И ответы старших на них: лампас — это символ казака, шашка это наше казачье оружие и символ казачьей воли, конь — это друг и товарищ казака, кресты и медали — это отличие за участие и подвиги в военных компаниях. А ещё сказки, песни, пословицы и поговорки из уст старших. Станичные праздники, где казаки и казачки поют, пляшут — кто лучше. Состязания в кулачных боях, в стрельбе, в скачках и джигитовке, в фехтовании. Всё это происходит перед глазами мальчика-казака.

В этот период мужчины следили за тем, как формируется будущий казак. Женщинам всё меньше позволяли сюсюкаться с ним: «Не портьте, бабы, казака!»

И тогда в ребенке постепенно складывалось убеждение, что то, о чём поют и что говорят старшие, то они

и делают, такие же поступки и совершают. И это всё настоящее. И так же будет поступать он сам.

Ну и, ко всему прочему, игру на улице со сверстниками. Игры были устоявшиеся веками, и естественно направленные на развитие казачат. Практически все они проходили под присмотром станичных, хуторских стариков, которые строго следили за поведением каждого из казачат. И в том случае, если кто-то вёл себя недостойно, старики вдохновенно наставляли и поправляли нерадивого.

Как только ребенок начинал понимать, ему старшие давали почувствовать привлекательность добра и прививали отвращение к злу. Духовно-нравственное воспитание на основах православной церкви становилось обязательным фактором. Приобщение к религии и осмысление веры в казачьих семьях начиналось с раннего возраста. Дети в 5–6 лет обязаны были перед сном вместе с бабушкой, бабушкой, отцом, матерью, стоя на коленях перед иконами читать молитвы с обращением к Богу. Все это делалось постоянно, в результате чего у детей в казачьих семьях с малолетства вырабатывалась вера в Божьи законы, восприятие жизненных проблем страх позора. Одновременно с этим детей учили отличать истинную правду от ложной, героическое от трусости, свободу от рабства. Казачи с ранней поры приучались к семейной жизни, уважению старших по возрасту. «Почет к старшим и в особенности испытанным в боях воинам был обязанностью для молодого поколения. Молодежь не имела права садиться в присутствии стариков». Добрые семена воспитания уважения к старшим становились обязательным обрядом. Нарушений почтения и уважения к старикам-казачам в станицах не наблюдалось.

В 7 лет казачка переселяли в мужскую половину куреня. Бритоголовым он впервые с мужчинами шел в баню, затем к исповеди. А дома в последний раз ел детские сладости. После этого переходил на мужскую половину, в комнату старших братьев. Они осматривали его одеяло и подушку и выбрасывали их, если оно оказывались слишком теплыми и мягкими. «Учись служить» — говорили ему, — «ты теперь не дите, а пол-казака». С этого времени начиналась подготовка ребенка к суровой мужской жизни. И еще: наступало время запрета ругать его женщинам.

С 7 лет главная роль принадлежала крестному. Именно он по большому счёту обучал ребенка казачьей науке. Но кровный отец был как бы руководителем этого процесса. Крестный и кровный отцы как бы дополняли друг друга. Родной отец мог быть излишне мягок в отношении своего сына. Крестный же мог быть излишне суров. Поэтому родной отец останавливал крестного, когда дело могло принять опасный оборот, а крестный не давал отцу жалеть сына.

С семи лет начинали учить стрелять, рубить шашкой с десяти. Сначала спускали тонкой струйкой воду и «ставили руку», чтобы клинок под правильным углом резал воду, не оставляя брызг. Потом учили «рубить лозу», сидя на коновязи, на бревне, и только потом на боевом коне,

по-боевому, по-строевому осёдланном. В это же время учили рукопашному бою. Передавая особые, в каждом роду хранящиеся приёмы.

С 12 лет казачонка начинали водить на круг — сход казачков и другие общественно значимые мероприятия. Его основная задача — смотреть и запоминать.

В это же время учили правильно оценивать жизненную ситуацию. Казачи знали, что в каждом явлении, событии, происшествии заложены конфликты, поэтому молодое поколение обязано действовать так, чтобы во всем были лад и порядок. Конфликты могут быть не только семейными, но и при столкновении противоположных взглядов, стремлений, спорах, серьезных разногласиях. Такое положение дел учитывалось старшим поколением, и при воспитании казачат отмечалось, что все это зло и его следует избегать. С этой целью приводилось множество примеров из их семейного рода и тех предков, которые пользовались уважением всего станичного общества, учили быть похожими на них.

В это же время учили жить своим умом и сочувствовать близким. Детям внушали, что себялюбие может привести к отрицательным жизненным ситуациям. Особенно зорко следили в каждом казачьем роду, чтобы ребенок не был заражен завистью.

С конца XIX века среди казачков получила распространение практика проведения лагерных сборов, на которых казачок должен был являться на своей лошади, вооруженный с шашкой и пикой. Сборы проводились по специально разработанной учебной программе. На заключительной их стадии атаман отдела проверял подготовку казачков к предстоящей службе. По окончании учебы командование военного округа устраивало инспекторские проверки в виде войсковых учений. Только после этого молодой казачок, приняв присягу, мог оказаться на действительной службе.

По достижению призывного возраста, молодых казачков зачисляли в подготовительный разряд. Теперь главным занятием для них являлась подготовка к службе в строевых частях. Казачи подготовительного разряда за три года до выхода на службу изучали уставы, наставления, оружие и его боевое применение, проходили курс ведения боя в пешем порядке и конном строю, учились преодолевать сложные препятствия, овладевали приемами джигитовки и рубки лозы. Немало времени отводилось на обучение лошадей, на которых казачкам предстояло служить. Полученные знания закреплялись на сборах в военно-полевых лагерях. Для этой цели от регулярных частей армии откомандировывались наиболее подготовленные офицеры, способные на высоком профессиональном уровне проводить занятия. Учебная программа сборов была максимально приближена к тому, чему обучали в действующей армии. Как правило, в конце сборов проводилось полковое учение, и объявлялся строевой смотр. Приобретенные умения и навыки оценивала специальная комиссия, состоящая из представителей командования казачьих войск и стариков станиц, откуда

были родом призывники. После окончания лагерных сборов происходила жеребьевка, определялось, кому из казаков предстояло идти на службу в первоочередные полки.

Таким образом, по достижению 21 года казак являлся на службу «конно, при оружии», обладая уже необходимыми моральными и боевыми качествами, полученными в процессе становления казака воина.

«Житие протопopa Аввакума...» — реконструкция личной жизни, как предпосылка познания исторического социума

Яковлева Валентина Львовна, учитель
ГБОУ гимназия № 1590 (г. Москва)

От этой книги пахнет дымом костра, на котором сожгли ее автора. Непременный признак всякого великого произведения — страстность (гениальность и бесстрастность — понятия несовместимые). Автобиографические записки крупнейшего деятеля церковного раскола XVII века, неистового ревнителя старой веры Аввакума Петрова — одно из самых страстных произведений в русской литературе. Вместе с другой хорошо узнаваемой по картине Сурикова фигурой — боярыней Морозовой — протопоп-раскольник стал символом стойкости и несгибаемости русского духа. Оба выдержали пытки и унижения, массированный нажим властей — вплоть до царя и патриарха, — но оба не отреклись от веры отцов и погибли за нее: одна умеренная голодом, другой — в пламени костра.

Конфликт книги — духовно-нравственное противостояние старообрядцев и их противников, обречших сторонников древнего благочестия на самые страшные пытки и смерти: «Чюдо, как то в познание не хотят прийти: огнем да кнутом, да виселицею хотят веру утверждать!» [2 с 24]

Настоящая работа — попытка показать, как исторические условия повлияли на человека и как он в ответ на вызов времени проявил свою историческую инициативу в жизни и в данном произведении. Житие протопopa Аввакума — это первое в отечественной литературе автобиографическое сочинение. Обычно жития пишутся после смерти святых подвижников на основании легенд и воспоминаний участников событий. Здесь же духовный вождь старообрядчества в качестве претендующего на соответствие церковным канонам Жития представил собственноручно написанные воспоминания о своей жизни. Текст был обнаружен в так называемом Пустозерском сборнике, где наряду с другими сочинениями старообрядцев находился и автограф Аввакума.

Актуальность темы определяется общественно-политической ситуацией в стране и мире. Для современной России, идущей по пути преобразований, опыт исторического прошлого представляет не только научный, но и практический интерес. Прежде всего исторический опыт необходим для выбора оптимальных способов государственного управления, для обеспечения стабильности политического курса, а также для поиска наиболее эф-

фективных методов при проведении непопулярных или не поддерживаемых всем обществом реформ, для поиска компромиссных вариантов в разрешении социальных противоречий. Умение выстраивать отношения на основе принципов толерантности в многоконфессиональной стране важно и для всех её граждан.

Сначала были известны три основные редакции «Жития». Первая редакция была написана Аввакумом в 1672–1673 годах. Третья редакция, судя по предисловию к нему, — не позднее 1676 года (здесь Аввакум пишет: ... предлагаю житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов»). [2с15] В промежутке между этими датами создавалась вторая редакция.

Житие обычно воспринимается исследователями как вполне законченное, готовое произведение и рассматривается без учета эволюции взглядов Аввакума, без учета изменений в его текстах, происшедших с течением времени. В данной работе использованы источники, введенные в научный оборот, их качественная внешняя критика уже осуществлена.

Общая оценка раскола такова: в дореволюционной историографии трактовки — его как результата косности и фанатизма как утверждала тогда официальная церковно-историческая наука или для демократического лагеря историков как движение социального протеста. Общепринятым в историографии советского периода видеть в расколе протест различных социальных групп, интересы которых были диаметрально противоположны.

Для современной литературы о расколе характерен плюрализм мнений написано много содержательных работ, которые к тому же представляют интерес для массового читателя, однако практически не рассматриваются культурологические аспекты церковного раскола.

Все исследования рассматривали произведение Аввакума с точки зрения жанровых и филологических особенностей, редко затрагивая социокультурное значение «Жития», характер протопopa изображался односторонне, не проводились сравнения идеологии, характера, поведения Аввакума с его единомышленниками, а главное не было сделано главное обобщение — новое время рождало новый тип человека — раскольника, чего раньше не могло быть.

Нам представляется, что при изучении Жития в истории литературы Аввакум может быть рассмотрен прежде всего как образ, как тип. Равно и другие персонажи Жития в историко-литературном плане должны нас интересовать не столько как реально существовавшие личности, сколько как характеры, составляющие вместе с Аввакумом героев нового «бунташного века».

Проблема старообрядчества не является исключительно церковной, у нее есть и иные аспекты — социальный, политический, культурный. Церковный раскол нанес жесточайший удар по национальному самосознанию. Ломка традиционных церковно-бытовых устоев и духовно-нравственных ценностей разделила некогда единый народ не только в церковном отношении, но и в социальном. Народному телу, которое тогда вполне совпадало с телом церковным, была нанесена рана, губительные последствия которой живут в столетиях. [5 с 325]

В настоящее время есть надежда на путь сближения Русской Православной Церкви со старообрядцами. Он не только не предвещает быстрых успехов, но и не обещает быть безболезненным. Между ними лежит тяжкий исторический груз жестоких преследований старообрядчества, между ними — память о пролитой крови, невинной и напрасно. Но первый шаг уже сделан: свобода от внешнего принуждения в делах церковных достигнута; канонический строй нашей Церкви восстановлен; клятвы на старые обряды и на придерживающихся их православных христиан Поместным Собором 1971 года торжественно упразднены и вменены яко не бывшие; отвергнуты все порицательные выражения, относящиеся к старым обрядам, и эти последние признаны равноспасительными и равночестными новым обрядам.

Протопоп Аввакум в силу обстоятельств своей жизни находился в самой гуще этих событий, сталкивался с самыми различными группами современного ему общества — с окружением царя, с правящей церковной партией, с боярством, с сельским и городским духовенством, с мирянами-горожанами, со стрельцами, с казаками. Таким образом, не литературная традиция, а прежде всего своеобразие самого жизненного материала, реальное содержание жизни самого Аввакума, как одного из проводителей социально-религиозной оппозиции, реальные формы борьбы его самого, его единомышленников подсказывали Аввакуму-писателю и адекватную форму отражения этого материала — сложное, развернутое повествование с широким социальным фоном, с большим количеством действующих лиц, с главным героем в центре; повествование, в котором органически сливались картины быта и религиозные рассуждения, героическое и обыденное, трагическое и комическое. Теперь уже известно, что Аввакум, отражая значительные по историческому смыслу и размаху события, сознательно отбирал из пестрого жизненного материала самое важное, самое характерное, самое яркое, довольно четко сформулировав принцип отбора: «Стану сказывать верхи своим бедам». [2 с 15] Благодаря этой сознательной установке на отбор

«верхов», Аввакуму удалось в своем сравнительно небольшом произведении собрать небывалое до того в памятниках древней русской литературы количество персонажей, отразить расширившиеся до Даурии пространства Руси, сжать большую, едва ли не полувекую историческую перспективу, сгустить до предела все мысли и страсти, волновавшие его самого и его соратников по борьбе.

Конфликт с Никоном, олицетворяющий, с точки зрения автора «Жития», силы зла, станет основным лейтмотивом произведения. При этом именно в этой части повествования сформулированы основные взгляды первого поколения раскольников, они очень противоречивы, но именно эти противоречия отражают противоречия эпохи. По сути, раскол, вне зависимости от той или иной степени идеологической консолидации, оставался движением очень пестрым, с высокой степенью обособленности, раздробленности. [1 с 58]

Религиозная нетерпимость Аввакума, пламенный агитационный пафос неистового протопопа, с одинаковой неустранимостью выходявшего на единоборство и с медведем, и с Никоном — патриархом, и с царскими немилостивыми воеводам особенно увлекала его последователей и делала его в глазах учеников святым. Однако, верующий по-настоящему человек не станет ненавидеть тех, кто, по его мнению, не прав. Верующего отличает терпимость к грешнику. «Люби грешника и ненавидь грех» — вот подлинно христианский принцип. Несоответствие у Аввакума между его внешним подвигом и внутренним содержанием этого подвига. Став во главе противников церковной реформы Никона, Аввакум повел борьбу смело, энергично и решительно, без всяких колебаний и малейших уступок, и собственно им — Аввакумом и создан церковный раскол. [3 с 176]

Кризисные, переломные периоды истории выдвигают на первый план фигуры недюжинного склада характера, ума и таланта. И весьма плодотворным в этом отношении для русской истории и культуры стал XVII век, названный «бунташным». Это время суровых потрясений для русской государственности породило такой социокультурный феномен как церковный Раскол, одним из идеологов которого был протопоп Аввакум — вероучитель, «расколочальник», философ, писатель-новатор, автор знаменитого «Жития», и множества других сочинений, принявший мученическую смерть за «великие на царский дом хулы» в апреле 1682 года.

Будучи по своей политической биографии и программе чуждым народным массам, Аввакум, являлся идеологом широкого движения в силу воинствующей тоталитарности своей проповеди, берущей свое начало именно из его политических установок.

«Религиозная форма, — пишет Н. С. Сарафанова, — не может помешать увидеть во всех этих мыслях Аввакума выступления в защиту личных достоинств человека. Эти высказывания обнаруживают в нем никак не консерватора, а такого мыслителя, в понимании которого отрази-

лись новые веяния его эпохи, эпохи, когда началось выдвижение незнатных людей в противовес старым боярским родам, терявшим свое значение». [6 с 470]

Биография, как жанр исторического исследования, имеет существенные «резервы» для расширения исследовательского пространства. Последнее в настоящее время включает в себя не только проблемы истории личности, характерные для классической биографии. Современные историко-антропологические и социокультурные подходы позволяют обратиться к новой проблематике. В частности, в настоящей работе предпринята попытка изучения биографии Аввакума с точки зрения выявления в ней фундаментальных признаков, свойственных первым поколениям раскольников. Поскольку число сторонников старой веры определяется историками XVII века как весьма значительное — до двух пятых от общей численности населения Московского государства, то можно с полным основанием говорить о целом историческом социуме, который противопоставил себя официальной (никонианской) церкви и государству. В связи с этим возникает потребность выявить и изучить эти фундаментальные черты-отличия, которые в конечном счете определяли мотивы поступков и модели поведения старообрядцев.

Надо иметь в виду, что выявление фундаментальных черт, свойственных первым поколениям старообрядцев, возможно на основе нескольких исследовательских стратегий.

Биография — одна из них. Ее несомненное достоинство — возможность индивидуализации, «доведения» фундаментальной черты до своего конкретного воплощения, реализации их в *жизни*. Но в этом и слабость подобной исследовательской стратегии, опасность подмены общего — частным, единичным. В настоящей работе мы попытались избежать эту опасность, пытаясь сосредоточиться на выявлении в биографии Аввакума того, что можно определить как *типичное* — поведение, реакция, объяснение, даже проявление чувств. В этом смысле «Житие» Аввакума рассматривается нами не столько как произведение древнерусской литературы, сколько как некая матрица мироощущения, мировоззрения и мироповедения, адресованная старообрядцам. В своем исследовании мы пришли к выводу, что «Житие» не только вообрало в себя и отразило типичные формы и содержание религиозного несогласия-протеста, продиктованные временем и традициями. Оно во многом сформировало *социальный тип* человека — приверженца старого обряда, включая такие вопросы, как его взаимоотношения с властью и ее представителями, с мирянами и духовенством.

Какие же характерные черты старообрядчества можно найти в произведении Аввакума?

В ходе исследования нами были выявлены такие типичные для поведения первого поколения старообрядцев черты как:

1. Нетерпимость к инакомыслию. Неукротимый духом и крепкий телом, священнослужитель требовал от паствы

своей безусловного «благочестия». Вера давала ему силы бороться за выживание и, далее, отстаивать тот вариант православия, который представлялся ему правильным. Его основной конфликт — борьба Божеского и антихристового начал. Таким образом, приняв меры против любых посягательств на свое право учительства, протопоп сразу же обеспечивал себе позицию нападающего и громил инакомыслящих как злостных еретиков.

2. Неприятие иного образа поведения. На практике эта вера «работала», и признать при таких условиях хоть в чем-то неправильность ее постулатов, было для Аввакума равнозначно отступничеству. Страдания для него — необходимое следствие борьбы, а небесная помощь убеждает в правильности сделанного выбора

3. Стремление к оцерковлению жизни, подчинение светского духовному, которое часто сводится к внешней форме, старому обряду и старой традиции. Аввакум стремится подчеркнуть неразрывную связь бытового уклада с церковью. Патриархальный уклад, охраняемый старым обрядом, и защищает он. Он стремится доказать, что старый обряд тесно связан с самой жизнью, ее национальными основами, а новый обряд ведет к утрате этих основ

4. Учительство и безоговорочное послушание пастве. Аввакум претендует и на некоторое свое апостольство, которое подтверждается его благодатными дарами, о которых он пишет в своем Житии. Это видения, пророчества, исцеления больных, общения с небесными силами и т. д. Это было время, когда у русского человека появляется потребность благочестия, научения нравственным правилам, средневековые пережитки уходили, человек начинал ощущать себя личностью, ему нужны были новые апостолы. Врачевание душевных скорбей должны были прочными узами приковывать к Аввакуму сердца его учеников.

5. Требование следования образцам. Аввакум настойчиво соединяет идею протеста против никониан с призывом к борьбе, сопротивлению, страданию за благоверие, обосновывая раскол как разрыв с государственной церковью, вплоть до таких крайних форм, как самосожжение, бегство в леса.

6. Пример святых и пример подвижников. Аввакум с помощью описания многочисленных чудес открыто свидетельствует о собственной святости. В некоторых случаях он проводит прямые аналогии с лицами священной истории: сравнивает себя с Авраамом у Мамврийского дуба, а в кульминационной сцене церковного собора недвусмысленно намекает на свое сходство с поруганным и распинаемым Спасителем. Крайность позиции Аввакума видна по его учению о пострадавших за раскол как о новых мучениках; хотя он и предупреждал, что считать их святыми можно лишь при наличии чудес, но сам предписывал благоговейно собирать их останки, молиться им как святым, и сам прославлял многих раскольников как святых мучеников, ограничиваясь лишь запрещением писать их иконы, что впоследствии и не соблюдалось. [4 с 396]

Взгляды Аввакума позволяют говорить о проявлении его разнообразных черт, которые являются типичными для норм поведения и идеологии той части старообрядцев, которые принимают уход от действительности, как форму борьбы. Таким образом, Аввакум становится в основном вождем той части старообрядцев, поведенческая модель которых — спасение в изоляции. (поведение по подобию).. Это требование особенно сильно звучит в произведении... как реакция на рост индивидуального начала, характерного для 17 столетия.

Уместно говорить о противоречивости произведения как отражение противоречивости времени, эпохи. Старообрядцы, приверженцы старины, которые в целом против

индивидуализма, за безликое общество социальных ролей. Но сам же Аввакум — противоположность этой установки, яркая личность, порождение процессов обмирщения культуры.

«Житие протопопа Аввакума им самим написанное» — это первая в истории нашей литературы автобиография — исповедь, в которой рассказ о заключении собственной жизни сочетается с гневным сатирическим обличением правящих верхов с публицистической проповедью «истинной веры». Тесное переплетение личного и общественного превращает житие из автобиографического повествования в широкую картину социальной и общественно-политической жизни своего времени.

Литература:

1. Аторин Р. Ю. Художественные размышления о протопопе Аввакуме, церковной реформе, русском народе и христианской вере. — М: «Арохеодоксія», 2011. — 58 с.
2. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения (под ред. Н. К. Гудзия). М., 1960
3. Керов В. В. Опыт контент-анализа «Жития» и посланий протопопа Аввакума (к вопросу о модернизационном аспекте старообрядчества) // Мир старообрядчества. Вып.4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М: — 1998. — с. 172–182.
4. Кожурин К. Я. Протопоп Аввакум. Жизнь за веру. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 396 с. : ил., — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1317)
5. Робинсон А. Н. Творчество Аввакума и общественное движение в конце XVII в. //ТОДРЛ. Т. 18. М. — Л., 1962. — С. 149–175
6. Сарафанова Н. С. Идея равенства людей в соч. протопопа Аввакума, ТОДРЛ. — 1958, т. 14. — 470 с.

Научное издание

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

II Международная научная конференция
г. Чита, декабрь 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.12.2013. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,00. Уч.-изд. л. 6,27. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Конверс»
420021, г. Казань, ул. Сары Садыковой, 61